

"Мои друзья святые. Рассказы о святых и верующих"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Наталья Горбачева

Мои друзья святые. Рассказы о святых и верующих

К читателю

Несмотря на внешнюю простоту, обыденность, «житейскость» рассказов Натальи Горбачевой, в них сокрыты глубокие духовные, даже аскетические истины. Вот, например, автор пытается достучаться до своего крестника, который нацепил на себя несвойственный ему имидж «делового человека». В дружеской беседе звучат горькие высказывания крестной матери о том, что «работа над имиджем заменяет человеку работу над собой. Вместо того чтобы заглянуть в себя, найти то, с чем нельзя мириться... человек начинает делать вид, что он уже такой, каким ему хотелось бы себя видеть». За этим и другими разговорами героев проступает попытка привлечь внимание к важному святоотеческому учению о подлинной человеческой личности, сокрытой (часто для самого человека!) за личиной страстей. То, что обычный человек считает своим «я», как правило, является набором различных его страстей. Однако познать это можно только подвигом христианской жизни.

Тьмы обесценившихся ныне и праздных слов стоит одно только описание внешнего вида и поведения горненской игумении Георгии в рассказе о ее монашеском пути: чистота у матушки даже в походке; перед таким человеком лишнего себе не позволишь. «У нее – ровное отношение ко всем... мягкость, настоящая человечность». Вот пример для подражания: когда матушка чем-то недовольна, она никогда этого не обнаружит перед людьми, в крайнем случае просто уединится, чтобы никого не смутить. Так живут люди, постоянно чувствующие себя в присутствии Божиим. А это, как учит святитель Феофан Затворник, и есть воплощение в жизнь заповеди о непрестанной молитве. Бывает достаточным показать сладкий плод ничем не омрачаемого душевного мира, полученный человеком от исполнения заповеди, чтобы посеять в других сердцах стремление подражать благому примеру.

Богословские сочинения и даже самые замечательные проповеди в наше время часто оказываются бездейственными, поскольку современный человек разучился слушать и слышать слово Божие. Несомненно, рассказы известной писательницы делают слово Божие доступным. Происходит это потому, что авторское слово точно и правдиво, истории не выдуманы, опытно прожиты и здраво с точки зрения евангельских истин изложены. Наблюдать за жизнью верующей души, избравшей в друзья святых, захватывающе, полезно и поучительно.

*Н.Н. Павлюченков, кандидат богословия,
кандидат философских наук,
преподаватель миссионерского факультета ПСТГУ*

Великие пророки

Это был исторический звонок. Михаил Абрамович, директор крупного издательства, лично позвонил мне и весело сказал:

- Бросаем тебя на амбразуру...

- Почему меня-то опять! – захныкала я, потому что сердце опустилось куда-то в пятки. Начинается...

- Выживешь, – утешил Михаил Абрамович, за глаза называемый МихАбром. – Мы тут серию затеяли, под названием «Великие пророки...»

- Библейские, что ли? - радостно удивилась я.

- Не умничай, - строго ответил он. - Даю наводку, думай до завтра. Надо про Серафима Саровского написать...

- Пре-пре-преподобного? - от неожиданности предложения я стала заикаться.

- Что ты там бормочешь? Не слышала о таком? Русский святой или я что-то путаю? - смутился и МихАбр.

- Но он не пророк, он пре-по-доб-ный. Святой монах.

- Понятно. Опять умничаешь, - общо выругал меня МихАбр. - Нам без разницы, это твоя задача повернуть так, чтобы он оказался пророком. Серия такая, ясно? И предупреждаю: проповедь твою не пропущу, - он облегченно вздохнул, поставив мне очередной иезуитский капкан. - Завтра в полдень как штык у меня.

«Без проповеди» - обычная в мой адрес «страшилка» МихАбра. Ладно бы, если дело касалось повести или романа, даже исторического, но чтобы в жизнеописании святого обойтись без проповеди - тут, конечно, постараться надо... Святые - они без слов проповедуют самой своей жизнью.

Но время ведь какое было? Середина девяностых годов прошлого века. Только-только стали возвращаться к народу сокровища его православной культуры: возрождались церковные приходы, возникали православные братства, открывались полуразрушенные храмы и монастыри, из-под спуда на свет Божий извлекалась дореволюционного издания житийная и святоотеческая литература. Современных книг христианской тематики почти не было. Трудно было купить обычный молитвослов или разжиться церковным календарем... Редкие полуподпольные православные издательства только-только осваивали массовые тиражи вышедшей из употребления христианской литературы. Светские издательства еще и не задумывались об этом. МихАбр оказался в числе первых: как всегда свой издательский нос он держал по ветру чутко реагируя на запросы общества. Я даже испытала некоторую гордость за издателя, всегда державшего меня в ежовых рукавицах.

За вечер эту радостную весть я растрезвонила всем своим хорошим знакомым и выслушала множество общих восторгов по поводу того, что теперь, наконец, стало видно, как по-настоящему дунул ветер перемен, наступила свобода совести, наметился выход из семидесятилетнего коммунистического плена, появилась надежда на возрождение России и прочая, прочая. Это действительно было время больших надежд. За пару часов знакомые возвели меня в ранг чуть ли не знамени благих перемен. Всем им была так близка мысль, что необходимо менять идеи в головах обезбожившихся соотечественников, что достигалось, в том числе и через книги христианского содержания...

- А вдруг не напишу? - поскуливала я.

- Напишешь, - отвечали мне. - Верим в тебя.

При последнем дружеском звонке я ясно осознала свою ошибку: сначала надо было книгу написать, а потом уже распространять радостную весть... Трудно было от этих ошибок удержаться, потому что в духовной жизни все мы тогда были сущими младенцами... И вот этому-то «младенцу» предстояло писать про великого русского святого. Ночью долго не могла заснуть, переживала, вдруг не осилю - ведь никогда даже не предполагала, что придется писать о святых. Успокаивало только то, что именно про преподобного Серафима я очень много

читала, в доме собралась небольшая библиотечка, в которой имелся даже двухтомный репринт знаменитой «Серафимо-Дивеевской летописи», написанной к прославлению Саровского чудотворца будущим священномучеником Серафимом (Чичаговым) и которую от корки до корки я успела прочесть несколько раз – так легла эта «Летопись» на душу. В конце концов, вспомнила я хорошие русские поговорки: «не боги горшки обжигают, а те же люди», «терпение и труд все перетрут»... Буду молиться преподобному, читать акафисты, месяца за четыре-пять разберусь и с Божией помощью напишу.

В кабинет МихАбра на сей раз я вошла без страха, зная, что он не будет меня мучить предложением написать «дамский» роман.

- Ну?! – сказал он свое знаменитое и сделал театральную паузу. – Готова?

- Не то, чтобы да... Ну и не то, чтобы нет, – весело ответила я.

- Даю месяц, – выговорил он.

- В смысле? – не поняла я.

- Через месяц рукопись должна лежать у меня на столе, чего тут непонятного. Страниц двести. Чудес набирай, хоть на полкниги. Народ любит сказки. В общем, сообразишь, не маленькая.

Мне захотелось упасть в обморок. Но я только вжалась в спинку стула. МихАбр сделал вид, что разговор окончен.

- Ты еще здесь? – оторвался он от своих бумаг.

- Это невозможно, – сглотнула я.

- Опять не так: дали ей наконец писать про своих святых – недовольна... – применил свою безотказную наступательную тактику МихАбр.

- Срок нереальный...

- Какой еще срок нужен, ты же про него все знаешь? Не роман ведь, где думать надо! Тут всего делов-то: записать известные вещи! Разговоров больше.

- Так давайте я вам продиктую, а вы запишите... – обозлилась я.

- Если это шутка, то глупая... Мы хотели твоей книгой серию открывать... Но если отказываешься, я уже заказал про Джуну, про Блаватскую, Нострадамуса...

- Что? Про кого? – с тоской переспросила я и буквально лишилась дара речи.

Опустив голову, представила, как приду домой, позвоню вчерашним знакомым и скажу... Что я им скажу? Они – не писатели и совершенно не в курсе того, «из какого сора растут стихи» и книги, писательская кухня им незнакома; они просто не поймут, почему не использовала шанс написать про преподобного Серафима. Но, ужаснулась я, каково будет святому чудотворцу, которому на протяжении жизни двенадцать раз являлась Сама Пресвятая Богородица, оказаться в одной компании с экстрасенсом Джуной (в ту пору бывшей на гребне своей славы «ясновидящей целительницы»), теософкой Блаватской, астрологом и алхимиком Нострадамусом... Их заблуждения противны христианству. Пророк – провозвестник воли Божией и в этом смысле прозорливца Серафима Саровского можно, наверно, назвать

пророком. Но те-то трое от противника Бога «прорицают». «Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром?» [1] Все смешалось в доме Облонских... Спорить с МихАбром на эту тему бесполезно: это надо с детсадовского возраста разгребать авгиевы конюшни духовных заблуждений советского человека, или, по крайней мере, с октябрят, которые «юных ленинцев отряд».

- Наталья, заснула, что ли? - услышала я.

- Михаил Абрамович, а у вас случайно нет Библии?

- Настольная книга... - усмехнулся он. - Ты думаешь, я совсем тупой?

- Ну почему... Так не думаю, - я замотала головой.

- А как ты думаешь?

- Я? - он застал меня врасплох.

- А если не думаешь, тогда слушай, что тебе умные люди говорят. Пиши, знай... - МихАбр вытянул на свой мощный живот ящик письменного стола и достал Библию карманного размера. - Ты под стол пешком ходила, а я ее уже из Германии привез, читал на досуге.

- А можно посмотреть?

Взяв в руки книгу в дорогом черном кожаном переплете, я стала рассматривать ее, мучительно стараясь припомнить, в каком месте говорится о прорицателях: Исайя? Нет... наверное, Пятикнижие... теплее-теплее... Исход? Левит?

Я листала Библию и молилась: где же, Господи, где? И вдруг книга выскользнула из рук и упала на пол.

- Раззява! - махнул рукой МихАбр. - Давай сюда.

Я наклонилась и осторожно подняла раскрывшуюся книгу. Раскрылась она в нужном месте...

- Вот ответ, вот! - обрадовалась я. - Послушайте! «...Не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это» [2]. Второзаконие...

- Ну и что?

- Это как раз про ваших так называемых «пророков» знахарку-Джуну, Предсказамуса...

- Про Нострадамуса не в курсе, а Джуна - ученый экстрасенс, - перебил он.

- Это по-модному «экстрасенс», а раньше их колдунами называли. И соответственно к ним относились. Церковь категорически запрещает к ним обращаться.

- Джуна Брежнева пользовалась... Вся наша элита около нее крутится. Многих людей исцеляет.

- Если элите нравится с помощью бесовской силы исцеляться - никто препятствовать не может. Хозяин - барин. Здоровье, она, может, на какое-то время и поправляет, только душе вредит, потому что выводит на контакт с нечистой силой. А там уж - как повезет. Психушка - это еще лучший выход. У меня так один знакомый вляпался, теперь на галоперидоле сидит.

- Это бывает у непризнанных писателей, - съязвил МихАбр.

- Нет, он к Кашпиоровскому ходил.

- То Кашпиоровский...

- Дык тоже экстрасенс. Как сказано: имя им легион. Люди в Перестройку к вере потянулись, а по своему духовному невежеству веру с суеверием перепутали. Тут шарлатаны разных мастей и подсуетились, а вы их в «великие пророки» возводите... Церковь запрещает ходить к экстрасенсам, потому что заботится о духовной безопасности людей. Мы же не возмущаемся, если врач больному не позволяет что-то бесполезное делать.

МихАбр задумался или сделал вид...

- Знаешь... - так же задумчиво произнес он; это могло предвещать всё что угодно, - тебя иногда интересно послушать, не отрицаю. Но мы для другого собрались, понимаешь? Я тебе книгу писать предлагаю. Про русского святого. Вот там можешь постебаться над экстрасенсами. В пределах разумного, конечно!

- Много чести! Джуна - ученый, не смешно? Ее лженаучная деятельность - просто ухочечешься: сперматозоиды, видите ли, она оживляет и работает над формулой бессмертия. Воскрешать людей собирается в недалеком будущем. Вам не кажется, что тетя сама психбольная? Каким боком вы хотите эту любительницу саморекламы сравнить с преподобным Серафимом, который, смиренно называя себя «убогим», исцелял молитвой тысячи и тысячи людей.

- Вот что! - взревел МихАбр. - Когда ты будешь сидеть на моем месте, а я на твоём, тогда будешь рассуждать, поняла?

Тут меня понесло...

- Помню, вы, Михаил Абрамович, просили меня написать такую книгу, чтобы через нее люди к Богу обратились. А я вам что ответила? Что Библия уже написана, пусть читают. И что если вы миллион книг против Бога напечатаете, из-под такого завала не то что написать, пикнуть невозможно. А теперь к этому миллиону вы хотите еще три книги приложить! Что и требовалось доказать!

- Вон! - заорал МихАбр. - Вон из моего кабинета!

Мне стало даже смешно, эх, бесы встрепенулись: не хотят своих в обиду давать.

- Прощайте! - сказала я, поднявшись со стула.

- Давай-давай! - отмахнулся он и взял телефонную трубку. - Настя, дверь на ключ. Сейчас эта сумасшедшая выйдет... Выдержи ее минут пятнадцать, пусть придет в себя и снова запустит...

Когда я вышла в приемную, секретарша покрутила у виска пальцем и сказала:

- Ты как маленькая! Ему же нельзя волноваться...

- Пусть на даче цветы разводит, - отрезала я.

- Что там у вас опять, идейные разногласия? Не надоело тебе?

- Надоело, - согласилась я. - А что делать? Ну как можно колдунью со святым сравнивать? Люди совсем запутаются. Если он хочет, пусть ради прибыли дальше «втирает», а я грех на душу брать не буду, - и направилась к выходу, толкнула дверь.

Дверь была заперта.

- Идиоты! - треснула я по ней кулаком. - Открой, что за идиотские шутки! Все равно не буду...

- Будешь... - вздохнула Настя. - Куда ты денешься! Лучше уж ты напиши, все равно ведь кого-нибудь найдет. У нас много мастеров: что про серафима, что про херувима, что про черта лысого написать.

- Да... - вдруг задумалась я. - Это будет еще хуже, если неверующий возьмется. Такое наплетет...

- Ну! - воскликнула секретарша. - О чем и речь! Кофейку вот хлебни, успокойся: осталось пять минут. Через четверть часа у него новая встреча. Очень ответственная, не порти ему настроение...

- Ясно дело: с солидными людьми ответственная встреча, не то, что со мной, убогой!

- Да ладно, он тебя любит... Когда серию задумали, о тебе первой вспомнил.

- Угу, - усмехнулась я. - Какой еще дурак согласится за месяц книгу написать... да еще про святого. Нет, пойду. Открой дверь. Открой!

- Он меня премии лишит, - отбивалась Настя.

- Твоя премия как два моих гонорара, считай, что мне пожертвовала.

Зачем я стала пререкаться, наверно, чтобы потянуть время.

Господи, что же делать? Батюшка Серафимушка, подскажи, подскажи... Ради тебя ведь копыа ломаю... Бредовая ситуация. Но может, мне это только так кажется? Вдруг зазвонил телефон.

- Здравствуйте, представьтесь, - ответила Настя. - Нет, Михаил Абрамович занят. Звоните завтра.

- Настя, мне срочно надо позвонить... - осенило меня. - Дай телефон.

Я набрала номер своего духовника. Только бы он был дома, нет, наверняка он еще в церкви... Долго никто не подходил. Я уже хотела положить трубку.

- Алё! - на другом конце послышался усталый голос.

- Ой, простите, батюшка, вы отдохали? Это Наталья...

вернуться

1

2 Кор. 6: 14-15.

вернуться

2

Второзаконие 18: 10-12.

- Только прилег, с пяти утра на ногах. Что случилось?

- Не знаю, как поступить... - начала я и стала быстро пересказывать свои сомнения по поводу намечавшейся книги: что и название серии сомнительное, и сроки нереальные и вообще, в состоянии ли буду написать ее, это ведь не роман придумать, тут житие святого, не погрешить бы...

Из-за двери выглянуло грозное лицо МихАбра, перепуганная Настя уже протянула руку, чтобы нажать на рычаг телефона:

- Все, хватит... - почти закричала.

- Батюшка, меня сейчас на казнь поведут... - взмолилась я и оттолкнула ее руку. - Что делать?

- Пиши. Господь благословит, - спокойно ответил священник.

- А название серии?

В этот момент МихАбр вышел из кабинета в приемную и взревел:

- Ты кому это тайны наши выдаешь? Иудушка! - и Насте досталось. - А ты что уши развесила?

- Пиши, - подтвердил духовник. - И солнце бо места скверная преходя, не оскверняется. Так и святой среди грешников... За название не ты будешь отвечать, а тот, кто придумал...

Настя таки нажала на рычаг телефона, и в трубке тревожно зазвучали короткие гудки.

- Вон! - директор издательства указал мне на дверь. - Больше ты у нас не работаешь!

- А я вот решила про Серафима Саровского вам написать, - через силу выговорила я, хотя хотелось запустить в него тяжелым папье-маше. - Духовник благословил...

- Обойдемся! Ты пока напишешь, кишки всем выпустишь! Все! - подтвердил он свой приговор. - Не надо! - и ушел в кабинет.

Настя пошла открывать дверь, а мне сделала знак, чтобы подождала...

Раздался телефонный звонок. Она бросилась к трубке:

- Да, Михаил Абрамович... Здесь... Хорошо...

Настя положила трубку и кивнула на дверь кабинета:

- Зовет... Пожалуйста, не противоречь. Через пять минут ему выезжать.

МихАбр торопливо засовывал нужные бумаги в свой портфель. Я остановилась у порога.

- Значит, так, - не глядя на меня, сказал он. - Через месяц на этом столе должна быть рукопись.

- Не успею, - твердо ответила я.

- Сколько тебе надо?

Мои мечты о четырех-пяти месяцах рассеялись как туман. Я вздохнула и тихо произнесла:

- Два...

Он поднял на меня глаза и гнусным голосом сказал:

- Ты меня без ножа зарезала. Серия уже объявлена в продажу. Полтора.

- Я умру... - сопротивлялась я.

- Верить в своего Серафима... вот пусть он тебе и поможет. Заодно и проверим.

- Ваши слова да Богу в уши.

- Уже там, - не задумываясь, парировал он. - Через сорок пять дней жду. Все. Иди. Договор у Насти, подпиши...

МихАбр с портфелем подмышкой выбежал из кабинета, потом вышла я.

В договоре был пункт, в котором говорилось, что за каждый просроченный день я плачу неустойку. Это уже слишком: настоящий разбой на большой дороге... Но директора уже и след простыл. Встал вопрос, подписывать или не подписывать? Я задумалась и представила, сколько нервов будет стоить мне спор из-за этого пункта. Лучше уж написать книгу... И я подписала драконовский договор.

Печально переставляя ноги, брела я домой. От той радости, с которой шла в издательство какой-нибудь час назад, не осталось и следа. Опять неожиданно-негаданно образовалась тупиковая ситуация: «низы не могут, верхи не хотят». И уже точно известно: революция не поможет. Что делать? Как-то смириться? Хорошо: смирюсь и что дальше? Книга же все равно сама не напишется...

Спешащие куда-то люди раздражали, шум машин на проспекте казался невыносимым, а МихАбру послала я мысленно не одно крепкое слово: наверно, ерзал, бедный, на стуле на важной встрече.

- Сила Божия в немощи совершается, - неожиданно всплыло в сознании, я даже повторила вслух. - Сила Божия в немощи совершается...

Я почувствовала великую правду этих евангельских слов. Если нет человеческих сил, то в благом деле Бог особенно будет помогать. Да и что унывать? Сколько раз уже стояла перед неведомой пропастью, которая страшила и манила - когда МихАбр задавал мне задачки со многими неизвестными: напиши эдак страниц пятьсот-восемьсот повести или романа быстро и хорошо, без подготовки и долгих раздумий... И как-то ведь справлялась... А тут всего двести страниц... за полтора месяца - бр-р-р! И про кого? Про святого чудотворца Серафима Саровского, духовные подвиги которого превосходили всякое человеческое разумение. Ну так если святому угодно, чтобы была написана эта книга, он и поможет. А если нет - хоть целый

год пиши, не получится...

Весь вечер звонили знакомые узнать результаты похода в издательство. Поначалу под охи и ахи слушателей в лицах рассказывала я о несчастной судьбе новой книги. Все сочувствовали мне, ругали МихАбра, давали всякие советы, как «поставить его на место», хотя никто не имел реального представления о его могучем характере... В конце концов, мне надоел этот театр, который только рассеивал последние державшиеся в голове мысли, и я перестала отвечать на звонки. Собрав все имевшиеся в наличии книги про преподобного, я села под уютный торшер и... все равно не знала, что делать. Наверно, лучшим вариантом было помолиться и лечь спать. Но кто-то продолжал настойчиво звонить каждые пять-десять минут. И я, наконец, взяла трубку.

- Где тебя носит? - услышала я рассерженный женский голос, который не сразу и узнала.

- А, Томочка... доброй ночи! Как ты? Давно не виделись...

Тамара была одной из подруг молодости. Потом наши пути разошлись. Она продолжала жить в моем родном городе, из которого я уехала. Когда инженерную «шарашку», в которой работала Тома, разогнали, ей пришлось стать «челноком», создавая в перестроечной стране на свой страх и риск товарное изобилие. За товаром она ездила в Польшу: туда на продажу везли изделия из химволокна и нержавеющей стали, обратно - обувь, кожу, продукты питания. Иногда, проездом через Москву, Тамара день-два «перекантовывалась» у меня.

О, только не это! Что бы такое придумать, чтобы бывшая подружка сию минуту от меня отстала...

- Слушай, Наташа. У меня дела совсем никудышные, - с таким на ночь глядя признанием Тома снова ворвалась в мою жизнь. - С торговлей... Не буду пудрить тебе мозги, но хоть из «челноков» уходи: конкуренция злющая. И куда мне идти? Дочка третьего ждет, сама не работает, муж мой болеет... Никуда не устроишься, надо лямку дальше тянуть, а сил нет, понимаешь?

- Понимаю... - вздохнула я.

- Сказали, что мне надо Серафиму Саровскому помолиться об удаче в торговых делах. Он ведь считается покровителем торговцев - и простых продавцов, и бизнесменов. Ты у нас все знаешь. Слышала такое?

- Не знаю... - растерялась я, вдруг услышав имя святого старца. Даже как-то не по себе стало: будто сам он мне так быстро какую-то «молнию» подал.

- Нет-нет, мне верные люди сказали. А я верю. Знаешь почему? Он же в Курске родился, как и я. В семье купца, у которого кирпичный завод был. У моего прадеда тоже кирпичный завод до революции был, откуда, думаешь, у меня торговая жилка?

- Надо же, не знала...

- Еще б ты знала! Сама не так давно услышала: мать перед смертью рассказала... А Серафим-то, когда его в миру Прохором звали, это когда он еще не святой был, торговал в лавке брата. Но не понравилось ему это дело, и он ушел в монахи. Так?

- Ну, так, - согласилась я. - И из этого у тебя следует, что святой Серафим - покровитель торговли?

- Конечно, торговля у них хорошо шла.

- Как у тебя все в кучу намешано... Том, давай в другой раз поговорим на эту тему. Двенадцать ночи... Если веришь, что батюшка Серафим тебе поможет, так и молись ему... А вообще я очень рада, что ты к Богу пришла.

- Это тебе не книжечки писать. Поишачь «челноком» три года, хоть в кого поверишь!

Да, к сожалению, «челночество» повлияло на Тому: тон разговора стал каким-то вульгарным и развязным, этого раньше за ней не замечалось; к тому же была она, кажется, выпивши.

- Если «хоть в кого», то Серафиму не дерзай молиться, а то возьмет и вразумит тебя каким-нибудь новым испытанием. Сначала определись, в кого веришь, - с раздражением ответила я.

- Да ладно, Натаха, не кипятись. В Бога верю... И ты у меня одна такая. Я подумала, чё в воздух-то слова бросать, надо в Дивеево смотаться. Там уж с толком и помолиться.

- Воздух, Том, везде один. А так, дело хорошее... смотайся.

- С тобой хочу, я сама там запутаюсь.

- Нет, Том, - отрезала я. - Мотаться у меня нет времени. Именно сегодня подписала договор на книгу о преподобном Серафиме.

- Да ты что!.. - ахнула Тамара. - Чудеса! А ты уже была там?

- Не была. И нет времени побывать. Сорок пять дней дали на книгу - тикает с завтрашнего дня.

- Как же писать, если не была в Дивеево? Придумывать будешь? Враки ведь получатся, - язвительно сказала Тома.

У меня не было ни сил, ни желания спорить с ней, что это не совсем так, даже совсем не так... Тамара не сдавалась, пристала ко мне как банный лист: поедем и поедем. В конце концов, я «сломалась», подумав, а вдруг через нее преподобный старец и меня к себе призывает. Конечно, молитва ко святому на всяком месте хороша, но все же около раки с его мощами особенно живо чувствуется невидимое присутствие и присущая ему благодатная сила Божия [3].

В шесть утра к моему подъезду подкатил джип, за рулем была Томина приятельница Валя, которая, воспользовавшись остановкой, стала искать, какую кассету послушать в дороге и поставила Высоцкого.

Вы мне не поверите и просто не поймете —
В космосе страшней, чем даже в тартарском аду.
По пространству времени мы прем на звездолете.
Как с горы на собственном заду.

Я поморщилась.

- Не нравится Владимир Семенович? - удивилась Валя.

- Смотря по обстоятельствам. Тишины хочется...

- Ну, сказанула... я усну в тишине! Садись на переднее, тоже меня веселить будешь! Томка

сказала, что ты такая начитанная-начитанная.

Мы тронулись в неведомый путь. Мои дамы, прицениваясь к проезжавшим мимо редким еще иномарками, с восторгом обсуждали недавнюю покупку Вали – этот самый вожденный джип, на котором мы ехали. Она заработала его тоже челночными рейсами, но в Китае. Томе, как мне показалось, было завидно. Ей тоже хотелось и джип, и квартиру попросторнее... У Вали характер был пожестче, и желание ее было на порядок выше – открыть свой бизнес.

Пока выезжали из Москвы, я молчала. И хотела молчать всю дорогу. Но как только мы пересекли кольцевую, мои попутчицы заговорили о цели своего путешествия. Дамы, как оказалось, не собирались задерживаться в Дивеево. К ночи им надо было «непрерывно» вернуться в Москву – «какие там всемогущие!» Они были решительно настроены на чудо, а поездку в монастырь воспринимали как магический акт: приедут, поставят «куда ты нам скажешь по самой большой свече», закажут «обедню за здравие», «поцелуют мощи» и «покровитель торговли» непременно устроит так, как им надо. Вот тут пришлось заговорить. Я постаралась втолковать им, что это совершенно неправильный подход к святыне – потребительский: выбралась вот к тебе, чудотворец, деньги привезла, а ты нам – чудо сотвори.

- Святому деньги не нужны, – сказала я. – Это ваша жертва на монастырь, где сестры денно и нощно молятся за мир.

- Натаха! А что же ему надо? – подергала меня сзади за плечо Тома. Голос у нее был охрипший, простуженный.

- Ему надо благое расположение ваших сердец.

- Чего-чего? – закашлялась Тома.

- Жизнь по Божиим заповедям. Покаяние.

- Так, дорогая редакция, значит, зря едем? – отрезала Валя и притормозила джип.

- Да почему же зря! – воскликнула я. – Не вы первые, не вы последние... К батюшке Серафиму в Саровскую пустынь, где он был монахом, в конце жизни приезжало до двух тысяч человек ежедневно. Плюс присылали ему множество писем, в которых просили советов и молитв в какой-нибудь беде. Отец Серафим часто, не распечатывая, знал их содержание и просил писать адресатам ответы. При этом он говорил писцу: «Вот что скажи от убогого Серафима...» После его кончины в келье обнаружили чуть не мешок нераспечатанных писем, авторы которых в свое время получили точные ответы.

- Да ты что!.. Правда? – Валя повернула ко мне изумленное лицо и одновременно поддала газу и ловко обогнала грузовик.

- Ты и лихачка! – вскрикнула я. – Поосторожней...

- Не бойсь! – чихнула сзади Тома. – Валюшка – ас! Ты рассказывай, рассказывай... Отрабатывай, Натаха, дорогу.

- Вот так вот, – с обидой сказала я. – Может, лучше посадите меня, вдруг не отработаю...

- Да не обращай на нее внимания! – ответила Валя и убавила Высоцкого. – Говори! Что хочешь. Мы – ноль в этом деле.

Трудно было начать, если люди «в этом деле ноль».

- Расскажу вам интересную историю про одного генерала... - начала я, кое-как собравшись с мыслями. - Однажды приехал в Саров заслуженный генерал, который много слышал о Саровской пустыни. И вот, издали, наверно, с балкона гостиницы, осмотрел он монастырские здания, потом зашел внутрь монастыря, прошелся мимо церквей, увидел келью известного уже на всю Россию старца Серафима, и решил, что любопытство его удовлетворено, пора ехать дальше. Но тут встретился он с одним знакомым помещиком, который с трудом, но уговорил генерала все же зайти к старцу Серафиму. Вместе они вошли в его дом-келью и увидели полусогнутого батюшку, который как будто знал об их приходе, потому что тотчас вышел навстречу и поклонился генералу в ноги. Полусогнутым на всю жизнь отец Серафим остался от побоев разбойников, которые думали найти в его лесной келье деньги. Ну вот... Помещик вышел в сени, а увешанный орденами генерал около получаса беседовал с монахом. И вдруг из кельи послышался плач: это плакал военный. Вскоре раскрылась дверь, и отец Серафим вывел под руки генерала, который продолжал плакать, закрыв лицо руками. Фуражка и ордена, которые свалились с генерала во время той беседы сами собой, были забыты им у старца. Отец Серафим вынес ордена и тихо сказал: «Это случилось потому, что ты получил их незаслуженно». Впоследствии генерал многим рассказывал, что прошел всю Европу, знал множество людей, но впервые увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский старец. А о подобной прозорливости даже и не слышал: «убогий Серафим», впервые увидев генерала, рассказал ему обо всех его грехах до тайных подробностей.

- Да ты что!.. - поразилась Валя, которая, не жалея свой джип, гнала его по колдобинам расейской глубинки. - И как это он отгадывал, не пойму?

- Не отгадывал он, - воскликнула я. - Дело это Божье. Бог Всеведущий про любого человека знает все. Он и открывал святому, с чем каждый пришел к нему. А открывал, потому что многими и великими монашескими трудами очистил старец свою душу и мог воспринять Божии внушения. Тебе, например, Высоцкий внушает, ты его любишь, а преподобному Серафиму - Бог, Которого он возлюбил больше всего на свете.

- Да так чё хошь можно объяснить, - откликнулась Тома.

- Конечно! У нас же страна советов: все всё знают... - ответила я. - Только чудотворцами почему-то не становятся.

- А что, он в чем угодно мог помочь? - задала другой вопрос Валя.

- Статистику, как говорится, не наводила. Но правильно будет сказать так: с каким затруднением человек приходил к батюшке Серафиму - в том и получал облегчение. Если хотел узнать, где спрятана украденная лошадь, - он указывал. Если приходил, чтобы разобраться в причинах жизненных неудач, прозорливец открывал эти причины. И если потом человек поступал по советам батюшки, то вся его жизнь постепенно исправлялась и устраивалась. Из тех двух тысяч проходящих к нему многих он просто благословлял, кому-то говорил на пользу несколько слов. Но с особенной любовью принимал тех, в ком прозревал раскаяние в грехах и желание исправиться.

- Что-то мне страшно... не хочу туда ехать, - вдруг сказала Тома и схватила меня за плечо. - Давайте вернемся.

- Не выдумывай! - строго ответила Валя. - А я бы обязательно к Серафиму пошла, жаль, что умер. Подсказал бы, что не так делаю... А то ведь правда не у кого спросить. Я вот ходила ко

всяким астрологам, сколько деньжищ угробила. Гороскопов мне насоставляли – и каждый свой рисует... Какому верить?

вернуться

3

Не зря святитель Иоанн Златоуст говорит: «Вид гробницы святого, проникая в душу, и поражает ее, и возбуждает, и приводит в такое состояние, как будто сам лежащий во гробе молится вместе, стоит пред нами, и мы видим его, и таким образом человек, испытывающий это, исполняется великой ревности и сходит отсюда, сделавшись иным человеком».

- Никакому не верь, – ответила я.

- Почему?

- Валя, у тебя какая была профессия?

- Инженер-строитель.

- Значит, мозги есть... Вот и подумай: когда человек верит гороскопам, он доверяет свою судьбу не всеведущему Творцу, а созданным Богом бездушным звездам, которые якобы могут влиять на нашу жизнь. С чего бы это? Вот едем мы в машине, которую человек, покумекав, изобрел и собрал. Машина, что ли, тобой управляет? Нет, ты машиной, как Бог звездами. Это же так просто...

- Да... Просто, если человек действительно верит в Бога.

- Так определись, Валя! И дело с концом...

Валя засмеялась, и бывшая между нами напряженность вдруг исчезла. Тома, наоборот, вжалась в заднее сиденье и застыла, думая о своем. По ее виду чувствовалось, что она заболевает. Это было очень некстати – запросто можно было заразиться. И как тогда мне книгу писать с головной болью?

- Когда приедем в Дивеево, ты подойди к серафимовым мощам и все, что волнует, выскажи ему своими словами... – посоветовала я. – И он услышит, как будто ты к живому пришла... Он и есть живой, только живет теперь на Небесах. И помолится за тебя Богу, а Бог рассудит, как тебе помочь... Может, тебе вообще не надо бизнес открывать.

- Как это?! – удивилась Валя.

- Может, тебе бесполезно бизнесом заниматься, бесперспективно, или какие-то неведомые опасные препятствия существуют, Бог знает... – ответила я.

- И что? – повернулась она ко мне с удивленным лицом.

- Да ничего, что-то другое Бог даст.

- Нет, послушай, я же хочу открыть бизнес, в котором разбираюсь, деньги хорошие, перспективы, наоборот, прекрасные...

- Мне кажется, бесполезно просить что-то у старца святого, если ты уже решила. Надо волю-то свою в кулак зажать и как бы с ним советоваться, что тебе дальше делать... Тогда он и управит, именно как надо...

- Да ты что! - задумалась Валя. - А ведь правда... Правда.

- А я все равно хочу джип и квартиру четырехкомнатную, - чихнула на заднем сиденье Тома.

- Ну и хоти, - согласилась я. - Хотеть не вредно. Вон дочка твоя хотела детей, двоих без мужа и родила. Третьего папаши тоже не знаем?

- При чем здесь это! - обиделась Тома.

- При том! Войны нет, а безотцовщина, - ответила Валя.

- Да! Поэтому и квартира нужна, попросить нельзя, что ли? Это ты детей пораспихала по бабкам и: «не хочу быть черной крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой»...

Я молча слушала их пререкания: у каждого своя правда. И неправда. Кто распутает все эти узлы? Только Бог... если они захотят с Ним жить. Потом с полчаса ехали молча, каждый думая о своем, и вдруг Валя сказала мне:

- Расскажи еще чего-нибудь, интересно у тебя получается. Могла бы деньги лопатой грести, знаешь, какие бы залы собирала...

- Без труда не вынешь рыбку из пруда, знаешь? - ответила я.

- Языком-то молоть трудно разве, у кого он подвешен? - вставила Тома.

- Смотри для чего подвешен... - усмехнулась я. - Бывает, что и двух слов связать невозможно... Но и в другом убедилась: когда вижу в человеке интерес к познанию Истины, слова как-то сами собой изливаются. Это благодать Божия касается сердца. Ее не купишь и не продашь. Преподобный Серафим удивительные чудеса творил силой Божией, а как был бессребреником, так им и остался. И смирение его было поистине святое. Любому говорил: «Радость моя!», и эта радость передавалась людям. А ты от своих астрологов только в смущение впадаешь, какому гороскопу верить. Потому что они хотят от тебя только денег и зависимости на дальнейшие времена. Ясно?

- Похоже...

За разговорами время быстро летело.

Валя, где только позволяли дороги, гнала так, что мы домчались до Арзамаса часов за пять, ни разу не заблудившись. Проехали сквозь обветшалый бесцветный город, раньше наполненный церквями, а теперь «чапками». Грустное зрелище... такое, скорее всего, встретим мы и в Дивеево, до которого оставалось всего несколько десятков километров.

- Мы, конечно, молодцы, что поехали, - вдруг сказала Валя. - Но собрались как-то внезапно: в Дивеево - давай в Дивеево, к Серафиму - давай к Серафиму, а до этого целый год собирались. И что ты думаешь, так ведь и не поинтересовались, что там в этом Дивееве. Какой-то монастырь, какие-то мощи откуда-то принесли. Расскажи хоть...

История святых мощей чудесна. Батюшка Серафим в 1833 году отошел в вечность и был

похоронен в Саровском монастыре, но предсказал, что плотно будет лежать в Дивеево. Кто мог тогда поверить в это пророчество о его святых мощах, если само Дивеево было ничем непримечательным поселком, в котором жили рабочие завода. Но в этом святом месте, как песчинка в жемчужнице, уже действовала женская общинка матушки Александры (Мельгуновой), из которой-то впоследствии разрослась Серафимо-Дивеевская женская обитель, целиком и полностью построенная по велению Царицы Небесной. Оставшись после смерти мужа-полковника молодой богатой вдовой, она решила посвятить дальнейшую жизнь Богу. В Киеве Агафия Мельгунова постриглась и по указанию явившейся ей Пресвятой Богородицы пришла в Дивеево. Когда умерла ее десятилетняя дочь, матушка Александра продала свои громадные имения, расточая вырученные деньги на благотворительность и строительство церквей. В Дивеево в 1770-х годах она построила церковь Казанскую и, забыв свое нежное воспитание, стала жить строгой подвижницей, пользуясь духовными советами старцев Пахомия и Исаяи из ближней Саровской пустыни. В это же время молодой Прохор Мошнин, будущий преподобный Серафим, проходил в Саровской пустыни свои первые послушнические труды под духовным руководством этих старцев. Постепенно около новой дивеевской церкви сложилась женская Казанская община, покровительство над которой после смерти старцев Пахомия и Исаяи перешло к отцу Серафиму Однажды в Саровском лесу ему явилась Богородица, назвала восемь имен девушек из общины матушки Александры и с этих восьми сестер повелела начать именно ту обитель, которая в будущем должна стать Ее четвертым уделом [4]. В новую Мельничью общину не велено было брать вдовиц, а только девиц, на которых Она Сама указывала старцу Серафиму; Ею же было указано место для Мельничной общины - на востоке Дивеева напротив алтаря Казанской церкви. Батюшка Серафим, за всю свою жизнь лишь однажды побывавший в Дивеево, и то проездом, из Сарова заглазно указал, как разметить тот кусок земли и обнести его канавой и валом. Тяжкими трудами зимой и летом, в три года сестры вырыли эту Канавку, поначалу глубиной до аршина. По словам святого старца, святую Канавку Богородица Своим пояском Сама измерила и по этой святой тропе Она ежедневно обходит Свой удел. При жизни святой повторял: «Кто Канавку эту с молитвой пройдет, да полтора ста Богородиц прочтет, тому все тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев!»

- Как это? - удивилась Валя.

- То есть по благодатному влиянию на душу Дивеево равно Иерусалиму, Киеву и Афону, - ответила я. - В Киев-то еще можно съездить, в Иерусалим - и не мечтай, советский человек, а на Афон вообще женщин не пускают.

Увидела я, как у Вали загорелись глаза поскорее пройтись по этой Канавке. Тома, было слышно, сзади бурчала: «придумают же такое...»

- А с мощами-то что случилось? - напомнила Валя.

- С мощами вот что... В 1903 году, 19 июля, 1 августа по новому стилю, в день рождения батюшки Серафима, в Саровском монастыре с великим торжеством были открыты его мощи и помещены в приготовленную раку. В этот день в присутствии царской семьи, при огромном стечении народа состоялась канонизация преподобного Серафима Саровского. Это долгожданное событие сопровождалось многими чудесными исцелениями больных. И далее, вплоть до революции, поток страждущих, чаявших помощи великого святого, только увеличивался. В 1927 году святые мощи его были похищены гепэушниками и увезены в неизвестном направлении. Более семидесяти лет о них ничего не знали. Мощи неожиданно обнаружили в запасниках Музея истории религии и атеизма - во как! в который превратили Казанский собор в Ленинграде, и в 1991 году возвращены Церкви. Мощи чудотворца были перенесены в Москву и положены в Богоявленском соборе для поклонения. В течение

полугода вся православная Русь стекалась сюда, у собора постоянно собирались огромные очереди, я сама стояла несколько часов, чтобы только приложиться к раке. Никогда не забуду этих дней всеобщего подъема. Батюшка Серафим вновь исцелял, утешал, помогал... Потом был недельный «крестный ход на колесах» из Москвы в Дивеево. Мощи перевозили в микроавтобусе, за которым неотлучно следовал автомобиль Патриарха Алексия; в тех городах и монастырях, в которых останавливались, он служил литургию. Храмы не вмещали желающих! Мне удалось побывать на одной – в Нижнем Новгороде. Восторг, духовный восторг! К 1 августа – дню прославления преподобного – святые мощи чудотворца были с честью положены в Троицком соборе возрожденной Дивеевской обители, где им и надлежало покоиться, как и предрекал некогда сам преподобный Серафим Саровский.

вернуться

4

Уде?л Богоро?дицы – в православном предании «жребий» Божией Матери на земле – святая земля, которая находится под Её особенным покровительством. Известны четыре удела Богородицы: Иверия (Грузия), Святая Гора Афон, Киево-Печерская лавра и Серафимо-Дивеевский монастырь. К началу двадцатого века Серафимо-Дивеевский монастырь состоял почти из двух тысяч насельниц – монахинь и послушниц. Так Матерь Божия по Своему обещанию заботилась о Своем Четвертом жребии.

– Счастливый ты человек, Натусик, как мало тебе надо, – вздохнула Валя. – А мы, Томк, с тобой во вьючных животных превратились. Я даже ни о чем таком и не слышала. А Канавка-то хоть сохранилась?

– Не знаю... – ответила я. – Мощи Серафима спрятали, а эту великую дивеевскую святыню в советские времена, слышала, почти всю засыпали, вал срывали, в каком-то месте мелкие советские антихристы даже канализацию провели. Монастырь лет пять-шесть как вернули Церкви, постепенно должны возродить и Канавку. Раньше ведь считалось, что пройти с молитвой по тропе Божией Матери – значит вручить себя непосредственному Её покрову, особенно в горе, несчастье и болезни. Брали землю с Канавки, как говорил старец, «на исцеление»...

– Надо было сюда на неделю приезжать, – первое, что с сожалением сказала Валя, когда мы въехали в сумрачное Дивеево.

Мы успели к молебну и, как ни спешили мои попутчицы, уговорила их простоять эти сорок минут сугубого моления святому Троицкий храм еще только начинал реставрироваться, но в те годы церковная разруха была повсюду и не вызывала удивления, наоборот, – радость, что из руин поднимаются русские святыни. И народу было на удивление много, пришлось постоять к раке, чтобы приложиться к мощам. У Тома покраснелось лицо, наверно, от поднявшейся температуры, она все время дергала Валю, что куда-то там они с ней не успеют. Валя стоически старалась не обращать внимания на ее выпады, и уже почти у самой раки не выдержала, прошипела:

– На тот свет успеем, помолчи хоть сейчас.

Приложившись к мощам, мы отошли в сторонку: у одного спросили про Канавку, у другого – люди только плечами пожимали, толком никто рассказать не мог. Понятное дело: до 1980-х годов о преподобном Серафиме запрещалось упоминать даже в церковной прессе. Работало в

основном «сарафанное радио», которое передавало всё: и важные новости, и неважные, и правду, и ложь, воспитывало благочестие и точно так же распространяло всякие суеверия. Подтверждением тому был услышанный мной разговор тут же, у раки преподобного. Одна паломница с умным видом сказала другой:

- Если в Царствии Божием хочешь быть первым, надо обязательно причащаться самым последним.

Та с благодарностью кивнула в ответ:

- Вот не знала. Спасибо, что сказали.

Не выдержав, я строго выговорила первой:

- Зачем вы эти глупости распространяете, где в Евангелии об этом говорится?

- Матушка, так то - Евангелие, а то - жисть! - услышала я парадоксальный ответ. - И про Канавку никому не верьте: затоптали ее, все! Вот когда батюшка Серафимушка воскреснет, тогда прикажет новую вырыть, а сейчас и не ищите.

- Что это она болтает? - насторожилась Тома.

- Пошли отсюда, сейчас закукарекает, - я схватила ее за руку и повела к выходу.

Тома все рвалась ту женщину еще послушать.

- Ты-то тут первый раз, а она, видать, старожилка. Почему мы тебе должны верить? - выговорила она мне.

- Потому что, - отвечала я. - Ясно?

Наконец, прицепились мы к двум бывалым, а главное разумным паломницам, которые рассказали нам много действительно интересного: оказывается, только летом начались первые работы по восстановлению святой тропы Богородицы. Определили ее местонахождение по громадным тополям, посаженным в начале XX века, уточнили по сделанным поперечным разрезам почвы, по ним нашли и начало Канавки. Дальше дело пока движется со скрипом, потому что вся территория внутри Канавки, площадью полтора гектара, занята в беспорядке налепленными учреждениями и частными домами, которые надо расселять... Об этом пока трудно и мечтать. Но истинно почитающие память преподобного Серафима надеются на его святые молитвы пред престолом Божиим [5] да на его пророчества, что Канавка до Небес высока и во веки будет стеной и защитой от главного антихриста, который придет в конце времен.

Молитву «Богородице», которую надлежало произнести сто пятьдесят раз, Тома знала, а Валя и не слышала о ней. Дала я ей свой молитвослов, и мы, ориентируясь по протянутым кое-где тонким веревкам, пошли за нашими проводницами по Канавке. О чем молились мои паломницы не знаю, я умоляла преподобного и Матерь Божию помочь написать книгу...

Потом милые бывалые паломницы сказали нам, что, если приехали издалека и на службе не побывали, обязательно надо окунуться хотя бы в источник матушки Александры, расположенный недалеко от монастыря.

- Ну, нырнуть что ж - можно, за пять минут управимся, - согласилась Валя.

Женщины проводили до протекавшего недалеко от трассы неглубокого прозрачного ручья, на бережках которого уже лежал первый снег, и, пожелав Ангела в дорогу, распрощались с нами.

Пошел четвертый час нашего пребывания в Дивеево, стало темнеть и холодать. И вообще в голову полезли всякие нехорошие мысли: кому нужны эти подвиги? Эти мысли озвучила Тома:

- Безумные бабы, - сказала она и попросила ключи от машины.

Мы остались с Валею одни. Над тем местом, где надо было окунаться, стояла сбитая из досок халабудка с широкими щелями. Валя задала, наверно, правильный вопрос:

- Слушай, может, хватит? Где уже только не были... Я так устала, а еще назад вас везти.

- Не знаю, что тебе ответить... - пожала я плечами. - В источниках исцеляются, это тоже святыня.

- Слава Богу, не болею. В такой воде только воспаление легких подхватить...

Мне еще не приходилось купаться в источниках; предстоящее боевое крещение казалось слишком жестоким. Была бы одна, точно не решилась бы залезть в ледяную воду при минусовой температуре. Но сейчас я чувствовала себя учительницей, которая обязана подавать пример своим неразумным первоклашкам.

- Это надо с верой и молитвой, - поддержала я свой дух. - А болезни у человека не только физические, но и духовные. Страсти называются. Как хочешь... Я окунусь, не зря же полотенце с собой взяла.

- Быстрее только, - сказала Валя и повернулась, чтобы уйти.

Я вступила на шаткие мостки, зашла за загородку, в сгущающейся темноте боязливо стала раздеваться. Какое-то упрямство заставляло меня это делать. Может, и неблагочестиво, но я загадала: если окунусь, то напишу книгу, значит, сам святой Серафим меня благословил. И это придало бодрости. Перекрестившись, я осторожно, держась за поручни, стала спускаться по обледенелым ступеням вниз. Вода была тоже ледяная, сразу стало сводить ноги. Решение должно было быть мгновенным: или уйти, или, не раздумывая, - в воду с головой. Захватило дух и казалось, что всё - конец. Раздались три подряд громовых всплеска воды: свершилось! И пулей наверх.

Я стояла на ледяном деревянном настиле, от тела шел пар, мне было совершенно не холодно. Усталость как рукой сняло. С душой тоже что-то произошло: недавнее раздражение на попутчиц, неуверенность в своих силах, тщательно скрываемое, но все-таки моментами мучившее меня недоверие к столь великим дивеевским чудесам - все это исчезло в один миг.

- Эй! Натусик, ты не утонула? - услышала я совсем близко Валин голос и только тогда стала одеваться. Полотенце не понадобилось, вода на теле сама как-то высохла.

- Выхожу...

- Ну и как? - заглянула она внутрь загородки.

- Прекрасно! - вскрикнула я. - Прекрасно, прекрасно-распрекрасно! Слава Богу!

- Знаешь, ты такая хорошенькая, розовая вся, прям реклама Православию. Пожалуй, тоже

купнусь! Не уходи, я одна боюсь, – сказала Валя и стала раздеваться...

К джипу мы подошли обе радостные и, наверно, розовые, даже в темноте Тома не могла не заметить этого.

– Водяной не утянул? – мрачно спросила она. – Чего лыбитесь?

– Серафим по мешку счастья нам выдал, – ответила Валя, садясь на свое место за рулем. – А тебе только привет передал.

– Злые вы! А ведь это я вас сюда позвала...

– А давай мы ее тоже кунем! – подмигнула мне Валя и завела мотор.

В минуту мы доехали до источника. Валя вышла из машины, открыла заднюю дверцу, схватила томину руку и потянула на себя.

– Да не надо... – сопротивлялась я мощному порыву Вали. – Глянь, Тома совсем расклеилась.

вернуться

5

В 2003 году, за три дня до празднования 100-летия прославления преподобного Серафима Канавку вырыли почти полностью и благоустроили. Последний участок Канавки был передан монастырю в 2006 году, и 31 июля закончилось ее восстановление.

– Вот мы ее и исцелим... Выходи, говорят тебе.

– Нет, так нельзя, – не совсем уверенно говорила я.

– Если нельзя, но очень хочется, значит можно, – не отступала Валя.

Томино сопротивление не было стойким, что-то в ней изменилось. Мы затащили ее в купальню; перед этим она попросила направить включенные фары на купальню, сильно стемнело. Свет через широкие щели действительно проникал за загородку, но удивительно: так светло не могло быть только от фар... Еще какой-то другой свет озарял пространство.

Мы быстро раздели ее и, придерживая с двух сторон за руки, помогли опуститься в святой источник. Прозвучали три всплеска воды, прогремевшие, казалось, на всё затихшее Дивеево. «Мешок счастья» был выдан и Томе.

Когда расселись по своим местам в машине, несколько минут все трое не могли побороть какую-то веселую радость, вспоминая свои страхи перед ледяной водой. Потом Валя сказала:

– А теперь делайте что хотите. Мне надо час поспать.

– Пойду на службу, – обрадовалась я.

– Я с тобой, – поспешила сказать Тома.

– Может, тебе лучше в машине погреться? – засомневалась я. – Просохни, смотри, голова

совсем мокрая.

- Я выздоровела, - сама себе не веря, проговорила Тома. - Правда... Нет, правда!

- Вот свечку и поставь, - отозвалась Валя. - Идите уже!

Я вошла в собор, точно попала в рай. Рай - это ведь не «ястие и питие» [6], а словами невыразимая на душе радость. Тонко звучали молитвенные девичьи голоса хора, пылали многочисленные свечи, пахло ладаном, веяло сладким душистым ароматом оранжерейных цветов, стоявших у раки преподобного.

Тома повела себя загадочно: увидев при входе большой, в рост, портрет-икону старца Серафима Саровского в белом одеянии и большим крестом на груди, вдруг вскрикнула, даже руками всплеснула. Потом быстро побежала к свечной лавке, выбрала самую большую свечу, поставила перед этим портретом и прислонилась чуть сбоку лицом к столпу, на котором он висел. Видела я, как вздрагивали ее плечи, как толкали люди, которые из-за нее не могли подойти приложиться к иконе, но она не реагировала. Я прошла вперед, постояла в очереди к иконе «Умиления», пред которой батюшка Серафим скончался на молитве, приложилась. И час прошел, надо было уже возвращаться к Вале...

Тома оставалась в том же положении у портрета. Я взяла ее за руку:

- Пошли, Томочка, пора.

Она поглядела на меня заплаканным, но каким-то новым, просветленным лицом и согласно кивнула. Так, держа за руку, и довела ее до джипа.

- Что это с ней? - увидев безвольную подругу, удивленно спросила бодрая Валя.

- Продрало... - ответила я.

- Вырвало, что ли? - предположила она. - Мы ж ничего такого вроде не ели...

- Душу продрало, - уточнила я.

- Знаешь, меня как-то тоже... продрало. Даже не пойму... Какой-то камень с души свалился, честно... силы появились.

Обратный путь по перестроечным неосвященным дорогам почти без опознавательных знаков был жутковат: свернешь не туда и спросить будет не у кого. Тема для разговора нашлась сама собой: стали мы с Валею толковать про распад недавно рухнувшего Союза, к чему никак еще не могли привыкнуть и приспособиться да про крушение советских идей. «Новые песни» еще только придумывались, тут-то и подсуетились любители половить рыбку в мутной воде - создатели ваучеров и финансовых пирамид, деятели паранормальных явлений и новые звездочеты.

- Я вдруг поняла, что человеку обязательно надо во что-то верить, - ближе к Москве заключила Валя. - Если не в Бога, тогда все равно во что. Да вот хоть в бизнес... Поверишь и будешь думать, что он принесет тебе счастье... А это обман. Ведь так?

- Сказано очень давно: «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж...» [7]

- Откуда это? Как верно...

- Из Псалтири. Еще поговорка такая есть: без Бога не до порога. Занимайся бизнесом, только Бога не забывай, заповеди не нарушай. Ясно? - улыбнулась я.

У моего подъезда рассталась я с Валею как с давней близкой подругой. Тому будить не стали, она сладко посапывала на заднем сиденье.

Назавтра начала я писать книгу, представляя, будто рассказываю про преподобного Серафима Вале и Томе. Это очень помогало в работе.

Спустя несколько дней позвонила мне Валя и рассказала, что Томе в Дивеево было явление преподобного. Когда мы окунались на источнике, а она сидела в машине, сделалось ей вдруг очень страшно, до ужаса. К нам хотела бежать, но не могла даже ногой пошевелить. Стала тогда она взывать: «Господи, да что же это такое, от разрыва сердца помру. Серафимушка, жутко как...» Вдруг глянула она в левое окно и видит: какой-то полусогнутый старичок идет - сзади котомка, с большим крестом на груди, в руках палочка. Поднял он палочку и показывает Томе по направлению к источнику, мол, иди туда, не бойся. Тома посмотрела в правое окно, а потом повернула голову назад. А старичка уже и след простыл. Одно в ее душе ясно отпечатлелось, что обязательно надо в источнике матушки Александры искупаться. Вскоре и мы подошли, помогли послушание Серафимово исполнить. А когда в собор зашли, Тома сразу и узнала преподобного, когда увидела портрет во весь рост. Именно таким он ей и явился. Оттого и плакала она у столпа и молилась ему горячо, чтобы защитил и ее и всех родных от всякого зла.

- Она до сих пор про это без слез не может вспоминать и попросила тебе рассказать, чтобы ты в книжке-то своей про это написала, - подытожила Валя.

- Когда-нибудь напишу... сейчас места не хватит. Надо ведь подробненько нашу историю описать, чтобы люди поняли, ради чего Томе являлся преподобный. А так - мало ли кому он являлся. Ты-то вот как думаешь?

- Думала над этим... - с готовностью отозвалась Валя. - Не могу понять, почему ей-то чудо? Даже завидно стало. Ни тебе, ни мне... Ты вот в книге про нее напишешь, еще прославится на ровном месте...

- Эх, Валюшка... Совсем холодно. Самое главное чудо, когда душа человека преображается: был закоренелый грешник, а вдруг прозрел, отстал от грехов своих. Поняла?

- Ни от каких грехов она не отстала. Только ревет вторую неделю. Может, ее психиатру показать? Нет, правда...

- Ей бы на исповедь сходить.

- Сходила. Я прям даже удивилась.

- Слава Богу! Здорово! - обрадовалась я. - Не надо к психиатру. Успокоится. Поехала-то она к «покровителю торговцев», а он, верно, указал, что жизнь ее круто поменяется. Вот она и плачет.

- Ой, ну ладно... Сложно все это как-то. Ты как книгу издашь, позвони мне. Я сразу сто штук куплю. Подпишешь, буду всем дарить...

Очень, конечно, умилилась я Томиной историей и именно тогда впервые ясно удостоверилась, как близки к нам святые, которым мы молимся.

Я старалась писать о преподобном Серафиме так, чтобы читатели поняли, что не сразу он сделался иконой. Много раз ему, как и любому человеку, приходилось преодолевать себя – в маловерии, сомнениях, болезнях, душевных страданиях, в бесовских нападениях и даже гонениях, но в отличие от подавляющего большинства христиан отец Серафим всегда, в самых наималейших мыслях и делах бескомпромиссно выбирал жизнь по воле Божией, уподобляясь Христу. За 55 лет подвижничества, житие Саровского чудотворца вобрало в себя все возможные подвиги, которыми когда-либо прославилась славная череда русских и не только русских подвижников. Тридцать лет отшельничества. Три года столпничества, когда тысячу дней и тысячу ночей стоял «пламенный» Серафим на камне, взывая к Богу: «Господи, милостив буди мне, грешному». Подвиг безмолвия. Затворничество. Старчество. Серафим Саровский поистине соделался преподобным – своей кротостью, смирением, послушанием, совершенным незлобием уподобился Господу Иисусу Христу. И такой-то святой душе Господь вручил дары прозорливости и чудотворения.

Стоило ли «стебаться», как выразился МихАбр, над экстрасенсами? Жалкие они, горделиво приписывающие себе то, что совершается лишь силой Божией. Грош цена их «исцелениям»...

вернуться

6

«Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе». (Рим. 14:17).

вернуться

7

Пс. 126, 1-2.

Книга была закончена в срок, чему я радовалась как новому чуду святого старца. Придя в издательство, гордо кинула рукопись на стол необычно в тот день приветливому МихАбру, мол, на тебе, кровопивец, и молча, но победно, удалилась. Это, вероятно, и послужило последующему за тем искушению, которое у врачевало мою несмиренную выходку: если приписываешь успех книги молитвам преподобного Серафима, нечего вести себя так, будто вся заслуга этого успеха принадлежит тебе.

Искушение вышло из-за того, что я начала писать книгу «с конца», решив рассказать сначала о блаженной кончине старца, которая с очевидностью свидетельствовала о его святом житии. Не зря сказано: «конец – делу венец» и «по жизни каждого – смерть его» [8]. Смерть застала преподобного Серафима стоящим на коленях, со сложенными крестообразно руками в молитве перед иконой Божией Матери «Умиление». В этот момент обнаружилась и присущая ему прозорливость. Старец Серафим при выходе из монастыря в пустынь имел обыкновение оставлять в своей келии горящими свечи. Монах Павел, пользуясь его расположением, иногда говаривал старцу, что от зажжённых свеч может произойти пожар; но отец Серафим всегда отвечал на это: «Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром». И действительно, когда увидели, что из его кельи повалил дым, обнаружили и

скончавшегося старца.

Для меня не было ничего странного в том, чтобы сначала рассказать о святой кончине, которая истинно стала вторым рождением преподобного Серафима – в жизнь вечную; со смертью исполнились для него слова апостола Павла «для меня жизнь Христос и смерть приобретение» [9]. Но это для христианина. Для человека неверующего мысль о смерти вызывает страх и ужас.

На следующий же день позвонил МихАбр и минут пять орал мне в трубку, что я, больная на голову писательша, совсем завралась, ни в чем не разбираюсь, испортила книгу, сорвала выпуск серии, «держу всех за дураков» и прочая, прочая. Я не могла понять, что именно вывело моего издателя из себя. Но в его ругань с крепкими выражениями и слова невозможно было вставить.

- Приходи сейчас же, забирай рукопись, переделывай. Так не пойдет!

- Что не пойдет? – занервничала я.

- Все! – заорал он. – Все! Понимаешь? Сначала люди рождаются, а потом мрут, а не наоборот! Ясно, твою мать...

- Но я же про святого, это житие...

- Тем более! Так-то вряд ли будут читать твой опус, а с похорон начать – это полный абзац! Ты как до этого додумалась?

- Не с похорон, со смерти...

- Замолчи! Все! Утром ко мне! – крикнул он и бросил трубку.

Внутри у меня всё тряслось. Невозможно было представить, что к завтрашнему дню МихАбр успокоится: если он сказал, что так не пойдет, значит, так не пойдет ни при каких обстоятельствах, он никогда не брал своих слов назад. Я выпила корвалол и что-то там еще из другого пузырька, но трясести продолжало. Я готова была сдать: если каждый раз он будет ставить подножку в самом неожиданном месте и орать на меня, заставляя переделывать житие по его образу и подобию... Нет, не вынесет душа поэта...

Но потом все-таки сообразила позвонить духовнику, который благословил читать акафист преподобному Серафиму. Я обзвонила своих воцерковленных знакомых и сообща стали мы воздвигать молитвенный щит.

На следующий день до полудня из издательства мне не звонили. Я тоже затаилась. Но к вечеру сердце снова забило от неизвестности своей участи. Я набрала номер, меня соединили с МихАбром. Он, кажется, забыл о вчерашнем разносе, машинально спросил:

- Чего звонишь?

- Вы же просили прийти...

- А... – вспомнил он и выдал все свои вчерашние ругательства, но в смягченном варианте.

- Так мне приходится за рукописью? – осторожно поинтересовалась я. В трубке были слышны посторонние голоса: в кабинете происходило какое-то совещание.

- Зачем ты тут еще нужна? Сами разберемся, - сказал он и бросил трубку.

Я буквально запрыгала от радости. Но потом тень сомнения все-таки накрыла душу: как они там «разберутся», чего напортачат с житием? Позвонив на следующее утро в редакцию, я узнала, что МихАбр приказал первую главу о блаженной кончине святого старца поставить в самый конец. И все!

Впоследствии я написала для этой серии еще несколько книг о русских святых. Но больше не позволяла себе - Боже упаси - гордо бросать на стол МихАбру рукописи, но, по опыту зная, что сам святой помогает в написании про него книги, смиренно молила его о том, чтобы книгу приняли и напечатали. Недоумений стало меньше, и они разрешались мирным путем.

После поездки в Дивеево я не виделась с Томой и Валею больше пяти лет, никто из них, кажется, не интересовался вышедшей книгой. Первой позвонила мне Тома. Голос ее был тихий, спокойный, приветливый - не узнать. В ее жизни произошли важные изменения. Ничего она не объясняла, ничего и не надо было объяснять. Муж ее через год после нашей поездки умер от рака. Дочка вышла замуж за отца ее третьего ребенка. Тома купила им четырехкомнатную квартиру. А себе - вместо джипа - небольшой домик в Дивееве, пятнадцать минут ходьбы от Канавки, которая на ее глазах преобразуется, хорошеет, как и весь Серафимо-Дивеевский монастырь. Звала к себе пожить в любое время и на любой срок. Молится за меня Матери Божией и преподобному Серафиму, с благодарностью вспоминая нашу первую взбалмошную поездку. Валя останавливается иногда у нее, когда приезжает в монастырь, которому много помогает материально: у нее успешный бизнес. И вообще она вышла замуж и в сорок пять лет родила своего третьего сына. Написанную мной книгу о преподобном Серафиме они знают и всей душой приняли. Слава Богу!

«Хорошие у вас друзья, святые...»

Ближе к концу работы над составлением книги о преподобном Серафиме Саровском мой издатель МихАбр потребовал назвать имя следующего святого, о ком предстояло мне писать в серии «Великие пророки». Об этом я и не задумывалась: про батюшку Серафима дописать бы. Но МихАбра не объедешь: пристал с ножом к горлу, мол, срочно говори, кто следующий, в план надо вставлять... Или смерть, примерно так... Не понимал МихАбр, что святого просто так «в план» не вставишь, его изволение на это должно быть.

Позвонила я своей знакомой художнице Татьяне Терентьевне, чтобы посоветоваться.

- Ума не приложу, про кого дальше писать, - пожаловалась я ей. - Вот скажи мне, как из тысяч святых выбрать правильного?

- Задача... А ты про Ксению Петербургскую знаешь? - спросила она.

- Что-то такое слышала. Ее на Тысячелетие Крещения Руси, кажется, канонизировали.

- Да, в 1988 году. Именно тогда она мне очень помогла.

- Правда? - удивилась я. - Терентьевна! Почему же ты мне ничего не рассказывала?

- Я рассказывала, ты забыла, - сказала она. - А может, не поверила. Или неинтересно было. Я плохая рассказчица.

- Тогда давай снова рассказывай!

И Татьяна Терентьевна поведала мне такую историю.

В то время она работала учительницей рисования в школе, был у нее муж – каких-то «голубых кровей», но с замашками весьма неблагородными. Застала она его однажды в своем же доме с любовницей. Любила Татьяна Терентьевна своего мужа безумно – стихи даже ему писала, поэтому, может, измены перенести не смогла, – супружескую кровать на следующий же день вынесла на помойку. Поступок, конечно, самый решительный: спать теперь можно было только на полу. Муж объявил ее сумасшедшей и после четверти века совместной жизни ушел к своей пассии. В это же буквально время их дочь Ирину постигла та же самая участь: муж бросил ее с двумя погодками сыновьями-младенцами. Ирина от мужниного предательства заболела нервами так, что ухаживать за детьми не могла. Забота о семействе легла исключительно на Татьяну Терентьевну. В первое время приходилось даже возить на работу коляску с младенцами. Трудно рассказать, что пришлось пережить бабушке. Дело было до Перестройки. После нее положение семейства еще более ухудшилось. Иногда не было денег даже на молоко. Дети росли, требовали новых забот и внимания, материального обеспечения. Ирина малопомалу впала в жестокую депрессию. Она почти перестала есть, много курила, никуда из дома не выходила, лечиться не желала. Молодая бабушка разрывалась между школой, внуками и больной дочерью. На нервной почве у нее появилась сначала сильная экзема, потом стали проявляться и другие внутренние болезни – целый букет. Вот тут она и обратилась к вере, стала преданным Христу человеком, но сил уже не было ни на молитву, ни на хождение в храм. Бывшие друзья и подруги отошли от несчастного семейства. Ситуация, к слову сказать, типичная для новейшего времени... Внуки-мальчишки, прожив в таких условиях почти десятилетие, приобрели весьма неуравновешенные характеры. По временам стал появляться в доме их отец, но своим поведением вносил лишь дополнительную смуту. Он приходил и уходил, не чувствуя за собой никакой ответственности за жизнь сыновей и жены. Жили как на вулкане. Татьяна Терентьевна целыми ночами лежала без сна и без сил, а утром – снова на работу...

вернуться

8

Слова принадлежат преподобному Ефрему Сирину Также Предание Церкви сохранило слова Христа – «В чем застану, в том и сужу».

вернуться

9

Флп. 1:21.

– И вот, представь, – тяжело вздохнула она в трубку. – Однажды легла я спать после очередного никчемного ни с Богом, ни для Бога мучительного дня, в суете кромешной проведенного, безо всякой надежды на лучшее. Нет терпения, нет смирения, нет сил нести дальше свой крест, думала я. Но надо что-то делать. Надо заставить себя двигаться, общаться с людьми, одеться попримечнее, покрасить волосы, ставшие совершенно седыми, сделать короткую стрижку. И вдруг я услышала:

– Не стриги волосы, больше никогда не надо стричь волосы.

- Но я терпеть не могу длинные волосы. Они мне мешают, - не соглашалась я.
- Не стриги волосы, поезжай к иконе.
- К какой иконе? Я никуда не поеду. Нет денег, нет сил.
- К иконе с косой. Там и мощи.
- С косой? К святой мученице Татиане? - подумалось мне, ведь мое имя Татьяна.
- Нет, к иконе рядом с Иоанном Кронштадтским.
- К Ксении? Разве я могу добраться к Ксении - из Москвы в Питер? И что там?

Я открыла глаза, услышала, как мирно посапывают во сне мои внуки, и подумала: «Интересно: и сон, и не сон. Но все это не для меня». Через два дня мне утром позвонили: «Приезжайте за деньгами. Ваша сестра переслала вам из Швеции немного денег». Моя сестра эмигрировала в Швецию, сама там едва сводила концы с концами, хоть и редко, но присылала мне кроны, которые надо было еще как-то менять. Я от неожиданности не поняла, куда надо приезжать за деньгами - в посольство, на чью-то квартиру? Вечером снова позвонили и тот же незнакомый голос сказал: «Есть одно место в автобус на экскурсию в Псков через Санкт-Петербург. Отъезд послезавтра. Сразу же получите деньги».

К автобусу пришел шведского вида мужчина, с акцентом сказал несколько предложений - будто передал звуковое письмо от сестры, вручил деньги и исчез. Я села в автобус: денег было ровно столько, сколько стоила поездка. Всю ночь тряслись в очень неудобном автобусе в Петербург. На экскурсии по Питеру с группой я не поехала, а стала пробираться на Смоленское кладбище. Язык до Киева доведет. И вот шла я уже по аллее кладбища, увидела храм, как оказалось, Смоленской Божией Матери, зашла. Начиналась литургия. Встала я в уголке, в правом приделе. И вдруг взглянула на икону праведного Иоанна Кронштадтского. Тут-то вспомнила свой непонятный ночной диалог с незнакомым женским голосом. Повернула голову и увидела «Ксению с косой». То был дивный, исполненный сострадания аналойный образ святой. Я приложилась к нему, потекли слезы. Было мне так плохо, что, отойдя в сторонку, я ни с того, ни сего зарыдала. Меня спрашивали, что случилось. А я только махала руками, отстаньте! Помогли мне выйти из храма на улицу. Тут же кто-то подарил мне маленькую иконку-листочек «Ксении с косой». После литургии я пошла к часовне блаженной Ксении Петербургской. Неподалеку от часовни стоял киоск, в котором торговали открытками с видами святого места. Я долго не решалась ничего купить. Вдруг, выбрав меня из всех стоявших около киоска, продавщица протянула листок, на котором были напечатаны тропарь, величание и молитва ко святой Ксении Блаженной. До того момента я не знала, как принято ей молиться.

- Сколько? - спросила я, имея в виду, сколько заплатить.
- Обойди, читая тропарь и молитву три раза вокруг часовни, а потом проси, в чем имеешь нужду, - ответила женщина, не взяв с меня денег.

Вот, оказывается, ради чего я приехала сюда, пересчитывая последние копейки и не решаясь отдать последние. Вот ради чего под проливным дождем, промокшая, замерзшая, в худых сапогах, оставила я туристический автобус, отстояла службу в Смоленском храме, затем в часовне, а потом, так и не отогревшись - еще полчаса около киоска! По совету продавщицы, три раза с величанием и тропарем обошла я вокруг часовни и по прочтении молитвы припала к ее стене, обливая горячими слезами, умоляла блаженную предстательствовать за меня пред

Всемиловитым Господом. Сколько продолжалась эта молитва – не знаю, только опомнилась я, когда уже стало темнеть. Автобус, ждавший туристов у Витебского вокзала, я нашла чудом, как будто кто-то проводил до него.

Через два дня, по приезде в Москву, дочь моя, лежавшая в депрессии три года, впервые надела пальто и вышла на улицу. Я организовала ту самую художественную школу, в которой мы встретились, помнишь? – закончила свой рассказ Татьяна Терентьевна.

– Это когда сюжет про тебя снимала? Интересно... – удивилась я. – Нет, ты мне ничего такого не рассказывала. Ни в кино, ни в разговоре.

– Да? – в свою очередь удивилась она. – Знаешь, почему, может, не рассказывала? Сама долго не верила, что улучшение было по молитве к Ксении. Наверно, целых полгода. Да и жизнь колесом крутилась. Но потом стала думать: ведь все как с неба упало. Представляешь? Вдруг выделили комнату в школе, которую сколько времени не хотели давать, ученики набежали. Иринка тоже на подработку устроилась... В общем жизнь разделилась: до поездки к Ксении и после. Как черное и белое. А уж мелких чудес – не счесть. Молюсь ей всегда. Так что дарю тебе первую историю...

– Так думаешь, про нее писать? – не совсем уверенно спросила я.

– Зачем думать? Помолись. Она и пошлет знак какой-нибудь.

– Точно... – осенило меня, чувствуя, что состоявшийся случайный разговор с художницей совсем не случайный.

Вечером я вдруг наткнулась взглядом на давно купленный, но забытый акафист блаженной Ксении Петербургской, лежавший сверху книжной полки. Прочла я его и стала прислушиваться к себе, склонилось ли куда-то сердце, по слову преподобных Варсонофия Великого и Иоанна: «Когда не можешь спросить своего старца, то надо трижды помолиться о всяком деле. При этом, если имеешь свободное время, помолись три раза в течение трех дней. Если же случится крайняя надобность, как во время предания Спасителя, то прими в образец, что Он отходил трижды от молитвы, и, молясь, трижды произносил одни и те же слова. После окончания молитв смотри, куда преклонилось сердце хотя на волос, так и поступи, ибо извещение бывает заметно и всячески понятно сердцу. Если же после третьей молитвы не получишь извещения, то знай, что ты сам виноват в том; и если не познаешь своего согрешения, укори себя, и Бог помилует тебя». Пока мое сердце ни к чему не склонялось.

Решила я тогда три вечера подряд читать акафист блаженной Ксении, МихАбру же имени не называть, даже если опять с ножом к горлу пристанет. На удивление, он на эти три дня обо мне напрочь забыл. В третий вечер стало мне немного не по себе перед прочтением акафиста – а ну, если не получу извещения? Как сказано, сама буду в этом виновата. Очень ответственный был третий вечер. Прочла я акафист, помолилась блаженной, чтобы как-то явила она свое согласие или несогласие... Но ничего такого не происходило. Грустно, конечно... Прочитав молитвы на сон грядущим укорила себя, как советовали преподобные Варсонофий и Иоанн, что не познала своего согрешения, с тем и уснула.

Утром я проснулась с ясной мыслью: «следующая в плане», несомненно, Ксения Петербургская. И сколько бы за день я ту мысль не гнала, не то что волосок, целый канат опять возвращал меня к ней. Я позвонила МихАбру и дала ответ.

– И кто дальше, думай, – строго сказал он. – Если ты не догадываешься, летая в своих эмпиреях, скажу: издательство – это плановое хозяйство...

- Так блаженная же Ксения дальше...

- Ясно, что Ксения. За ней кто? Наталья, не зли меня!

- Про нее сначала написать бы... - робко ответила я.

- Твои проблемы, - отрезал МихАбр. - Через неделю лично мне сообщишь, кто следующий...

Так внезапно, в одну секунду, ошеломить и озадачить меня мог только один человек - МихАбр... К тому приходилось приспособливаться: сначала стараться не обращать внимания, потом привыкнуть, дальше - действовать, желательно с попаданием в яблочко или хотя бы в восьмерочку... И наконец, смириться. В то время мне, кажется, удалось приподняться на третью ступеньку. «Смириться» маячило еще где-то далеко впереди. Смириться в моем случае означало - без всякой рефлексии принять слова МихАбра за волю Божию, которая «ими же веси судьбами» направляет данный человеку от Бога талант к общей пользе. Я признавала, что МихАбр на том отрезке писательского пути был для меня орудием Промысла Божия. Но думалось с тоской об одном: когда же кончатся шипы, где эти самые благоухающие розы успеха?

Составила я всего одну книгу про святых - про преподобного Серафима, но с этой первой книги сразу стала складываться традиция - перед началом работы ехать к мощам того святого, про которого собиралась писать. Преподобный Серафим подтолкнул, а блаженная Ксения эту традицию закрепила...

Я еще раздумывала, ехать или не ехать в Питер. Времени на книгу было дадено уже не полтора, а целых два месяца - прогресс. Но препятствие оказалось совершенно в другом. Если про преподобного Серафима литературы было достаточно, чтобы составить популярный двухсотстраничный текст, то про блаженную Ксению существовало лишь небольшое и единственное житие с описанием чудес. Кто его составлял - неведомо, но появилось оно к моменту канонизации блаженной и было признано каноническим. Некоторые неясности этого жизнеописания вызывали у меня вопросы. Но как получить на них ответы? Что можно добавить от себя до необходимых двухсот страниц? Ничего... Я позвонила МихАбру:

- Про Ксению Петербургскую не могу писать. Потому что материалов недостаточно.

Наступила зловещая пауза.

- Значит так, - ответил МихАбр металлическим голосом. - Из-под земли достань, а напиши...

- Да невозможно же за два месяца! - пропищала я.

- Работай! - крикнул он и бросил трубку.

Вот потому я и решила поехать в Питер, на Смоленское кладбище, чтобы блаженная сама подсказала, как мне выкарабкаться из этой ситуации. Питер я знала плохо, где находится Смоленское кладбище, понятия не имела. Пришлось просить свою питерскую знакомую довести до места. Лена на просьбу откликнулась и встретила меня прямо у вагона одиннадцатичасового поезда.

- Пойдем куда-нибудь посидим для начала... - сказала она.

- Нет, что ты! У меня в семнадцать пятьдесят обратный поезд, - огорошила я ее. - Вези прямо к Ксении.

- И что, по Невскому не прогуляемся?

Я вздохнула, помотала головой и спросила:

- А ты знаешь, где лежат мощи Иоанна Кронштадтского?

- В Иоанновском на Карповке, - на зависть мне отчеканила Лена.

- Вот нам и туда бы успеть...

Уже на подходах к Смоленскому кладбищу увидела я удивительную картину: стремящиеся в одном направлении люди несли множество цветов, будто на похороны какому-нибудь народному артисту. Оказалось, букеты предназначались Ксении.

- А мы цветы не купили... - грустно сказала я.

- Ладно, в следующий раз, - отмахнулась Лена.

Между могилами лежал снег, хотя в городе весь растаял. В небольшой часовне над могилой блаженной было много народа - не протолкнуться.

- Давай переждем поток, а? - попросила я, увидев, что Лена во что бы то ни стало решила протиснуться внутрь. - В сторонке отдышимся.

- Здесь всегда столько народа, - ответила Лена. - Тебе что от нее надо-то?

- Мне? Написать про нее... - вздохнула я.

- Ты, матушка, замахнулась! - сделала круглые глаза Лена.

- Да, помоги мне Бог! - согласилась я. - Все серьезно. Поэтому, может, акафист прочтем?

- Здорово! - воскликнула она. - Хоть один день с пользой проведу. Каждый раз не хватает времени. Что-то случается, прибежишь к Ксеньюшке, поставишь свечку и убежишь...

- И что, помогает? - с пристрастием спросила я.

- А то! Не бегали бы сюда люди...

- Хорошо, потом расскажешь. А сейчас, пожалуйста, попроси Ксению, чтобы помогла мне. Такой обвал, ты не представляешь...

Отошли мы немного, где место посуше, и я вслух прочла акафист с поясными поклонами. Потом, как делала это Татьяна Терентьевна, обошли мы вокруг часовни, попеременно читая тропарь. Многие так делали, большая цепочка обвилась вокруг часовни. Потом народ немного рассосался, и мы вошли внутрь нее. Батюшка закончил молебен, собирал принадлежности. Люди прикладывались к святой гробнице, встали в очередь и мы. На гробнице стоял небольшой поднос, на котором лежали оторванные от стеблей бутоны гвоздик. Люди брали их в благословение. Перед нами бутоны закончились. В голову тут же влетела паническая мысль: что-то не так я делаю, не хочет Ксения, чтобы писала про нее, даже бутончиком не одарила.

Лена просто спросила у служительницы:

- А больше бутонов нет?

- Нет, - строго ответила та.

- Ну, посмотрите, сколько вам цветов тащат, а вы жалеете, - выговорила Лена.

- «Тащат» не нам, а Ксеньюшке, и раздаст тоже она, - ответила служительница и ушла в подсобное помещение.

Народ, на удивление, почти весь схлынул. Я стояла в центре часовни и с грустью думала, как мгновенно все произошло: вчера была в Москве, утром в Питере, прибежали на Смоленское и вот уже надо уходить... А мне так хотелось побыть в часовне - хоть до вечера простояла бы. Знала, что нескоро сюда приеду опять, жалко. В Питер почему-то никогда не тянет, как будто не существует этого города. Он для меня как музей: посмотрел и - домой, в музее разве можно жить... Действительно: есть москвичи, а есть питерцы. Питерцы Москву недолюбливают, а москвичи в Питере категорически жить не могут. Но что интересно, не в Москве Господь Ксению поселил, а именно в Питере, почему? Наверно потому, что наша гордая Северная столица более всех в России нуждалась в блаженной утешительнице вдов и сирот; слишком много было «униженных и оскорбленных» в граде Петра, который именно из Питера начал рубить окно в Европу... Вот в Москве был Василий Блаженный, юродивый, который царя Грозного безбоязненно укорял. А Ксению запомнили тем, что утешила и спасла целые толпы людей. И продолжает это свое служение до сих пор...

- Побежали! - окликнула меня Лена. - Не успеем в Иоанновский.

- Подожди, - откликнулась я. - Давай еще немного постоим. Здесь так хорошо...

Лена только пожала плечами, мол, не она, а я, кажется, тороплюсь на поезд.

Тут из-за двери вдруг вышла служительница. Я боялась ее строго вида, но будто чья-то рука властно подвела меня к ней и заставила говорить.

- Матушка, простите... Я из Москвы... приехала вот, ночью. Мне предложили написать про блаженную Ксению книгу... приехала ей помолиться...

- Что же, пишите! - разрешила служительница, хотя я предполагала, что в ответ она должна была сказать что-то вроде, мол, много вас тут ходит всяких. И была бы права.

- Ой, - ободрилась я. - А тогда можно на память что-нибудь от Ксении получить, в благословение, что ли...

- Можно, - служительница окинула меня взглядом с ног до головы и скрылась опять в своей подсобке.

Ее не было минут десять, которые показались вечностью. Лена стала меня торопить, потому что до обратного поезда оставалось всего два с половиной часа.

- Да не выйдет она больше, пошли... Знаю я ее!

- Подожди, еще пять минуточек, - просила я.

И вдруг она вышла. Но я увидела только розу красного цвета на длинном стебле, которую служительница несла на вытянутой руке.

- Вот вам, - вручила она ее мне.

- Это мне? - удивилась я, впрочем, как и Лена, которая даже хлопнула в ладоши от неожиданности.

- Вы же просили? - сказала служительница.

- Не до такой степени, чтоб целую розу... - растерялась я. - Дай Бог вам здоровья! Вы не представляете... не представляете, какой это подарок.

- Это аванс... - улыбнулась она. - Отрабатывайте.

- Да?

- Помогите Господь! - сказала на прощание служительница.

Мы вышли из часовни и на все лады стали обсуждать подарок от Ксении. Настроение было расчудесное. Перспективы - радужные. Подарок - удивительный. Лена заставила меня сфотографироваться с красной розой на фоне часовни - для истории.

Когда мы добрались до Иоанновского монастыря, было без двадцати пять вечера. Пока купили свечи, написали записки и нашли усыпальницу кронштадтского чудотворца, то у дверей ее обнаружили монахиню, которая закрывала входную дверь.

- Матушка, матушка, подождите! - закричали мы хором.

Она повернула ключ в обратную сторону и сказала ласково:

- Часовня открыта до пяти...

- Я на поезд опаздываю... - пожаловалась я и юркнула в усыпальницу.

У надгробия святого бухнулась на колени и зашептала:

- Батюшка Иоанн, ты добрый, прости, что нет времени у нас. Такой дикий ритм жизни, прости... Помолись пред Престолом Господним, чтобы я книгу про Ксению смогла написать. А после нее - про тебя... Благослови, если уж ты привел меня к себе... Преподобный! Святой! Праведный! Иоанне Кронштадтский! Еще надо успеть на поезд. Помогите...

Сзади уже стояла монахиня и махала рукой, чтобы мы шли к выходу. У нее было послушание - закрывать усыпальницу ровно в пять. Я поднялась и, озираясь на гробницу, пытаюсь хотя бы взглядом сфотографировать эти низкие своды, надгробную плиту и роскошные букеты вокруг. А мы опять прибежали без цветов. Хотела я оставить свою розу, но не могла - это теперь была моя святыня.

И вот я уже сидела в плацкартном вагоне в обнимку с этой розой. Все ближе была Москва и все явственней вставал вопрос: что же и как писать про блаженную Ксению? Даже о ее современных чудесах я не поинтересовалась в часовне.

Время, отведенное на книгу, побежало. Несколько дней я не могла ни на что решиться. И вдруг ноги как будто сами собой понесли в Ленинку. Прошла наверх, поначалу неуверенно стала рыться в главном каталоге нашей главной библиотеки, но за полдня ни единой книги, кроме уже знакомого репринтного жития, не обнаружила. Тогда я сообразила пойти к консультантам. Три или четыре человека передавали меня из рук в руки, пока не познакомилась я с одной женщиной-библиографом - про таких кино снимать надо.

Профессионал, преданный своей книжно-буквоедской работе до смерти. Озадачилась она моей проблемой и направилась в какие-то спецкаталоги, куда вход простым смертным был закрыт. Меня попросила прийти через часик. Пошла я на выдачу – взять какие-то первые заказанные мною книги. И тут обнаружили интересные вещи.

Например, то, что священник Смоленского кладбища Стефан Опатович одним из первых взял на себя труд записывать случаи молитвенной помощи Ксении блаженной, которые передавались богомольцами из уст в уста. Отец Стефан начал служить в Смоленской церкви в 1858 году, к этому времени со дня смерти юродивой прошло более пятидесяти лет.

Но самое главное, узнала я, кто написал то самое жизнеописание, которое везде печатается как житие. Священник Евгений Рахманин составил самое полное жизнеописание «Раба Божия блаженная Ксения, почивающая на Смоленском православном кладбище в С.-Петербурге». Именно этот батюшка собрал множество рассказов о посмертных чудесах блаженной Ксении. Жизнеописание юродивой Христа ради Ксении, составленное Евгением Рахманиным, было положено в основу послереволюционных эмигрантских изданий. Русской православной церковью за границей блаженная Ксения была канонизирована на десять лет раньше, чем в России. И вероятно, из-за отсутствия возможности рыться в русских архивах жизнеописание о. Евгения было оформлено как житие. Так же поступили и при канонизации блаженной Ксении к Тысячелетию крещения Руси. Это открытие дало мне повод начать искать ответы на возникшие вопросы. Если коротко, то главное смущение состояло в общепринятом мнении о причине смерти мужа и последовавшем затем «безумии» блаженной Ксении.

Это общепринятое мнение состояло вот в чем. «Когда Ксении исполнилось 26 лет, ее муж – полковник, придворный певчий, внезапно (без христианского приготовления) умер [10]. Этот удар так повлиял на Ксению, что она всю оставшуюся жизнь посвятила спасению его души и избрала для себя тяжелый путь юродства Христа ради. Ксения раздала все свое имущество и, надев на себя одежду мужа, стала всех уверять, что умер не Андрей Федорович, а его супруга Ксения Григорьевна, и отзывалась, только если ее называли именем мужа»...

Утверждение, что блаженная Ксения свою жизнь положила на молитву о спасении души любимого мужа, опровергается в этом же тексте. «Нет, Андрей Федорович не умер. Умерла Ксения Григорьевна, а Андрей Федорович... он жив и будет жить еще долго, будет жить вечно», – такое часто говорила прозорливая блаженная. На ее языке это означало одно: Андрей Федорович не мертв у Бога, то есть не отошел в Вечность нераскаянным грешником, он «жив», значит, спасен, а вот она сама – «умерла» для мира... Сама Ксения многократно утверждала, что не было причины для беспокойства о посмертной судьбе мужа. Хотелось найти тому еще какое-нибудь документальное подтверждение.

И вот милая женщина-библиограф нашла в спецзале заветный ящичек, обозначенный «русские праведники». Там-то, куда, кажется, давно никто не залезал, нашлись библиографические ссылки на жизнеописания Ксении Петербургской сороковых годов восемнадцатого века. В старых книгах обнаружили важные сведения о кончине Андрея Федоровича: «На четвертом году счастливого супружества Андрей Федорович смертельно заболел «жаром», он «горел» [11]. Дни и ночи Ксения проводила у постели больного, отказываясь от сна и пищи. Совершенно забыв себя, не чувствуя утомления и не зная отдыха, она ухаживала за мужем и молилась об исцелении, однако его состояние с каждым днем ухудшалось. Он потерял сознание и ночью скончался. Но за час до смерти Андрей Федорович очнулся и в полном сознании велел позвать священника. Он исповедовался, причастился Святых Тайн и, подзвав жену, благословил ее. При этом умирающий сказал: «Служи Господу Богу нашему, славь Всеблагое имя Его». Несостоятельным оказалось предположение, что муж Ксении умер без христианского напутствия. Значит, действительно Ксении незачем было всю оставшуюся

жизнь посвящать «спасению его души». Не ради этого она избрала путь юродства...

Не сохранилось сведений о том, кем была Ксения по своему происхождению, кто были ее родители, где она получила воспитание и образование. Скорее всего, она принадлежала к дворянскому званию, так как мужем ее был Андрей Федорович Петров, состоящий в чине полковника и при этом служивший певчим в придворном хоре императрицы Елизаветы Петровны. Во всяком случае, Ксения была хорошо воспитана, не занималась черной работой, вела знакомства с аристократическими семействами и купцами – не иначе как из-за своего благородного происхождения. Ксения прожила в бездетном супружестве три с половиной года. Нашлось старинное описание семейной жизни Ксении и Андрея Петровича, в котором ясно видно, что муж и жена не были обычными людьми. «Жизнь супругов текла мирно и тихо в небольшом домике на Петербургской стороне, купленном Андреем Федоровичем на приданое своей жены, которая заведовала хозяйством и помогала бедным. Сам он был часто занят во дворце: придворные хористы пели не только на церковных службах, но и на театральных представлениях и концертах, в операх. Очень любили супруги читать вместе духовные книги. Окружающие сходились на том, что любовь мужа и жены была какая-то необыкновенная, исключительная. Это было родство душ, и родство такое, что один не мог жить без другого. Ксения любила своего «глаголемого» супруга так же, как и он ее, истинно христианской любовью». «Есть сведения, – писал Н.Н. Животов, – что отношения супругов были чистыми, братскими», иными словами, Андрей Федорович и Ксения Григорьевна оставались супругами-девственниками. Неудивительно тогда, что у них не было детей. И нетрудно объяснить, почему так поздно – на 23-м году жизни – вышла замуж Ксения Григорьевна. Видимо, искала такого спутника жизни, который мог бы понять ее устремления и духовные запросы... Ксения с молодости отвергла все обычные сладости мира, они ее не прельщали. Это была мощная увертюра [12] к подвигу юродства.

Пришлось писать целую главу о юродивых во Христе, чтобы и самой уяснить, и убедить читателя в том, что никогда подвиг юродства человек не избирал самовольно, но решался на него по ясному указанию Промысла Божия, иногда – по чрезвычайному откровению. Смерть Андрея Петрова, мужа Ксении, никак не могла стать причиной того, что она в одно мгновение решилась на юродство во Христе. В те времена благочестивые жены по смерти мужа бывало даже уходили в монастырь или основывали новую обитель... Но не становились святыми юродивыми.

Подвиг юродства во Христе – труднейший, это высшее выражение православного подвижничества. Святые юродивые – это те идеальные христиане, которые истинно и самим делом исполнили заповедь Спасителя: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» [13]. Образ жизни юродивых всегда казался миру непонятным и странным. Добровольно они отказывались от всех удовольствий и удобств жизни, от выгод общественного положения или звания, от родства, дружества, семьи. Святых юродивых современники считали безумными, с расстроенной психикой, ибо руководствовались в своих суждениях внешним взглядом на них, а юродивые сами старались казаться безумными, лишенными разума. Однако жития блаженных убеждают, что они были людьми мудрейшими, имели разум христианский, правый и истинный, который как величайшее сокровище скрывали за личиной мнимого безумия.

вернуться

10

Некоторые тиражируют доныне ложь, что Андрей Федорович умер от пьянства.

вернуться

11

С 1755 года в Петербурге свирепствовали эпидемии оспы, кори и лопухи (скарлатины).

вернуться

12

«Увертюра» – от французского *ouverture*, означающего открытие, начало, вступление.

вернуться

13

Мф. 16:24.

Пища, одежда, жилище не составляли для них необходимой жизненной потребности. По несколько дней, даже недель юродивые могли обходиться без пищи. Одеждой служило им ветхое рубище. Редко входили они в человеческое жилище, проводя большую часть жизни под открытым небом, на городских площадях, близ церковной паперти или ограды, на кладбищах, иногда на куче мусора или в грязи, страдая от голода, холода или зноя, подвергаясь всякого рода невзгодам и испытывая неразлучные со скитальческой жизнью лишения. Многие русские юродивые ходили полунагими в наши лютые зимы. Василий Блаженный, которого на иконах так и изображают – полунагим, говаривал: «Если люта зима, то сладок рай». Юродивые своим жизненным примером самоотречения назидали людей, чтобы не увлекались земным, заботились о высших целях жизни, напоминая о едином на потребу – спасительной для человека преданности Евангелию. На этот подвиг Господь воздвигает самых мужественных, крепким духом и телом, дерзновенных, верных Ему людей.

Для обычного человеческого разума непостижимо, как Ксения Петербургская, отказавшись от своего дома, едва одетая и почти босая, в течение 45 лет выдерживала проливные дожди и морозы, зной и ветер. Как могла жить, нигде не имея покоя для своего тела, «не имея, где главу преклонить» [14]. И при этом по виду всегда была весела и всем довольна, никогда не роптала, тем самым преподавая уроки христианского отношения к событиям жизни. «Несчастной сумасшедшей» всего за пару десятков лет удалось исправить нравы огромного района столицы. По воспоминаниям современников, во время пребывания блаженной на Петербургской стороне эта часть славилась нравственностью жителей и заселялась бедняками, которым легче жилось «около Ксении». Меняет представление о личности святой и тот факт, что около нее образовался целый кружок друзей, то есть последователей, старавшихся, по возможности, подражать ей. Их было «почти сто» – ближайших подруг Ксении, посвятивших себя, подобно ей, подвигам человеколюбия.

Считать причиной такого невероятно самоотверженного образа жизни Ксении внезапную смерть мужа, значит, совсем не понимать смысла юродства во Христе и принижать сей христианский подвиг.

Намеки на то, что были ей откровения свыше, встречались в ранних рассказах о Ксении,

которые я нашла в Ленинке.

Не хотелось говорить о Ксении полунамеками. В книге я привела две откровенные «подсказки».

Определение Господне о дальнейшей жизни Ксении Григорьевны после смерти мужа прояснилось, думается, через житие ее небесной покровительницы преподобной Ксении. Получая имя святого, мы призваны наследовать его добродетели, привлекаемся хоть в малой мере к его образу жизни и тому роду христианского подвига, которым прославился Божий угодник. Образованная дворянка Ксения Петербургская не могла не знать жития Ксении преподобной... В этом житии преподобной Ксении будущая блаженная Ксения находила ясные указания, каким именно образом ей дальше служить Богу.

Слово «ксения» поначалу было именем нарицательным, означающим «странница». Евсевия, будущая преподобная Ксения, жила в пятом веке в Риме, была единственной дочерью знатного сенатора, христианина. К Евсевии посватался сын богатого и знатного вельможи, и уже был назначен день свадьбы. Но Евсевия так возлюбила Бога, что возжелала остаться вечной невестой нетленного Жениха и сохранить ради Господа свое девство. Две верные рабыни согласились всюду следовать за своей госпожой. Вместе они стали молиться, чтобы Господь открыл, каким образом осуществить их общее стремление. Евсевия тайно от родителей раздавала свои драгоценности, золото и серебро, рабыни – свое имущество, готовясь к нищете ради Христа. Накануне свадьбы Евсевия и ее единомышленницы тайно покинули родной дом, переодевшись в мужские одежды, захватив только самое необходимое. Они сели на корабль, отплывавший в Александрию. Прибыв туда, девушки стали искать никому не известную местность. По горячим молитвам молодых странниц послал им Бог старца, игумена одного небольшого монастыря в другой стране. Он и взял с собой святых дев в город Миласс, где определил им жилище в уединенном месте близ церкви. Ксения построила небольшую церковь и устроила монастырь, собрав нескольких девиц, желающих посвятить себя Богу. Игумен постриг Ксению и ее рабынь в иноческий чин. Никто не знал, откуда они и каковы их подлинные имена и родословные. Воспитанная в роскоши, Ксения обнаружила такое стремление к постническому житию, что ее воздержания боялись бесы, которые не смели даже приступить ко святой, побеждаемые ее подвигами и постом. Много раз во всю седмицу Ксения оставалась без пищи, а вкушала лишь хлеб, посыпанный пеплом из кадила. Ее христианскими добродетелями были всегдашнее бдение, необычайное воздержание, несказанное смирение, безмерная любовь. Она помогала бедным, сострадала страждущим, была милосердна к грешникам, которых наставляла на путь покаяния. Ксения носила всегда ветхие одежды – платье и рубашку. 24 января (6 февраля) [15], в тот самый час, когда преподобная Ксения предала свою душу в руки Господа, явилось на небе великое знамение. При ясной погоде над девичьим монастырем появился светлый венец из звезд, имевший посередине крест, который сиял ярче солнца. Привлеченные этим знамением, удивленные жители Миласса и окрестных сел устремились к монастырю. Когда несли одр с телом преподобной к центру города, то небесный венец следовал с процессией. Всякий, кто страдал каким-нибудь недугом, прикоснувшись к одру, исцелялся. Всю ночь около тела святой звучали песнопения, а на следующий день при стечении огромного количества народа понесли мощи к месту погребения. Когда оно было совершено, сияющий небесный венец стал невидим. От гроба Странницы подавалось множество исцелений, впрочем, и от погребальных ее покровов, которые люди взяли себе на память.

Вскоре умерла одна рабыня, затем вторая. Но последнюю перед смертью упросили рассказать о том, кто и откуда была ее госпожа. Так стало известно житие преподобной Ксении, которая для мира была странницей, а для неба гражданкой, жила подобно ангелу во плоти, все мирское считала сором и как бесценное сокровище сохранила свое девство. Таково было житие

преподобной Ксении...

В судьбоносный для русской Ксении час небесная покровительница, преподобная Страница, указывала ей дальнейший путь через земное странничество. Добровольный, ради Христа, отказ от всех человеческих привязанностей – к родным и близким, к домашнему очагу, привычному образу жизни, нравам и обычаям присущ юродивым Христа ради. Смерть Андрея Федоровича была не причиной мнимого безумия, но моментом совершенной готовности его 26-летней вдовы к подвигу юродства. Видел Бог, что Ксения, подобно святой отроковице Евсевии, смогла возлюбить Господа «всем сердцем своим, всей душою своею и всеми помышлениями своими» [16], так что не задумалась бросить все земное и последовать за Ним, куда призовет. Со смертью любимого мужа этот час настал...

Жития юродивых свидетельствуют, что часто блаженные получали благословение на вступление в свой подвиг от известных духоносных старцев, если не было особых откровений свыше. Кто бы мог быть этим старцем для Ксении Григорьевны?

Мои предположения сошлись на личности преподобного Феодора Санаксарского, который во второй половине XVIII века потрудился восстановителем и строителем Санаксарской обители; пришел он туда из Санкт-Петербурга, из Александро-Невской лавры. Господь призвал Иоанна (будущего старца Феодора) в монахи столь необычным путем, что дело получило огласку при дворе императрицы Елизаветы Петровны. Иоанн был сыном благочестивых дворян Ушаковых и приходился дядей прославленному русскому флотоводцу Федору Ушакову, который также ныне прославлен в лике святых... Но подробно все это записано в составленной мною книге о блаженной Ксении.

Следует сделать последнее замечание. Когда я поняла, что собраны материалы, которые существенно изменяют образ блаженной Ксении, мне стало страшно. Страшно идти против общепринятых истин. Я часто смотрела на засушенную розу, благословленную Ксенией, и уговаривала себя: «Но ведь она подарила тебе розу не просто так, она надеется, что ты исправишь неправильности жития...» И я решилась. Когда отдала написанный текст в издательство, я все время молила Ксению, чтобы она каким-то образом сделала так, чтобы книга не вышла, если я написала о ней что-то не так. Книга эта вышла и много раз переиздавалась.

вернуться

14

Мф. 8:20.

вернуться

15

Поскольку неизвестны дни рождения и смерти блаженной Ксении, праздновать ее память установили в день ее Ангела – преподобной Ксении (6 февраля н. ст.).

вернуться

16

Мф. 22:37.

Следующей книгой стало жизнеописание праведного Иоанна Кронштадтского. Благословил-таки святой пастырь «поставить его в план».

Однажды приехала я к своему старцу, привезла очередную книгу с жизнеописанием святого, он принял, улыбнулся и сказал:

- Хорошие у вас друзья, святые.

Нечаянная радость

За две тысячи лет существования Церкви Христовой к лику святых причислено великое множество Божиих людей – от патриархов и императоров до нищих и юродивых. Знать обо всех не по силе обычному человеку; но негоже, если знание о наших небесных покровителях ограничивается лишь «Николой-Угодником», «Пантелеймоном-целителем» да Матроной...

Бывает так, что святые по неведомым причинам сами входят в жизнь человека. Как? До времени ты, может, совсем не знал про какого-то святого и вдруг случается чудесная, неожиданная с ним «встреча», после которой уже невозможно не молиться ему, не искать его покровительства. И тогда возникает интерес к изучению его жития, в котором, как оказывается, существуют «подсказки» именно для тебя, как поступать в том или ином случае. Так же неожиданно входили в мою жизнь иконы Божией Матери. Подобные «встречи» поразительны тем, как вовремя они происходят и указывают, в какую сторону двигаться по жизни дальше. Они с несомненностью свидетельствуют, как близок к нам духовный мир...

Я еще издавалась у МихАбра. Быстро исчерпав имена «великих пророков», он придумал новую серию – тот же «дамский роман», только маскирующийся теперь под серьезную повесть о женских судьбах в разных профессиях: стюардессы, журналистки, проводницы, манекенщицы... Единственная профессия, на которую издатель уговорил меня, была экскурсовод. И «роман» был написан о том, как героиня еще в перестроечные времена пыталась рассказывать своим туристам о порушенных святынях, о вере, плюс, конечно, полудетективная история с внезапной любовью к «новому русскому», который восстанавливал монастырь в глубинке. МихАбру роман категорически не понравился – не потому, что он был плохо написан, просто герои показались ему «из другого времени» – до свадьбы у них случился единственный поцелуй.

- Вранье! Не верю твоим импотентам! – аргументировал он. – Так сейчас не бывает. Не верю!

- Бывает всякое, – ответила я. – Во всяком случае, так должно быть, по-христиански, но вы же продвигаете на рынок «постельный жанр».

- Я продвигаю то, что приносит тебе гонорары. Сеять разумное, доброе, вечное будешь на старости. Ты просто исписалась! – четко выговорил он. – Это конец твоей карьеры.

- Конец карьеры у вас, – так же четко ответила я, встала со стула и поклонилась. – В ножки кланяюсь, что научили писать про святых. Займусь другой карьерой.

- Ладно, даю месяц, исправь свои глупости... – приказал МихАбр. – Добавь парочку любовных сцен – и так и быть напечатаем!

- Ухожу от вас, – спокойно ответила я.

- Перекупили? Молодец! Я тебе имя сделал, теперь пусть другие даром пользуются. Не сомневался, что перебежишь. И куда же?

- В никуда, - пожала я плечами. - Бог пристроит.

- Значит, исписалась...

- У вас - да, а вообще - нет.

МихАбр не сомневался, что шучу или набиваю цену, я же не могла втолковать ему, что «розовый» период моего творчества исчерпал себя. Душа жаждала по-другому изливать писательский талант. Мне стало ясно, что если останусь в издательстве, в котором худо-бедно печаталась в течение десяти лет, это будет означать, что я закапываю свой талант в землю [17]. Не стала я писать любовных сцен. Так мы в одночасье и разошлись.

Какое-то время ничего не случалось. Никакое издательство мною не интересовалось, ниоткуда не звонили, никому я была не нужна. Некоторые мои знакомые с жалостью говорили, что я сама себя посадила в разбитое корыто и сама себя высекла. И под этим натиском я стала малодушно роптать, зачем ушла от МихАбра, под крылом которого все-таки было стабильно и накатано. Но Бог ожидал узнать, куда все-таки склонится мое сердце. Через некоторое время в голову пришла поистине благая мысль о том, что надо молиться святым, про которых уже писала, чтобы они помогли мне найти работу. Раздобыла я, какие было возможно, акафисты и стала читать.

Спустя несколько дней позвонила мне вдруг знакомая редактор, которая объявлялась, может, раз в год. Узнав, что я ушла от МихАбра, она дала мне телефон православного издательства, которое в новейшую историю страны возникло одним из первых и уверенно набирало рабочие обороты. Я и в мыслях не держала, что это издательство может мной заинтересоваться... Набравшись храбрости, все-таки сделала пробный звонок в новую редакцию и сбивчиво рассказала о себе. Мне ответили, что книги мои знают и сами разыскивают автора, то есть меня. Нечаянная радость, да и только... Так началась моя работа в православных издательствах. В них возникли свои проблемы с издателями - как же без них! На первых порах эти проблемы казались неразрешимыми, и бывало, малодушно хотела вернуться к МихАбру. Но понимая, что ничего другого, кроме дамских романов, он мне не предложит, да еще и покуражится вволю, мысль о возвращении я старалась отгонять. Однажды все-таки накатило на меня дремучее уныние. В голову втемяшилась неотвязная мысль, что я так и останусь меж двух стульев. От МихАбра ушла, но и в православном издательстве долго не задержусь: я ведь так мало знаю про Православие, специального образования не имею... Ясно, что параноидальная эта мысль была от лукавого. Но как от нее избавиться, я не знала.

Вскоре случилась такая история, дело было перед Новым годом. Нужно мне было съездить на ВДНХ. Села я на автобус, не посмотрев на номер, а он поехал каким-то неведомым мне маршрутом. Испугавшись, что уеду не туда, через несколько остановок я вышла и на противоположной стороне дороги увидела нарядную в древнерусском стиле церковь, о существовании которой даже не подозревала. Внутри церковной ограды было подозрительно много людей. Двадцать второе декабря... в чем дело? Я подошла к церкви, спросила у старушки, что за праздник сегодня и услышала в ответ:

- Миленький, «Нечаянная радость» Госпожи нашей Пресвятой Богородицы...

Внутри церкви к праздничной иконе было не протолкнуться. Постояла я в сторонке, помолилась. Когда народ немного схлынул, подошла. Приложившись к образу Матери Божией,

увидела за стеклом киота невероятное количество подвешенных цепочек, колец, крестиков, золотых брошек: их жертвовали люди в знак какой-то чудесной помощи, полученной от Божией Матери у иконы Ее «Нечаянная радость». Вот сколько чудес Она сотворила...

В тот день освободили мою голову навязчивые мысли – как не было. В Свой праздник Богоматерь утешила и меня, удостоверив, что решение перейти в православное издательство было верным и не надо, по евангельскому слову, оглядываться на прошлое, оно закончилось: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» [18].

Так открыла я для себя и тот нарядный храм в честь иконы «Нечаянная радость», что в Марьиной Роще, и саму икону. Про храм узнала, что он не закрывался в самые лютые советские времена, как говорят, был «намоленным». Задумалась и о названии иконы. В обиходе часто говорят: «нечаянная радость», когда происходят неожиданные «подарки судьбы»: деньги вдруг появятся или повышение по службе произойдет, или суд кто-то выиграет. А в том ли эта «Нечаянная радость»?

История иконы записана святителем Димитием Ростовским в XVII веке и рассказывает о том, что некий человек имел обычай каждый день молиться перед иконой Богородицы, а потом идти на замышленное им злое дело, на разбой. Но однажды во время молитвы он увидел, что ожил, задвигался образ Богородицы, а на руках и ногах, в боку Младенца – открылись язвы, из которых текла кровь, как на Кресте. В страхе человек спросил Деву Марию об этих язвах и ранах Богомладенца и получил ответ, что такие грешники, как он, вновь и вновь распинают Христа, а Ее заставляют скорбеть от их дел. Тогда грешник стал настойчиво просить Богоматерь помолиться о нем Сыну, но дважды Иисус отвергал Ее мольбу о прощении грешника. Тогда Мать сказала Сыну: «Буду лежать у ног Твоих с этим грешником, пока не простишь ему грехи». И только ради любви к Своей Матери, к нашей всегдашней Заступнице, Господь Иисус Христос простил разбойнику грехи и в знак прощения повелел ему целовать Свои язвы.

вернуться

17

Мф. 25: 15-30.

вернуться

18

Лк. 9:62.

Облобызав язвы Богомладенца, грешник пришел в чувство, и видение исчезло. Святитель Димитрий Ростовский пишет, что после этого он исправил свою жизнь. Прощение грехов стало для него «нечаянной радостью» и дало название появившейся на основе чудесной истории иконы и самого изображения, которое ни с каким другим не спутаешь. В левом углу изображают молящегося на коленях перед образом Богоматери беззаконного человека, а под самим образом пишут начальные слова истории, записанной святителем Димитрием.

Знание этой истории прибавило мне молитвенного опыта, который человек в течение всей

жизни собирает по крупицам. Поначалу ведь даже не знаешь, как и о чем молиться... Но теперь, увидев в каком-нибудь храме образ Богородицы «Нечаянная радость», молюсь, чтобы Она указала на мои неведомые мне грехи, которых, возможно, пока даже не чувствую: боюсь оказаться в числе тех грешников, которые не понимают, что творят зло, и тем самым вновь и вновь распинают Христа.

Работа в православном издательстве закипела. Здесь не заставляли кропать дамские романы, описывая беззаконное, как правило, сожительство литературных героев, невольно рекламируя греховный образ жизни. Наоборот, появилась реальная возможность по мере сил подготавливать «перемену ума» [19] обманутых семидесятилетней атеистической пропагандой читателей, рассказывая о забытых Десяти заповедях, из коих седьмая запрещает прелюбодеяние.

Дар напрасный?

Дар случайный?

По прошествии некоторого времени пригласили меня в московский монастырь – познакомиться с настоятелем на предмет литработы. Опять переживания – чем могу заинтересовать монахов, они там, поди, с духовным образованием, семинарию закончили, а то и Академию. На каком языке говорить будем? Откладывала я этот визит до последней возможности. Наконец, Зинаида, выпускница Свято-Тихоновского института, которая подготовила почву для встречи, буквально за руку потащила меня в монастырь.

Он оказался буквально в двадцати минутах ходьбы от моего дома... Нечасто, но я бывала в том районе и видела здание церкви. Снаружи она выглядела как обычный храм, только, конечно, требующий ремонта. Невозможно было и предположить, что внутри этой Троицкой церкви перекрытиями разделили ее на три этажа со множеством комнат, гардеробом и туалетами. Был там и склад, обитал мюзик-холл, наконец, вселился Московский академический симфонический оркестр, в алтаре находился кабинет его руководителя... Троицкая церковь стояла немного в стороне от монастырских зданий: понятное дело, почти центр Москвы, конечно, монастырские здания Советы сразу же отобрали. Но все это, слава Богу, было хоть и в недалеком, но в прошлом, церковь и уцелевшие монастырские строения вернули верующим.

Мы обошли вокруг церкви, чуть поплутали во дворах и, наконец, увидели двухэтажный, затерянный среди современных добротных многоэтажек церковный дом. Ничего примечательного, кроме того, что дом приводили в порядок: во дворе – бетономешалка, строительный мусор, разоренный старый сарай, горка чурбанов из спиленного дерева... Мы зашли внутрь старинного здания с метровыми стенами, одолели уже отремонтированные лестнички и переходы, постучали в новую дверь с молитвой: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй мя грешнаго». И услышали: «аминь», на монашеском языке – «входите».

В небольшом, с иконами, кабинете за письменным столом сидел монах. Не ожидая увидеть такого молодого настоятеля, я по-светски, как-то глупо поприветствовала:

– Здравсьте! Вот... принесла... показать свои книги.

– Прекрасно, – бодро ответил он. – С надеждой посмотрим.

Перекрестившись, стала я вытаскивать из рюкзака книги и складывать на столе. Настоятель говорил с моей знакомой. Я искоса посматривала на них. Разговор, как показалось, был ни о чем: как тот да как этот поживает, да поедут ли весной на Афон, да как трудно со спонсорами, которые сначала обещают, а потом ищи ветра в поле... Попроще бы ремонт делали, подумала я,

не разбегались бы спонсоры. Это было мое первое, почему-то негативное впечатление. Наконец, настоятель, благословив, отпустил Зинаиду. Кивнув в окошко, он с гордостью произнес:

- Видели, сколько уже отремонтировали? - и удивился, увидев стопку выложенных мною книг. - Это всё ваши книги?

- Ремонт у вас да... в самом разгаре, - подыскивала я слова. - Это не все, часть...

- Надеюсь, благая, - улыбнулся настоятель. - Похвально...

Я никак не могла попасть в нужную тональность разговора и сказала, наверно, глупость:

- Помрем - узнаем, благая ли... Не знаю, какие вам показывать - роман или про святых...

- До смерти, конечно, мы ждать не будем... - пообещал молодой настоятель, полистав некоторые книги. - Прекрасно. Трудиться придется много.

- Испугали работой трудоголика! - усмехнулась я.

- Святые отцы говорят, что везде должно наблюдать меру и правило, - с расстановкой ответил отец настоятель, желая преподать духовный совет.

- Если бы кто-то сидел рядом и все время эту меру отмерял... - вздохнула я, прикидывая, сколько ему лет: двадцать пять или тридцать? Пусть поживет еще на свете, а потом советует женщине, которая в матери ему годится, подумала я.

Кивая на обложку моей «Прекрасной Натали», он спросил:

- О ком это? О жене Пушкина?

Подобная осведомленность настоятеля обнадеживала.

- Да, о Наталье Гончаровой-Пушкиной-Ланской.

- Прекрасно, - задумчиво, глядя мне в глаза, повторил настоятель. Наверно, на моем месте он надеялся увидеть какую-нибудь пожилую, толстую, седую тетю, одним словом, православную писательницу. Я была полной противоположностью.

- Вам оставить почитать эти книги? - спросила я.

- Нет, читать некогда, - твердо ответил он. - Доверяю отзыву Зинаиды. А вот скажите, есть ли в вашей книге упоминание о переписке Пушкина и святителя Филарета, митрополита Московского?

От знания настоятелем подобных тонкостей из жизни поэта я просто оторопела.

- Вы филолог по образованию? - с удивлением спросила я.

- Нет, конечно. Так-таки есть переписка?

- Обижаете, - воскликнула я. - Как же без нее!

- А вы знаете, что свой стихотворный ответ святитель писал именно здесь, - сказал настоятель.

Я сначала даже не поняла, о чем речь.

- Как здесь?

- За стеной, - указал он, - находился его рабочий кабинет.

- Да вы что... - только и смогла ответить я, ибо, надо признаться, ничего не знала о Подворье Сергиевой лавры, где находилась.

- Вот такое у нас историческое место, - с гордостью сказал настоятель.

Внезапно я почувствовала нечто необычайное, о чем можно сказать так: История прорвалась совсем рядом, мимолетно коснувшись моей души. Это почти физическое ощущение завораживало...

- Ой! - воскликнула я, закрыв глаза.

- Плохо? - спросил настоятель.

- Нет, наоборот, у вас так хорошо...

И правда, атмосфера кабинета будто преобразилась. Безо всякой причины я вдруг перестала смотреть на молодого настоятеля с предубеждением, мол, что он там может знать о жизни вообще, и о книгоиздании в частности. Встреча в результате прошла плодотворно, к обоюдному удовлетворению.

Под впечатлением неведомой «исторической встречи», я вернулась домой и позвонила своей приятельнице Татьяне Терентьевне, художнице, которая училась тогда иконописному мастерству. В красках расписала я ей поход к настоятелю монастыря, присовокупив про «встречу с Историей»:

- Что это было, не понимаю.

- Вот надо было прямо в кабинете у настоятеля и расспросить об этом, - ответила она.

- Что ты, Терентьевна! С первого раза подумал бы, что я ку-ку. Он и так на меня как-то странно смотрел. Понимаешь, это и не расскажешь. Как будто кто-то тихонько души коснулся так ласково...

- А ты настоятеля поздравила? - отвлекалась она от темы.

- С чем? - не поняла я.

- Как с чем! С престолом! Сегодня ведь второе декабря? Да... Память святителя Филарета, престольный праздник Подворья лавры.

вернуться

19

Греческое слово ???????? (метанойя - «покаяние») означает «перемена ума», «перемена мыслей».

- Какого Подворья? - переспрашивала я.
- Как, какого! - не понимала она. - Ты же на Подворье была... На горке, по Олимпийскому проспекту.
- Так это Подворье?
- Конечно, там Филарет Московский и жил...
- Господи, помилуй... - выдохнула я. - Понятия не имела... Представляешь: он мне в свой престольный праздник намекает, мол, за стенкой святителей кабинет был, а я ни бум-бум. И после этого еще так хорошо со мной разговаривал, работу предложил... Я бы на его месте такую на порог не пустил... Тупая, какая тупая, даже свечки в праздник не поставила.
- Не выгнал, значит, воля Божия, с тем и успокойся... - мудро рассудила Татьяна Терентьевна.
- О, какой умный настоятель, хоть и молодой, - умилилась я. - У них там такой ремонтнице, ни конца ни края, а еще служить надо, молиться. Как МихАбр говорил: «на амбразуру бросили». Может, он в строительстве ничего и не понимает, беденький, а ему, как солдату, мол, строй и всё тут?
- Ничего, за послушание справится...
- Он не понял, что я ничего не знаю и предложил написать на такую тему, что я не справлюсь, - плакалась я.
- А кто что по-настоящему знает? Только Бог. И ты за послушание справишься. И святитель поможет. Видишь, сразу и помощь предложил: ты забыла, а он сам о себе напомнил...
- Какой святитель? - насторожилась я.
- Филарет Московский, какой же еще! Знаешь что? Глупости свои про «историю, которая прошла мимо» никому не рассказывай... Язычество натуральное! Тут что-то другое, духовное.
- Думаешь? А ведь правда... лукавый хотел вмешаться, - в догадке воскликнула я. - Смотри: я почему-то как только увидела, сразу с предубеждением к настоятелю отнеслась, очень уж молодой... Даже подумала, что и связываться с их издательством не буду, потому как видно - не профессионал. Стройка - одно, а книги - совсем другое. И тут вдруг - раз, в одну секунду отношение переменялось, я прямо его как родного полюбила. А почему?
- А потому... - подхватила Татьяна Терентьевна, - что святитель Филарет не дал тебе далеко зайти в твоих умствованиях, тут же и вразумил. Он же Мудрый...

Действительно, вразумление Мудрого святителя стало добрым эпитафием к дальнейшей совместной издательской деятельности на Подворье.

И первым моим шагом в этом направлении стало изучение жития Филарета Московского и исторических подробностей его жительства на Подворье. Ну и на саму переписку с Пушкиным следует взглянуть повнимательней, решила я...

Сначала о Подворье. С древности подворье Сергиева монастыря - будущей Троице-Сергиевой лавры, находилось в Кремле, и представляло в столице интересы обители, основанной преподобным Сергием Радонежским. Царь Алексей Михайлович даже приказал переименовать

ближайшую к подворью кремлевскую башню в Троицкую. Однако Екатерина Великая, решив отбирать у монастырей земли, приказала Троицкое подворье «по пристойности и по самой близости» приписать к казне, к императорскому кремлевскому дворцу. В начале XIX века, когда поспешили очистить Кремль от древних сооружений, которые будто бы помрачали своим ветхим, неприглядным видом кремлевское благолепие, Троицкое подворье вместе со своей Богоявленской церковью было разобрано и на том месте было выстроено первое здание для музея Оружейной палаты; теперь же на том историческом месте и вовсе построенный в советское время Дворец съездов.

А Троицкое подворье после ликвидации кремлевской территории обосновалось в своем владении за Сретенскими воротами, на берегу реки Неглинной, ныне полностью протекающей по подземным коллекторам. Эти земли, где уже обосновалась лаврская слобода, царь Василий Шуйский пожаловал Троице-Сергиевой лавре в самый разгар драматических событий Смутного времени – за ее особые заслуги в борьбе с польско-литовскими захватчиками. Новое Троицко-Сухаревское подворье с 1815 года стало официальной резиденцией Московских митрополитов, которые одновременно были и настоятелями Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Митрополитов тоже «выселили» из их кремлевских покоев.

Более сорока пяти лет (1821–1867) прожил на Подворье святитель Филарет (Дроздов), сделавший для блага России столько, что его время даже называли «веком Филарета». Но не помним мы своих истинных героев...

22 августа 1826 года архиепископ Московский Филарет участвовал в совершении чина коронавания императора Николая I; в тот же день он был возведён в сан митрополита. Со времен Петра I патриаршество в России было отменено. Владыка Филарет, управляя Русской православной церковью почти полвека, был фактически ее главой. Он пользовался авторитетом, который можно сравнить с авторитетом Патриарха. Современники так и называли его «природный Патриарх Всероссийский».

Святителю Филарету Бог даровал долгую жизнь – 84 года. Родившись во времена Екатерины, он скончался в царствование Александра II. Все самые важные события «пушкинского» XIX века не только прошли на его глазах, но и при его непосредственном участии: он был посвящён в тайну завещания Александра I и своим словом содействовал успокоению народа в 1825 году; он произносил речь во время церемонии коронации Николая I, и он же в 1830 г. встречал императора в холерной Москве; более сорока лет (с 1816 г.) он усердно работал над переводом Библии на русский язык и именно по его настоянию этот перевод был издан; он сыграл важную роль в подготовке крестьянской реформы Александром II Освободителем, непосредственно участвуя в составлении Манифеста 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян.

Ни одного сколько-нибудь важного дела в Синоде, находящемся в Санкт-Петербурге, не решали без присутствия Московского митрополита. И святитель Филарет, прозванный Мудрым, обычно решал самые запутанные и трудные дела. Иностранцы, прослышавшие об удивительном Московском митрополите, подчас спрашивали: «Сколько же у вас Филаретов?» – настолько поражала их его разнообразная и плодотворная деятельность. Непостижимо, но он все знал, все видел и, казалось, не испытывал естественной в его возрасте и при его загруженности усталости.

Неутомимая деятельность владыки Филарета, среди которой он, по его же словам, отдыхал только «на разнообразии занятий», соединялась с великой строгостью его монашеского жития. Во все многочисленные дни памятных Москве и лавре праздников Московский митрополит неопустительно служил сам. После Божественной литургии, невзирая на

множество народа, он благословлял каждого поодиночке, произнося слова: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», – осеняя неспешным крестным знаменем. Совершая богослужение в присутствии Митрополита Филарета, служащие старались «даже не переминаясь с ноги на ногу», чтобы не получить замечания со стороны владыки. В течение полувекового своего пребывания в Москве он совершенно перевоспитал и изменил духовенство своей епархии и через реформированные учебные духовные заведения подготовил целые поколения ревностных пастырей.

При невероятном обилии дел по управлению епархией, при «таком долгом дне и такой короткой ночи» митрополит находил время для приема посетителей, жаждущих услышать от него слово утешения и назидания и просто получить благословение. Было замечено, что приходившие к митрополиту с верой и просившие его святых молитв неоднократно получали исцеления. Случалось, что живший на Подворье владыка не отказывал в приеме даже в два часа ночи: для него не было различия между знатными и простыми, богатыми и бедными. Круг посетителей его был широк и разнообразен, не ограничиваясь людьми духовного звания. Политики, ученые, писатели и поэты – кто только не навещал «природного Патриарха» на Троицком подворье! Это место действительно стало средоточием духовной, культурной, политической жизни всей России.

Чем больше я узнавала о митрополите Филарете, тем более поражалась роли его личности – святой личности – в русской истории XIX века, которую нам, русским, легко удается забыть на протяжении жизни всего двух-трех поколений. А когда снова вспоминаем, то деяния этой личности кажутся сказочными, потому что люди, шествуя по пути «прогресса», делаются все более зависимыми от своей «цивилизации», а не от Бога и становятся немощными, безвольными, апатичными и безнравственными. Много раз вспоминала я то мгновение, когда при встрече с настоятелем привиделось мне шествие Истории. Как это событие не назови, но оно заставило меня серьезней задуматься, что каждое мгновение мы вовлечены в постоянно творящуюся Историю. И каждое мгновение можем повлиять на нее – в меру талантов, данных нам от Бога...

А что же с перепиской двух наших великих? Митрополит Филарет был знаком со многими выдающимися литераторами и писателями, читал произведения Г.Р. Державина, И.М. Карамзина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.В. Гоголя, П.Я. Чаадаева...

Александр Сергеевич никогда не был атеистом и умер как христианин, исповедавшись и причастившись Святых Тайн перед смертью. Но случались у великого поэта такие периоды, когда его одолевало безверие, от которого терялся сам смысл жизни. Муки безверия [20] знакомы были поэту с молодости. Подтверждение тому – его стихотворение «Безверие». Оно хоть и было написано на заданную тему к выпускному экзамену в лицее, но в искренности и горячности выраженного чувства, без сомнения, есть личный опыт: несчастный, потерявший веру – «не злодей, собою страждет он... бродит он с увядшею душой, своей ужасною томимый пустотой... ум ищет божества, а сердце не находит...».

В 1828 году, в день своего рождения А.С. Пушкин, написал стихотворение, в котором как бы подводил итог прожитых лет. Итог печальный: «цели нет», «сердце пусто», «празден ум», тоска...

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью

Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Поэт «сознает, что жизнь и всё, ей присущее, – дар, но этот дар Пушкин отвергает: он напрасен, не нужен и случаен, не имеет смысла. Отвержение дара Творца (а чей ещё может быть дар?) есть уже вызов Ему. И что значат эти вечные душевные муки... эта казнь души, зачем она, непонятная и оттого, быть может, бессмысленная? А далее уже не просто вызов, но богоборческий бунт... Власть Творца враждебна твари? Но тогда исполнение Его воли – бессмысленно, если не сказать более. Ничего не может быть страшнее этой мысли, рождаемой в уме человека и в душе его, в сомневающемся уме и в страдающей душе. Мы можем сказать, что сама христианская вера человека сопряжена с несомненным знанием того, что Бог есть высшая Правда, источник справедливости...» (М.М. Дунаев«.)

Через полтора года это стихотворение было напечатано в альманахе «Северные цветы». Чутким сердцем узрела нелады в душе поэта дочь Кутузова Е.М. Хитрово, преданный его друг и духовная дочь митрополита Филарета. Она и показала «Дар напрасный...» своему духовному отцу. И буквально через три недели появился поэтический ответ святителя Филарета, который избрал ту же самую стихотворную форму, тот же стихотворный размер, те же три строфы из четырех строк, что и у Пушкина:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.
Вспомнись мне, Забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждится Тобою
Сердце чисто, светел ум!

Чрезвычайно занятой человек, постоянный член Священного Синода, церковный первоиерарх, облеченный огромной властью, суровый аскет отложил все прочие государственной важности дела и лично ответил на «скептические куплеты» Пушкина. При том – не обличением, а проникновенными стихами, гениально «перелицевав» пушкинские. Какую цель преследовал святитель?

Митрополит Филарет прекрасно понимал, что Пушкин был поэтом национального масштаба, слово которого обладало огромной заразной силой. Именно поэтому Московский митрополит не мог допустить, чтобы через талантливые стихи, напечатанные в одном из немногих массовых изданий пушкинского времени, распространялось пагубное для человеческой души чувство уныния и ощущение бессмысленности жизни.

«Так как подобная безотрадная философия распространяемая великим поэтом, не могла не производить смущения в умах тогдашнего общества, митрополит Филарет решил не оставлять

его стихотворения без ответа, – считает митрополит Анастасий (Грибановский). – Его целью было доказать всем и особенно самому поэту, что наша судьба отнюдь не predetermined для нас слепым роком, как думали язычники, она управляема благою волею Творца и Промыслителя мира, указавшего для нее высокое назначение в приближении к Его совершенству. Мы сами становимся источником своих страданий, отступая от Него, и снова обретаем душевный покой и мир, возвращаясь в Его лоно».

Обращаясь Пушкину, святитель Филарет предостерегал от пагубной страсти безверия тысячи и тысячи читающей публики – не только современников, но и нас, отдаленных потомков.

Узнав об ответном стихотворении митрополита от Е.М. Хитрово, Александр Сергеевич немедленно послал ей записку, в которой среди прочего были слова: «... Стихи христианина, русского епископа в ответ на скептические куплеты! – это право большая удача».

Несерьезный, тон записки давал некоторым повод усомниться в искренности вскоре созданного поэтом покаянного стихотворения. Но, зная обстоятельства жизни того периода, трудно не понять, что это была лишь его бравада: «Пушкин смущен, встревожен, может быть, даже несколько напуган, – так объясняет ситуацию В.С. Непомнящий. – Полтора года назад он написал стихотворение мрачное, бунтарское, в сущности богохульное (неприятностями в то время грозили и куда более робкие проявления религиозного вольномыслия); и вот теперь, когда он уже пережил и оставил позади этот тяжкий момент (тем легче ему сейчас назвать «Дар напрасный...» «скептическими куплетами»), когда позади дело о «Гавриилиаде», подвергнувшее его совесть жестокому испытанию, когда он изрядно устал от целого ряда конфликтов с властями, от того, что любое начальство, от шефа жандармов до квартального надзирателя, непрестанно учит его, как себя вести, можно ли читать друзьям свои произведения или нельзя, куда ему ездить позволено, а куда нет (ибо он – после другого разбирательства, относительно стихотворения 1825 года «Андрей Шенье», – на всякий случай оставлен под надзором), – в это время высшее «церковное начальство» в лице первоиерарха, к тому же в светских гостиных пользующегося репутацией человека сурового и жестокого, тоже изволил его учить и делать – в стихах! – выговоры... И он, растерянный и раздраженный... отчаянно гусарствует, заранее по-мальчишески дерзит: «...это право большая удача». Но вот он получает от Е.М. Хитрово рукопись стихов митрополита и видит в них не гнев, не выговор, даже не поучение, а совет, увещание, тихую подсказку: «Вспомнись мне, Забвенный мною, Просияй сквозь сумрак дум...» – вовсе не то, чего он, заранее ошетилившись иронией, ждал... И тогда появляется ответ: «...Я лил потоки слез нежданных...»

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной

Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Ф и л а р е т а
В священном ужасе поэт.
вернуться

20

Об этих муках так говорил святой праведный Иоанн Кронштадтский: «...иметь духовные потребности и стремления и не находить им удовлетворения – какое мучение для души!

Первоначальный текст последней строфы по требованию цензора был изменен:

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе с е р а ф и м а
В священном ужасе поэт)

В своем поэтическом послании святитель подводит поэта к неизбежному выводу что его лирический герой должен направить свой взор в глубину собственной души, там искать причины тоски от неверия. Пушкин прекрасно понял ответ Московского митрополита и искренне раскаялся в том греховном состоянии, из которого родился «Дар напрасный...», и в стихотворном «ответе на ответ» проникновенно сказал о целительной силе слова владыки понимая источник этой силы в Боге.

Возможно, именно под влиянием урока, полученного от мудрого святителя, по словам Плетнева, Пушкин к концу жизни часто возвращался к беседам о Божественном Промысле, управляющем миром и направляющем его жизнь к благим целям.

Надо ли что-то прибавлять к изложенному? Кажется, достаточно пищи для размышлений...

Что касается дальнейшего моего писательского труда, то с несомненностью свидетельствую: святитель Филарет (Дроздов) взял меня под свое покровительство. По молитвам к нему произошло несколько чудесных встреч с совсем незнакомыми людьми (как правило, с монахами); и эти встречи приводили к тому, что появилась новая книга. Но это отдельные рассказы.

Рождественская история

Несколько лет назад возвращалась я под утро домой с рождественской службы. На душе – радость, в теле – обычная послепостовая усталость. Год на год не приходится: иногда стоишь ночью на Рождественской литургии и самого тела не чувствуешь – летать хочется. А бывает – только и думаешь: спина разламывается, ноги не держат, голод одолевает, поесть хочется – мясца, творожку... В чем загадка таких разночтений – неведомо. В тот раз усталость, казалось, достигла апогея: на посту было много срочной работы, вся постная еда свелась к одному чаю с бутербродами из кабачковой икры и как лакомство – к жареной картошке. Моя радость тогда тоже была больше душевного свойства, думалось об одном: слава Богу, допоздна до Рождества, отстояла ночь и вот иду домой, а впереди – заслуженный отдых, вкусная еда, лыжные вылазки в лес, какие-то веселые встречи, одним словом, Святки...

Я поднялась на лифте на свой этаж, сунула ключ в замок и услышала звук, похожий на стон. Обернулась. Между этажами, у батареи, во всю длину лестничной площадки лежал бомж. Господи, только не это, Господи, это не мой клиент, взмолилась я и все же осторожно спустилась по ступенькам, прислушалась в темноте: вроде дышит, еле-еле... Господи, пожалуйста, дай мне отдохнуть, заныла я.

На улице был мороз, успокаивала я себя, он прячется здесь от мороза... С утра непременно кто-нибудь выгонит его. А что я сейчас могла сделать? Только покормить. Поднялась в квартиру, сделала бутерброд с вожаденной бужениной, налила в стакан чаю, вернулась к бомжу и все это молча поставила около него. Дома съела такой же бутерброд – законный, чай не допила – опротивел за пост, легла в кровать и провалилась в сон...

С полудня замучили звонки – православные проснулись и – давай друг друга с Рождеством Христовым поздравлять. За окном быстро стемнело... Я снова съела бутерброд с бужениной и легла, думая спокойно почитать хорошую книгу – на законных основаниях, три дня не буду работать, а только отдыхать.

Кто-то позвонил в дверь. Пошла открывать: увидела соседку сверху – она протянула мне давно обещанный отросток экзотического цветка. Поблагодарив, я глянула вниз: бомж лежал в другой позе. Удивительно, что никто его не выгонял...

Через полчаса опять заверещал дверной звонок: парень с девушкой искали Петю. Я назвала номер его квартиры. Бомж был на месте. У меня зародилось смутное подозрение, что все-таки придется им заняться...

Когда в мою дверь позвонила старушка, кормившая наших подвальных кошек, и среди ночи вдруг попросила для них еды, я увидела неподвижного бомжа в третий раз. Сердце замерло в догадке, что все случайные вечерние посетители были неслучайными посланниками Младенца Христа и говорили мне: окажи любовь этому несчастному.

Прислонившись к стене около входной двери, стала я вспоминать, что пережила, когда решила помочь «кнезю», первому спасенному бомжу. Сколько на него было потрачено времени и моральных сил и нервных клеток, которые, говорят, не восстанавливаются. С тех пор прошло лет пятнадцать, стала я старше и, наверное, мудрее; молодой задор почти весь вышел... Я зареклась участвовать в подобных энергозатратных акциях. Очень, очень не хотелось начинать новый бой...

Но ведь сегодня Младенец Христос родился, что принесла я ему в дар? Свой голодный пост с чаем и бутербродами, за время которого обессилела так, что даже на помощь страждущему сил не осталось? Смешно... В дар Ему можно принести только любовь. Не виртуальную и гипотетическую, а конкретную, практическую. Хотелось уже лечь спать, я сползла по стенке, села на пол. Надо на что-то решаться. Ну почему опять я, в такой радостный христианский праздник? Господи, скольких сделавшихся в Москве бомжами отправила я со многими приключениями домой, скольких накормила, двоих устроила на работу и троих – в монастырь трудниками, нескольких определила в больницу, паспорта выправляла, к совести взывала, от милиции спасала, на исповедь и причастие приводила и за всех просила молиться... Может, достаточно? Могу я отдохнуть? Потому, что ты многим помогла и многих возлюбила, привел к тебе и этого... Так ясно отпечатлелся в душе ответ, что я даже воскликнула:

- Да? Ой...

Вздыхнув, поднялась с пола и открыла дверь на лестничную клетку в тайной надежде, что

бомжа нет, испарился... Но он лежал все в той же позе.

Спустившись вниз, я наклонилась над ним: на его лицо была натянута вязаная шапка, кистями рук он вцепился в горячую батарею. Вчерашний бутерброд лежал нетронутый. Чай выпил.

- Эй, ты живой? Живой, а?

Он пошевелился и пробормотал:

- Не гоните.

- Да не гоню... Почему не поел?

- Поем... Чаю...

Принесла чай. Он не пошевелился. Вызвать «скорую»? Но его завтра же выгонят на мороз. Я не понимала, почему мне было его так жалко, до слез. Господи, ну что с ним делать?

- Идите... попросил он. - Потом выпью.

Вот и хорошо: сам сказал. Я поднялась к себе, легла... Но сна, конечно, не было уже и в помине. Самое время читать Евангелие. И в Рождество - не про Христово Рождество пронзило душу, а про Страшный Суд:

«Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов - по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» [21].

вернуться

21

Мф. 25: 31-46.

Господи, не хочу в огонь вечный...

Я глянула на часы: час ночи. Самое удобное время: все спят.

Спустившись к бомжу, я спросила:

- Тебя как зовут?

- Ми...ш...ша... - чуть слышно произнес он.

- Что ж ты чай не выпил?

- Не могу... - ответил он. - Болит...

- Ладно, поднимайся, пойдём ко мне, - решила я вдруг сказать.

- Нет...

- Что нет? Если тебя сегодня ради Рождества не выгнали, завтра взапой как миленького. Поднимайся! Поднимайся, говорю тебе, пока не передумала.

Бомж пошевелился, попытался встать, прислонился к батарее, с трудом поднялся и сказал:

- Нет... Не пойду.

Парень был высокого роста, худой, в грязной вонючей одежде, с каким-то отсутствующим, жалким взглядом.

- Да не бойся, я одна в квартире... Давай, давай. Не хватало, чтобы нас увидели, мне тогда тут не жить, - уговаривала я скорее себя, чем его.

Он ухватился за перила и, подтягиваясь на руках, с трудом одолел один лестничный пролет. Наконец через тамбур вошел в мою дверь. Мотя зашипел на него.

- Киска, - удивился он, прислонился к стене у двери и так же, как делала я час назад, сполз на пол.

- Тут и лежи, есть будешь? - отвернулась я от него и заткнула нос пальцами.

- Водку три дня, мороз был, не ел. Всё болит... - сказал он и скорчился на полу.

Я накапала ему настойки чистотела, которым лечу все желудочные расстройства. Приподнявшись, он выпил и затих.

- Туалет рядом, - сказала я, выключила везде свет и пошла спать. Вонь дошла и до моей комнаты. А сколько заразы он принес в мой дом - о-го-го!.. Я встала, снова включила свет и всю квартиру от души окропила крещенской водой. Бомж только чуть пошевелился.

Господи, слава Тебе за всё! Но к чему, зачем мне это приключение, мне бы отдохнуть... Народ разъехался: кто в деревню, кто в Египет, кто еще куда подальше. А я... Даже книгу не могу спокойно почитать. Стало мне себя очень жалко, даже слезой прошибло. Но тут, перед тем как заснуть, в очередной раз всплыла в памяти одна история. Весной 1992 года я попала на свой первый в жизни крестный ход на территории Донского монастыря. Только лишь года за два - за три до этого прекратились массовые первомайские и ноябрьские демонстрации, прототипом которых и был крестный ход, только наизнанку. Одно наименование чего стоит д е м о н страция. В то время верующие только еще начинали робко надеяться, что все возвращается на

круги своя. Донской крестный ход был связан с удивительным событием. Несколькими неделями ранее были обретены святые мощи Патриарха Тихона, которые считались пропавшими, думали, что большевики уничтожили. И вот в тот весенний день чудесным образом найденные святые мощи торжественно перенесли из Малого в Большой собор древней обители. Народу не очень много, но воодушевление было невероятное: даже обнимались и целовались с незнакомыми, как на Пасху. Это было совершенно новое чувство для советского человека. Таким же открытием было появление каких-то «асоциальных элементов» около открывающихся церквей – раньше таких на виду не было. Бродяг называли бичами («бич» – «бывший интеллигентный человек»). Для них в СССР была предусмотрена уголовная ответственность за тунеядство, и их, как отчитывались, успешно перевоспитывали в ЛТП (лечебно-трудовых профилакториях). Милицейское «бомж» («без определенного места жительства») еще не вошло в обиход; массовым явлением бомжевание стало следствием хаоса постсоветской эпохи. Наши люди стали людьми «не нашими». И вот эти «не наши» люди – бомжи ли, бичи выстроились за монастырскими воротами целым коридором. Верующие стали выходить с крестного хода на улицу и, как я могла заметить, мало кто обращал внимания на сирых и убогих. Но мне их всегда было жалко – наверное, передалось от любимой бабушки Зои, в доме у которой в войну и в послевоенное время, бывало, жили до одиннадцати человек неприкаянных родственников. Раздала я свою невеликую мелочь, потом снова зашла в монастырь и в церковной лавке разменяла еще денег. Когда вышла за ворота, просящих осталось совсем мало. И вот протянула я деньги одной чумазенькой веселой девахе, а она вдруг достала из-за пазухи небольшой пластмассовый черный крест с белым распятием – такие тогда в гробы клали – и протянула его мне:

– Возьмешь?

Крест был такой замусоленный, грязный... Мысль была одна: надо же его вымыть.

– Давай! – протянула я ладонь.

– Бери и помни! – ответила мне чумазенькая, как в известной детской игре.

Дома я его отмыла и водрузила на «голгофу» – горку на подоконнике, сложенную из камней, привезенных из разных святых мест. Этот крест до сей поры у меня. Тогда я еще подумала, что какой-то знак в этом даре был, мне показалось, что Господь таким образом возложил на меня крест – заниматься вот такими убогими... Действительно, у меня не было страха перед теми бомжами, которых Господь посылал, и я почему-то всегда в конце концов находила правильное решение того, как можно им помочь.

Проснувшись утром, сразу почувствовала бомжовую вонь... Он лежал в той же позе, в которой я его оставила на ночь.

– Михаил, ты как? – поприветствовала я рождественского гостя.

– Доброе утро, – ответил он и приподнялся. – Дайте мне лекарства.

Я накапала ему чистотела.

– Сейчас уйду... – слабым голосом сказал он. – Соседи ругались за дверью, что воняет в тамбуре.

– Да, вонь, брат, знатная. Наши грешные души так смердят перед Богом.

– Да, – согласился он. – Можно полежу?

- Надо бы тебя переодеть.

Я позвонила духовнику, рассказала свою новую историю с бомжом.

- Только не ругайтесь, бабушка...

- Что с тобой поделаешь... - вздохнул он. - Через час мимо твоего дома пойду.

- Брюки, пожалуйста, какие-нибудь захватите, может, свитер и куртку найдете, вы одного роста.

Когда пришел священник, он, поглядев на пришельца, еще раз вздохнул, спросил, крещен ли он, благословил обоих, отдал вещи и ушел, пожелав помощи Божией.

Михаил переоделся, и я с удовольствием вынесла его бомжовое одеяние на помойку, даже черную вязаную шапку, которую он ни за что не хотел отдавать. Он по-прежнему не ел, только пил чай и чистотел, тихо лежал у дверей, растянувшись на длину всего коридора, говорить ему было тяжело. Второй день Святки я провела, как и желала, на диване за книгой.

На следующее утро я застала его сидящим.

- Доброе утро, - сказал он, увидев меня. -хлопоты со мной у вас.

- У тебя есть дом? - спросила я, кивнув в ответ на его приветствие.

- Вроде есть... А вроде и нет...

- Тебе надо возвращаться домой. Билет оплачу.

- Паспорта нет, украли...

- Не проблема, я знаю, как можно уехать. Куда тебе ехать?

- Валуйки... а можно покушать?

- Проголодался... - с удовлетворением ответила я. - Валуйки это что?

- Город.

Разогрев еду, пригласила за стол, отгородив для него небольшое пространство. Но он ни за что не соглашался, так и поел на полу... Сразу же снова начались боли в животе, он лег и затих.

- Ты знаешь что... не помирай в доме у меня... - предупредила я.

- Теперь не помру, - еле выговорил он. - Полежу...

Я полезла в аптечку и заставила его проглотить по одной таблетке от всех имевшихся в наличии «желудочных лекарств».

Перед тем как пойти на свой диван, спросила его:

- Ты в Бога-то веруешь?

- Не знаю, - ответил он, но потом прибавил. - Но Он есть...

- Сто пятьдесят процентов! - подтвердила я. - Не дал тебе умереть...

- Умирал, да... - согласился он.

Обзвонив знакомых, я нашла пришельцу теплую одежду и ботинки. Всё это надо было подхватить у метро и - можно будет отправлять его домой, слава Богу. У меня не было желания входить ни в какие его личные обстоятельства. Но почему-то подумалось, что все не так просто, придется еще с ним помучиться...

К вечеру вышла я на кухню - пообедать. В коридоре бомжа не было. Во всей квартире его не было. Прикрытая входная дверь свидетельствовала о бегстве. Куда его, идиота, понесло на мороз без куртки. Что происходит? Никакой святочный обед, конечно, в горло не лез.

Я сидела за кухонным столом и пыталась понять, где произошел прокол. Лучше бы узнала про его жизнь, тогда можно было бы понять, что у него в мозгу сдвинулось, а теперь переживай, куда его понесло... помрет ведь. Нет, все-таки если ты начинаешь кому-то помогать по-христиански, должен помогать как родному, уличила я себя. «...Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне», Христу. А разве ты будешь Ему спустя руки помогать? Как я помогала бомжу: скорее бы отделаться, вот так помогала. Жестко учишь, Господи, урок поняла...

Минут через пятнадцать ручка входной двери заходила ходуном. Ну, все! Пришла вся гоп-компания... Но дерганье быстро прекратилось. Я подошла к двери, посмотрела в глазок и увидела своего бомжа.

- Кто?

- Это я, Наталья...

Открыв дверь, спросила:

- Ну и как это понимать?

- В туалет бегал и покурить...

- В какой туалет: он же у тебя перед носом был! - возмутилась я.

- Да неудобно в такой чистый... - искренне ответил он. - Я и ночью выбегал два раза. Уж как привык...

- Кошмар! - вскрикнула я. - И дверь открытую оставлял?

Продрогший в тонком свитерочке, он помялся на пороге и попросил:

- Вы, пожалуйста, не сердитесь...

- Ну заходи уже! Есть будешь?

- Попробую... - согласился он.

- Какие же вы, однако, бомжи, могучие. Ничего вас не берет! - упрекнула я.

- Не все... - тихо ответил он. - Гибнут...

- Садись за стол, только руки помой... - приказала я.

- Нет, нельзя... - болезненно сморщился он. - Вам будет неприятно. Надо привыкнуть...

Скорее всего, привыкнуть к обеденному столу надо было ему. Господи, страшно, до чего может помрачиться Твой образ - человек, венец Твоего творения... Ел он опять с пола: дала ему овсяной каши и сварила кисель. После еды его прошиб сильный пот, но сильных болей не последовало.

Михаил сидел, прислонившись спиной к входной двери, а я, стоя над ним, расспрашивала, что же с ним приключилось. Отвечал он, подыскивая слова, не очень охотно. История банальная: полгода назад приехал он из провинциального городка на какую-то московскую стройку. Получил первую зарплату, двадцать семь тысяч. Решил это дело отметить: купил пива, воблы, сел в парке на лавочку. Но, видимо, его «пасли»: вскоре подошли «двое крепких пацанов», сначала, мол, угости - пива у работяги несколько бутылок было, а потом ножиком по горлу резанули, схватили барсетку с деньгами и паспортом и - ищи ветра сказали. Михаил показал мне шрам под подбородком. В милицию обращался, там все записали, но таких, как он, много, «никому дела нет до приезжих». В рабочее общежитие без паспорта не пускали, ночевал, пока было тепло, где придется, а потом стал постепенно опускаться.

Лицо его за это время уже приобрело главные бомжовые черты: какое-то бессмысленное выражение, одутловатость, делающая всех их похожими друг на друга. Но иногда на бомжовом лице Михаила изображалась какая-то доверчивая человеческая улыбка. И не сделался он наглым и хамоватым... Трудно было определить его возраст. Ясно, что не юноша... В конце разговора я все-таки не удержалась от нотаций:

- Ты, друг, что-то в жизни не так делал, вот Бог тебя и остановил. Другие гибнут, а тебе дал шанс. Бог каждого ведет ко спасению, понимаешь?

- Может, пойму... В Афгане не так жестоко было... Полежу, опять плохо, - сказал он и затих.

Так закончился второй день Святков.

На следующее утро я увидела Михаила сидящим на краю табуретки у входа на кухню. Он пытался размотать грязные бинты на израненных пальцах. Зрелище не для слабонервных.

- Здравствуйте, с Рождеством вас! - привстал он с табуретки.

- Да сиди уже... - кивнула я.

- Не могу долго сидеть, у меня тут ранение было...

Я налила в таз воды, сыпанула марганцовки, размешала.

- Окунай сюда руки, пусть откиснут. И иди в ванную, смотреть не могу. Что это у тебя?

Он лег на бок в коридоре и опустил свою лапищу в марганцовую воду.

- За горячие батареи ночью держался, спеклись...

- Господи! - воскликнула я. - Прямо как на войне.

- Нет, на войне не так.

- На какой же войне ты был?

- В Афгане... сначала, - тяжело вздохнул Михаил. - Сам напросился. Нас тогда так обработали... войны-интернационалисты пришли помогать братскому народу... - он говорил медленно, сам, видимо, удивлялся своему голосу, которого давно не слышал. - Сразу в бой зеленых... мясо пушечное. Госпиталь. Потом застава в горах... Год порошу взрывали. Под траншеи. Духи нападали, головорезы. Психом стал. Ждать все время смерть. Убежал... Ночь бежал. Утром колонну увидел. Наши из Афгана уходили, мы не знали... Пошел к ним - пусть расстреляют. А мне рады - ночью нашу заставу вырезали. Ад. Где был Бог?

Я видела, как бьется жила у него на виске.

- Не надо вспоминать, - остановила я. - Давай, герой, гляну на раны...

Надев перчатки, стала раздирать его размокшие грязные бинты. Я понимала, что ему должно было быть больно, но он не показывал вида. Люблю мужество во всех его проявлениях. Когда раны подсохли, смазала их освященным афонским маслом.

Впервые он поел за столом и не руками, а вилкой.

- А у тебя жена, дети есть? Родители? Они знают, что с тобой случилось?

- Потеряли меня, к лучшему: пропал и пропал. Мать только жалко, не знает.

- А жена? - осторожно спросила я.

Он некоторое время что-то вспоминал: прошлое медленно возвращалось в его сознание.

- Ушла от меня... Сын - ему все равно, мать настраивает...

- А что дальше?

- В Чечню завербовался...

- Зачем!

- Так... - опустил он голову, что-то у него все-таки болело. Перетерпев, снова заговорил. - Женился, работы нету. Сын... как раз Первая чеченская. Золотые горы обещали. Контракт на три месяца. Поехал.

- Не поняли, что ты дезертировал? - спросила я.

- Кого волнует! Заманивали всех - безработных больше всего. Никто не знал про мясорубку... Афган меня научил, другие были пушечным мясом. Больше месяца первые контрактники не жили.

- А деньги-то дали?

- За месяц. Все потратил на лечение. Полгода в больнице.

Все-таки когда говорит очевидец, это говорит очевидец. Я читала про беспредел в чеченских войнах, но то, что вспоминал Михаил, было за гранью - какие-то сплошные ужасы. Двинуться запросто можно. Слушателя ужасы завораживают. Именно это эксплуатируют СМИ, почти добившись того, что ужасы стали нормальным явлением.

Я внимательно вглядывалась в лицо Михаила: не привирает ли, вообще адекватен ли он? Трудно определить... Но было ясно, что лицо его мало-помалу преображается, оттаивает, приобретает какие-то индивидуальные черты.

- В Афгане был неверующим. Когда сбежал с заставы со страха, то жизнь сберег. Другие убиты. Думал: повезло. Не знал, что впереди. В Чечне или с ума сходишь, или в Бога начинаешь верить.

- И что же ты?

- Устал, - ответил он. Его лицо сделалось болезненно серым. - Полежу? Потом уйду.

- Давай! Мне нужно тебе за курткой съездить.

- Спасибо вам.

Я уже не боялась оставить его одного в своем доме, да и украсть у меня нечего. Господи, благослови! Одежду для пришельца обещали подвезти к ближайшему метро. Мой знакомый притащил целый баул.

- Чё-та ты какая-то уставшая на вид, а? Родственник замучил? - спросил он, увидев меня.

- Ой, замучил. Не дай Бог такого никому!

- Понимаю... Из деревни, что ли?

- Из глухой, - подтвердила я. - Глухо там у них, как в танке... ты случайно в Чечне не служил?

- Ой-ой-ой! - замахал знакомый руками. - Бог миловал.

- А он служил.

- Тяжелый случай, - вздохнул знакомый. - Из деревни туда и гнали, кто отмазаться не мог. Сочувствую тебе.

- Ему посочувствуй, помолись, - попросила я. - Михаилом зовут.

- Тогда не переживай! Архистратиг, победит. Ладно, давай до дома довезу.

Села я, счастливая, в машину, стала дорогу показывать.

- А что сразу к дому-то не подвез? - спросила я.

- Честно? Леня было искать адрес.

- Спасибо за честность, Серега, и за вещи, - подъезжая к дому, поблагодарила я от всей души.

Он вышел, открыл багажник, достал баул и понес к подъезду.

- До квартиры донесу.

- До лифта, - возразила я.

- Может, родственника куда доставить? - спросил он.

- Не, это он пусть сам старается. Помолись только о нем...

Что я увидела, когда открыла дверь? Умилительную картину: Михаил сидел на табуретке и рассматривал книгу. Поморщилась я со свежего уличного воздуха от вони, которая, оказывается, сохранялась в квартире. Сколько еще это терпеть?

- Вот читаю... - сказал Виктор.

- Вот принесла, - в тон ему ответила я и опустила баул на пол.

- Бог вас не оставит, - поблагодарил он.

- Не-е, не оставит до смерти, бомжей-то еще пошлет...

- Хорошая книга... - не обращая внимания на мой язвительный тон, сказал Михаил. - Когда лежал в подъезде, думал, помру. Говорил Богу: дай мне выжить, и Он дал. Вы меня подобрали.

- Слушай, а ты горами не двигаешь? - спросила я, удивляясь его детской вере.

- Не знаю, - ответил Виктор. - Почему вы спросили?

- Христос сказал, что если человек будет иметь веру с горчичное зерно и скажет горе «передвинься», она передвинется; с такой верой нет ничего невозможного.

- Не понял вас, - напрягся он и заерзал на табуретке от седалищной боли.

- Вера у тебя, значит, сильная, если Бог послушал.

- Не знаю, какая моя вера. Знаю, что Бог есть, - твердо сказал Михаил.

- Поделись, тогда, что ли, - разрешила я.

Он без раздумий, глядя мне в глаза, начал рассказывать:

- Утром, летом, ехали на БТРах вдоль Аргуна, река чеченская, в Сунжу втекает. Ребята все внутри сидели, боялись снайперов. Я на броне, наверху. Жара. Вдруг вижу вспышку, РПГэшником бьют. Летит на нас противотанковая граната, это смерть. «Господи» нет времени сказать. В мозгу только: спаси. Вижу, граната вроде как в воздухе остановилась, крутится на месте. Тут зарекся: Господи, если останусь жив, никогда за оружие не возьмусь. И сразу меня с БТРа сила сбросила, покатился. Грохот сзади. Граната в люк механика-водителя бабахнула.

- Ужас! - воскликнула я.

- Всмятку ребят. Сразу другая прилетела. Опять грохот. Осколком ранило, кровью залило. Перестрелка, бой начался. Докатился до берега, упал с обрыва. Сознание потерял. Очнулся - тихо. Кто-то стонет. Рядом лежит Сашка. Руку протянул, за плечо взялся. Он вскрикнул, ранен. У меня тоже боль от ранения. Ползли - метров двадцать, видим: какая-то щель или окоп. Толкнул его туда, загреб галькой. Пополз дальше. Еще щель, река подмыла, втиснулся, камней подгрел. Жара, жажда. Вода рядом, не возьмешь. Потом слышу: идут, болтают на арабском. Наемники. Идут по берегу, ищут наших раненых. Штыками добивают живых... Нас не заметили.

- Господи, какой ужас! - представила я картину. - Вы выжили? Это же чудо тогда!

- Двенадцать часов лежали, на жаре в камнях. Ад. К вечеру нашли нас свои. Трупы собрали. Как надутые были от жары. Отправили с Сашкой в госпиталь, потом домой. Ранили в бедро, сидеть долго не могу. Пойду лягу...

Слов у меня не было, одни чувства... сколько же человек может вынести. Бог спас, но за какие муки! И потом еще полгода бомжом болтаться. Для чего? Тут и у меня какой-то даже ропот на Бога поднялся. Я ушла в комнату – помолиться, прогнать это бесовское наваждение. Ведь твердо знаю: что Господь ни делает – слава Богу за все! Только следует уразуметь, какую цель для человека Он предполагает. Вспомнились мне святые юродивые – непризнанные, гонимые миром, не имеющие места, где главу приклонить. «Бесполезные» для общества, как оно считает до определенного времени – пока не увидит, что молитвами юродивых во Христе многие спасаются, избавляются от бед и приходят к вере. На подвиг юродства Господь, как правило, избирает смиренных, мужественных, твердых в вере и обладающих могучим здоровьем человекoв. В некотором смысле юродивым был и Михаил. Вера его тверда, коль скоро так быстро Бог его слышит, хоть и не признает он этого. А не признает по смирению, никого в своих бедах ни разу не обвинил: ни государство, ни родных, ни судьбу: несет свой крест и – как Бог устроит... Здоровье у него, видимо, тоже могучее – другой бы давно помер или в уме повредился. В общем, не простого человека Господь в мой дом привел. Я-то думала, что ему повезло, а выходит – мне. Узнавая о его безропотном несении креста, про свои добродетели как-то поаккуратней думать начинаешь...

Приготовила я обед, позвала его. Сели есть.

- Ну завтра тебя можно будет отправлять... – благожелательно сказала я.

- Я никуда не поеду! – вдруг сказал он.

- Не поняла?

Такого оборота я никак не ожидала, пришлось потрудиться, чтобы его разубедить.

- Мне некуда ехать. Вид такой – стыдно. Сыну будет неприятно.

- Не говори глупости! К матери поедешь, вот она обрадуется, что ты нашелся!

- Жить не на что. Пенсия мне по инвалидности положена, но никто просто так давать не хотел. Нашли, через кого можно сделать, я в Москву подался, чтобы деньги заработать на инвалидность. Дальше известно что...

- Все устроится, помолимся. А про инвалидность вообще подсудное дело, надо теперь разбираться в прокуратуре.

- Сын будет стыдиться, нет, – заладил он одно.

- А сыну самому не стыдно, что отца потеряли, и никому дела нет! – даже закричала я.

- Он не понимает. Нет... – в глазах Михаила снова появился страх.

- Ты же не станешь опять бомжевать!

- Все равно...

- Послушай, ты хоть меня пожалей: сколько я на тебя сил потратила. Вот ты уйдешь, а я все

время буду думать, где ты, жив ли? Нет, ты уедешь...

- Не смогу! - отрезал он. Я увидела, как на его виске забила жилка, лицо покраснело.

- Я тебя провожу, хочешь, сопроводительное письмо напишу твоему сыну...

Он встал из-за стола, вышел в коридор и лег у дверей.

Я пошла вслед за ним и стала долбить, как дятел, в одно место, почему он должен уехать: в Москве у него точно никаких перспектив. Он как будто меня не слышал, было непонятно, что у него в голове.

- Послушай, Миша, вот тут вещи, посмотри, переоденься, ты совсем будешь по-другому выглядеть.

- Я вечером уеду, не переживайте... - вдруг сказал он. - Деньги за билет верну вам.

- Как же ты уедешь?

- С Курского вечером поезд ходит, найду девчат знакомых, проводниц...

- А вдруг не найдешь?

- Уговорю. Без паспорта вот только...

Переодевшись, Виктор стал выглядеть вполне прилично, о его бомжовой жизни напоминало только одутловатое лицо и стрижка клоками уже вымытых волос. Но это кто знал...

Очень устала я от его присутствия, но немного жаль было расставаться. Решила я подробнее узнать о его злосчастном житии-бытии, про жену расспросила. С женой вот что: муж-инвалид после госпиталя упал духом, попивать стал. А у нее дела наладились с малым бизнесом, квартиру купила. Подала на развод. Михаил перешел к матери, на ее пенсию жили, подрабатывал чем мог: руки-то золотые, строитель по профессии, а здоровья нет... Вот, собственно, и вся биография.

- А в монахи не хочешь? - осторожно спросила я.

- Не думал совсем... Нет, думал, - спохватился Виктор. - В городе есть монастырь - пещерный, в меловой горе монахи вырыли пещеры. После революции там махновцы прятались, потом дезертиры с войны и ээки. Когда был мальчишкой, лазили с пацанами, клады искали. Я им говорил: какие у монахов клады, мне не верили... Сейчас восстанавливают. Я помогал, пока в Москву не уехал.

- Ну, так тебе к ним и надо приткнуться! - обрадовалась я.

- Там крепкие нужны...

- Ну, так окрепнешь! - пообещала я.

- Это вряд ли. Последнее здоровье потерял.

- «Невозможное человекам возможно Богу» [22]. Он же тебя слышит.

- Теперь не будет, нагрешил сильно, - сказал Михаил серьезно.

- Покаешься...
- Я не умею, - развел он руками.
- Научишься. Вот тебе книга понравилась, дарю ее. Там для начинающих все хорошо написано.
- Заметил.
- Это случайно не вы написали? - вдруг спросил он.
- А как ты догадался? - удивилась я.

вернуться

22

Лк. 18, 27.

- Не знаю. Вижу, вы хорошо обо всем судите... Подумал так.
- Молодец! Я тебе ее подпишу. Сыну покажешь, расскажешь, что не зря в Москве болтался. С умными людьми разговаривал.
- Хорошо, - впервые по-настоящему улыбнулся он.

Ближе к вечеру стали собираться: положила ему в симпатичный пакет бутербродов, чаю, кружку с ложкой, подписанную книгу. Михаил не захотел, чтобы провожала его. Я не настаивала, на билет дала восемьсот рублей сотнями, которые он положил в нагрудный карман.

- Вот еще тебе на метро, - добавила я.
- На метро нет... Менты.
- Да не бойся, ты вполне прилично выглядишь!
- Паспорта нет. Пойду пешком.
- Далеко, - засомневалась я.
- Дорогу знаю...

Помолились мы на дороге, присели по традиции.

- Ну давай, с Богом! Обязательно смс пришли, что добрался.
- Спасибо, - ответил он и как-то замешкался. - Вдруг на поезд не сяду... Можно к вам вернуться?

Я тоже замешкалась, хотелось крикнуть: нет!

- Ну... чтобы ваши труды не пропали, - застенчиво сказал он. - Мне один путь в бомжи... Больше меня не подберут.

- Приходи... конечно, - ответила я.

Когда закрылась за ним дверь, с души будто огромный камень свалился. Но я была выжата как лимон. Легла на диван, взяла книгу. Десять раз перечитала абзац, но так ничего и не поняла. Решила заснуть. Но в голове все время крутилось: как он доберется до вокзала, найдет ли проводницу, как его встретят дома... Господи, помилуй! До полуночи я дотянула, его не было. Значит, уехал, поезд около восьми вечера. Слава Богу!

Проснулась я от звонка: не поняла, дверного или телефонного. Время два ночи. Звонили в дверь. Сердце упало. Пошла открывать. На пороге стоял Михаил.

- Можно? - смущенно спросил он.

- Заходи. Где ж ты болтался до двух ночи? - рассердилась я.

- Менты забрали. Потом отпустили...

Я ничего не хотела слушать. Но заметив, что у него другой пакет, спросила:

- Где мой-то пакет? Слушай, ты выпил, что ли?

- Да... менты заставили.

- Ну, ты сказочник. А деньги где?

Он достал из нагрудного кармана восемь сотен и показал мне. Слава Богу, не пропил! В общем, произошла такая история. Он своей дорогой - через железнодорожные пути Ржевской, по пустырям направлялся к Курскому вокзалу. Почти у самого вокзала наткнулся на массовую драку. Уже приехали милиционеры и всех, кого поймали, забрали. Не думая, не гадая Михаил тоже попал в облаву. Когда его обыскивали, шарили по всему телу, но чудом денег в нагрудном кармане не обнаружили. Стали оформлять протоколы, он понял - сидеть в клетке до утра, потому что нет паспорта. Когда дошла очередь до него, Виктор попытался объяснить дежурному, что он случайный прохожий и торопится. Дежурный, вытряхивая из его пакета вещи, увидел бутерброды, чай и книжку. Открыл первую страницу и озадачился: на первой странице была моя подпись: «Рабу Божию Михаилу на молитвенную память от автора». Эта подпись решила дело. Дежурный аккуратно завернул книгу в газету, нашел новый пакет, потому что старый разорвал, и сказал:

- Ладно, теперь дыхни в трубку.

Виктор был трезв, и дежурный попросил:

- Слушай, план горит. Мы тебе нальем стакан и напишем, что ты был пьян. Тогда отпустим...

Я бы в жизни такого не придумала: ему налили стакан вина, написали протокол и ночью же выпустили... И вот тем же путем ночью он возвратился ко мне.

- Ясно, - резюмировала я. - Значит, сегодня не было тебе пути домой. - Все, спим.

- Сегодня, на Черкизовский поеду, оттуда автобусом можно, ездил туда за товаром.

Утром я сказала ему: поедем вместе, чтобы уехал наверняка. Больше заниматься им не могу. Прочла утренние молитвы, Михаил слушал. Заглянув в церковный календарь, я обнаружила, что в тот день, 11 января, был день памяти новомучениц, из которых три с именем Наталья.

Это были мои малые именины.

- Сегодня молитвами новомучениц Наталий [23] ты уедешь, - твердо сказала я. - Святые новомученицы, умоляю, заберите уже от меня этого человека! Молись святым Натальям!

И появилась уверенность в моей душе, но до отъезда пришлось побегать...

О Черкизовскрм рынке я только слышала, но даже не представляла, что он такой огромный. Мы отправились часов в десять. Когда нашли автобусную площадку, было уже далеко за полдень. Автобусы на Валуйки да, ходили, но рано утром и не каждый день. У Михаила враз упало настроение, он решил, что шансов уехать больше нет. Убеждениями и уговорами пришлось настроение поднимать, хотя и у меня оно было не ахти какое хорошее. Можно было взять и уйти, но мы ведь в ответе за тех, кого приручили. Садами-огородами вышли мы к совсем другой станции метро, от которой была прямая дорога до Курской.

- Вот видишь! Без пересадок, - радовалась я, потому что Михаилу трудно было подниматься по лестницам. - Это знак.

Хотелось есть и спать, но нужно было сделать последний рывок. На Курском мы сразу пошли в отдел милиции. На первом этаже у окошка дежурного висело-таки нужное объявление о том, что надо делать: надо взять справку в расположенном неподалеку Бюро находок. Виктор не верил в успех, но я-то уже так отправляла потерявшихся в Москве людей. Долго искали, как пройти к этому бюро, затерянному в больших дворах рядом с Курским, а когда обнаружили нужную дверь, увидели на объявлении, что бюро работает до семнадцати часов. Было без пяти.

- Даже не ходите, все против, - Михаил побелел и снова покрылся холодным потом.

Он категорически отказался заходить внутрь, нервно закурил. На последнем дыхании я решительно рванула дверь.

Девушка уже закрывала сейф. Но тут с Божией помощью, я просто превзошла себя: уложившись в две минуты, рассказала такую душещипательную историю, что работница без звука написала нужную бумажку, в которой говорилось, что потерянных документов такого-то гражданина в Бюро находок нет в наличии. По прейскуранту это стоило триста рублей.

Когда я вышла со справкой, Михаил опустился передо мной на колени и дрожащим голосом произнес:

- Господи! Господи! Господи! Спасибо, вам.

Дальше все было делом техники. Мы вернулись в линейный отдел станционной милиции и по этой справке получили другую, о потере документов гражданином. По этой заверенной милицией бумажке можно было уже купить билет. Поезд отправлялся через три часа. Отстояв небольшую очередь к кассе, я приобрела билет в плацкарт. Вдруг Виктор снова побледнел:

- Верхняя, не залезу. Нет, не смогу...

Он повернулся и сделал несколько шагов прочь. Господи, да что же это такое!

- Девушка, пожалуйста, поменяйте на нижнюю, человек больной! - взмолилась я.

- Этот, что ли? - кассирша видела моего бомжа в окошко. - Бомжара...

- Ну какая вам разница, этот ли, тот! Он не сможет залезть наверх!

- Нет нижних! - отрезала она. - Отойдите, задерживаете очередь.

- Нет, не отойду. Человек потерял здоровье в Чечне, ясно? Дайте нижнюю.

За мной - случайно ли - стоял дядя, наверное, ветеран войны, он ласково сказал кассирше:

- Дочка, ты потрудись, найди, пожалуйста, чай, тоже человек.

На кассиршу эти слова почему-то подействовали.

- Давайте билет, - вдруг спокойно сказала она. - Двести рублей за переоформление.

Отдав билет и деньги, я получила новый, на нижнюю полку.

- Михаил!

Он не оборачивался, потому что плакал.

Мы пошли в зал ожидания. Он сел на самую дальнюю скамейку. Я рядом. Мне очень хотелось увидеть, как он сядет в вагон. Но просидев с полчаса, поняла, что рухну от усталости и до дома вообще не доеду.

- Я пойду... - вздохнула я. - Больше не могу.

- Да, - сказал он как «нет».

- Не бойсь, ты с документами. Доедешь, позвони.

- Да...

- До свидания, все будет слава Богу! - сказала я, поднялась и, не оборачиваясь, ушла.

Какое-то время я ждала звонка, но его не было месяц, два... история постепенно стала забываться.

Летом, наверно, в июне раздался звонок в мою дверь. Я открыла. На пороге стоял симпатичный мужчина лет сорока - незнакомый, но вроде и знакомый.

вернуться

23

Наталия Сундукова, Наталия Силуянова и Наталия Васильева вместе с другими восемью женщинами были осуждены к разным срокам лишения свободы и сидели в Карлаге. На них завели групповое дело, в котором было указано, что арестованные «с момента прибытия в Карлаг НКВД в контрреволюционных целях без всяких на то оснований систематически отказывались от работы в лагере, проявляя контрреволюционный саботаж... Наряду с этим обвиняемые среди заключенных проводили антисоветскую пропаганду, используя при этом религиозные предрассудки...» На допросе они все единодушно назвали себя верующими христианками, не стали давать показания и вину свою не признали. 11 мучениц были расстреляны в Карлаге 11 января 1942 года. Место их погребения неизвестно.

- Здравствуйте, не узнаете?
- Не пойму...
- Михаил.
- Михаил? Михаил! Это ты?
- Я, собственной персоной.
- Господи, как я рада... Заходи...
- Я не один...

Выглянув за дверь, я увидела пожилого дядьку, который с удивлением кивнул мне.

- Вот, это она, - с гордостью произнес Михаил. - А ты не верил...

В общем, посидели мы на кухне, попили чайку, повспоминали... Михаил снова работал в Москве, крыл крыши с бригадой, начальником которой был пришедший с ним дядька. Он больше молчал, но в конце разговора, запинаясь, потому что подбирал слова, сказал:

- Из-за вас... Из-за вас, понимаете... человек жив! Вы понимаете, жив...

Понимаю, радуюсь и благодарю Бога, что этот человек жив!

Чудо о Флоре и Лавре

Терпению недугов и невзгод, вообще жизненной стойкости научилась я от отца. Наблюдая с детства за тем, как мужественно перелаживает он свои тяжелые болезни, перенимала я от него соответствующую модель поведения: как потом выяснилось, самого что ни на есть христианского отношения к жизни. Дети копируют поведение родителей, особенно, если их любят...

Свои густые кудри и здоровье отец потерял, когда работал начальником цеха на химическом заводе, где еще долгое время после войны выпускали отравляющий газ фосген и ядовитую синильную кислоту. Хотя его родители, моя родная баба Клава и дед Ваня, были верующими, сам он сделался «продуктом своего времени» - атеистом. Серьезный партиец, он верил в партию, как в бога, часто руководствуясь идеями советских песен: «Партия велела - комсомол ответил: «Есть!». Каким бы горячим последователем Христа был бы мой отец, если вместо партии верил бы он в Бога и развил данные ему от Бога таланты - любви к ближнему, верности, ответственности за порученное дело, твердости, неконфликтности, незлобия, всегда радостной веселости, открытости. Отработав максимальный срок на вредном производстве, отец пошел на повышение, должность его была номенклатурная. Он часто ездил в командировки в Москву, доклады приходилось делать самому министру.

Однажды произошел такой, например, случай, которому, зная отца, я не очень и удивилась. Перед 8 Марта уехал он в Москву «на доклад», и в приемной министра ему стало плохо. Вызвали «скорую». Врач констатировал развивающийся инфаркт миокарда и предложил экстренную госпитализацию. Отец - ни в какую! Как же: дома будет волноваться любимая жена, ей придется за четыреста километров ездить к нему в больницу. И потом - на носу Международный женский день. Нет! Он написал письменный отказ и поехал в гостиницу. Как-то перетерпев сильные боли, отец на следующий день все-таки доложил, что от него

требовалось, министру. Когда вышел из кабинета, ему опять стало плохо. Снова приехала «скорая». Министр уговаривал его поехать в больницу. Но отец не соглашался и снова написал письменный отказ от госпитализации. Тогда министр распорядился отвезти его в гостиницу за вещами, а потом к поезду. Прежде чем подняться в свой номер, отец зашел в овощной и купил десять килограммов репчатого лука, как просила жена, потому что в те дни в нашем родном областном городе лук начисто пропал из магазинов. С этим луком ночным поездом он вернулся домой. Я тогда жила еще с родителями и работала инженером. Утром мы сидели с гостившей у нас бабой Клавой за завтраком. Тихо звякнул дверной звонок: странно, потому что отец всегда открывал сам. Я глянула в дверной глазок и, увидев его, открыла. Он стоял, держа в одной руке портфель, в другой авоську с луком. Лица, что называется, на нем не было: оно стало сплошным пятном землистого цвета.

- Что случилось? - вскрикнула я и выхватила тяжелую авоську.

- Привет, - с трудом улыбнулся он и прошел в ванную комнату, разделся, и как ни в чем не бывало, наклонился над раковиной, чтобы умыться.

- Ты какой-то странный, сын, - заглянула к нему баба Клава.

- Разойдись, - приказал он. - Наталья, на работу опаздываешь.

Я действительно опаздывала и поэтому вскоре убежала. Спустя несколько часов вернувшись с работы на обед, сразу унюхала в подъезде сильный запах валерьянки и еще чего-то такого, успокаивающего.

Баба Клава сидела за кухонным столом, обхватив голову руками. Газетка, перед ней лежащая, была вся мокрая от слез.

- Зачем надо было еще этот лук тащить! Прожили бы без него, - увидев меня, запричитала она. - А теперь вот сыночек мой...

После расспросов вырисовалась такая картина. Как только я ушла, отец позвонил в свой институт, чтобы прислали за ним шофера - ехать на работу. Но до этого дело не дошло, потому что, когда он прилег на диван, подняться уже был не в состоянии. Баба Клава вызвала «скорую». «Скорая» приехала, сделали кардиограмму, и врач констатировал: обширный инфаркт и строго спросил, почему так долго не вызывали неотложку. Но когда баба Клава рассказала, что сын приехал в таком виде из Москвы да еще с десятью килограммами лука, врач выпучил глаза:

- Больной, вы родились в рубашке. Вчера должны были умереть.

- Как же, умрет он! На кого ж свою женушку оставит, - заплакала баба Клава.

Не разрешая и пошевелиться, отца на носилках перенесли в «скорую». В больнице его сразу поместили в реанимацию.

Тогда еще бытовало мнение, что инфарктники так и остаются на всю жизнь недееспособными людьми, двигаться разрешали им дозировано. Но отец, отлежав в больнице и побывав на реабилитации в санатории, стал «разрабатываться» и на все наши «охи» и «ахи» только махал рукой, наращивая физическую нагрузку. Приближался его пятидесятилетний юбилей, который он не отменял: отсидел в президиуме, прослушал поздравительные речи, заглянул и на банкет. После юбилея свой двухмесячный «больничный» он, «прикидываясь здоровым», занимался обустройством недавно купленного дачного дома в Березове. С осени он вышел на

работу к радости сослуживцев: его любили.

Через два года у отца случился второй инфаркт. Выкарабкивался он из него дольше, не обращая внимания на приговор врачей, что третий инфаркт будет смертельным и произойдет до его шестидесятилетнего юбилея. Конечно, родственники переживали, каждый по-своему. В нашей семье было не принято делиться своими переживаниями. Ночами, бывало, я плакала, представляя, что он скоро умрет... И как же я без него? Молилась ли я – затрудняюсь определить, тогда я совсем не знала, как надо молиться, только твердила одно и то же: у меня у самой будет инфаркт, если отец умрет, я не переживу его смерти. Не переживу, не переживу, не переживу. Этот отчаянный вопль несея, наверно, прямо в уши Бога.

После повторной постинфарктной реабилитации он снова уехал на дачу, где ему запрещались мало-мальски тяжелые работы – даже принести полведра воды из колодца. Он сначала держался этого правила, в основном поливал огород, придумывая всяческие приспособления, чтобы дело пошустрее шло, но постепенно начал даже рубить дрова.

Однажды отец на своей циркулярной пиле разрезал небольшую доску на палки для подвязки помидоров и глубоко перерезал сухожилия в основании указательного пальца. Я находилась где-то рядом.

- Наташа, – окликнул он меня.

Я обернулась и увидела его руку, залитую кровью. Он только сморщился и, предвзяв мою реакцию, попросил:

- Скажи матери. Только тихо.

- перевязать же надо, чем же перевязать? – засуетилась я.

- Тут не перевяжешь. Давай полотенце.

Я принесла из бани детское полотенце.

Отец придавил почти оторванный палец к ладони, и мы как-то замотали руку. Кровь, по крайней мере, хлестать перестала. Вместе мы пошли к дому: впереди я, позади отец. У помидорника остановились. Я вошла внутрь и окрикнула мать:

- Мам! Надо в больницу ехать, отец поранился, пойдй спроси у кого-нибудь машину, – сказала я, стараясь быть спокойной. Инфарктникам противопоказан любой стресс.

- Что случилось? Господи... – взревела мать и, оттолкнув меня, выскочила из теплицы.

- Что ты кричишь, – поморщился отец. – Порезался.

- Да какое порезался! Что, руку отхватил? – закричала она, увидев окровавленное полотенце, и осела на табуретку. – Ой, мне плохо... Кой черт было братья, если не можешь. Это у меня с вами инфаркт случится...

- Машину поищи, я никого тут не знаю, – повторила я свою просьбу.

- Ноги не идут, мне плохо, – мать держалась за сердце.

- Наталья, открывай гараж, сам поеду, – решительно заявил отец.

- Куда ты поедешь! Весь в крови... - раздраженно и в то же время жалеючи произнесла мать.

Я открыла гараж, поменяла отцу полотенце, потому что мать на кровь реагировала, как институтка. Отец сел за руль и вывел машину на улицу, маневрируя одной рукой. Мать не разрешила поехать с ним, села на переднее сиденье сама. Мне было велено остаться и сторожить дачу. Они уехали. Бедный отец, что он должен был выслушать от любимой жены за свою оплошность! Терпеливый он был, это не отнимешь...

Развязку истории узнала я через день, когда родители вернулись на дачу. В травмпункте соседнего городка им сказали, что такие операции - чтобы палец оставить дееспособным - у них не делают; зажимами пережали как-то кровь и отправили в областной город - это еще два часа пути. И отец, страдая от кровопотери, довез себя и супругу на своей «второй жене», 21-й «Волге», как говаривала первая, до большого нашего областного города. Только вечером ему сделали операцию - сшивали сухожилия, венки, была задета и кость фаланги. Не знаю, была ли та операция удачной, но указательный палец на всю оставшуюся жизнь так и остался указательным - не гнуцимся, как указка. Швы он снимал сам.

В шестьдесят лет, сразу после празднования юбилея, отец сказал: «Теперь я свободен, буду жить для себя» и, к недоумению многих, написал заявление об уходе. Об этой свободе он мечтал с первого инфаркта: ни повышение, ни московская карьера его совершенно не интересовали. Эх, если бы тогда он сказал иначе: «Теперь я свободен и буду жить для Бога». Но его поколение Бога не знало и, по-видимому, знать не желало. Отец со своим институтским приятелем, тоже купившим дачу в Березове, часто собирались по субботам за рюмочкой - вспомнить свои «молодые годы», погордиться заслугами перед молодежью, порассказать нам, уже взрослым детям, как надо жить. Добились они высоких должностей, на своих плечах, можно сказать, подняли химическую промышленность страны... Это была правда. Но та же их химическая промышленность погубила столько лесов, полей и рек... Но об этом много не думали, а говорить об этом вообще не считали нужным. Они жили в понимании значимости своей деятельности для страны, как в песне поется:

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей!

Человек-хозяин без оглядки на истинного Хозяина Вселенной все-таки плохой хозяин, чего-нибудь да намудрит так, что потом сам удивляется, как смог так сильно напортачить. Мои попытки обратить на это внимание кончались всегда неудачей и даже обидой - смотря сколько выпили. Но вообще с этими двумя друзьями было всем очень весело!

Долго отца не пускали одного на нашу дачу в Березове, опасаясь за здоровье. Мать на его поползновения отъехать отвечала обычно: «Я инфаркт с тобой получу». Я к тому времени стала активно воцерковляться и где только могла заказывала за него заздравные сорокоусты и годовые поминания - в монастырях, церквях, в лаврах - в Загорске, Киеве, в Печорах. Если я вдруг проговаривалась об этом отцу, он красноречиво крутил своим негнуцимым указательным пальцем у виска, мол, деньги на ветер...

На пенсии отец все-таки завоевал право ездить на дачу одному. Ездил он и зимой, и весной, где только мог применял свои богатые инженерные навыки к дачным надобностям. Достаточно сказать, что совместно с местными мужиками он навел через глубокую канаву большой железный автомост, сваренный из шпал, потом они нашли место рядом с нашим домом и вырыли неглубокий колодец, в котором никогда в отличие от других не переводилась вода.

Лето и большую часть осени родители стали проводить в Березове.

Отец редко когда отказывал на своей «Волге» отвезти детей, беременных и старых дачников на станцию: машин тогда в деревне было раз, два и обчелся. Надо сказать, что несколько этих километров проселочной дороги были так раздолбаны, что лишний раз по ней проехать никому и в голову не приходило...

Однажды в конце зимы отец поехал на дачу что-то там проверить. Пройдя от станции километров пять, он услышал, что в придорожном заснеженном кювете вроде кто-то стонет. В подтаявшем снегу лежал наш березовский уркаган Толик, один из постоянных деревенских жильцов, водивший дружбу с местными уголовниками. Эти уголовники, несомненно, досаждали жителям, но с ними особенно не связывались, боялись. Тщедушный Толик, видимо, был сильно пьян, подняться не мог, замерзал. В общем, о том, что отец чуть не на руках три километра тащил его до дома, спасая от лютой смерти, Толик сам всем рассказывал. В Березове это событие вспоминали долго. Многие неодобрительно: лучше бы Толик замерз. Но отец никак не реагировал на подобные обсуждения, и я была горда им: не человеку решать судьбу другого, но помочь другому он по мере сил должен. Это была именно христианская заповедь. А поскольку поступок был христианский, то по-христиански после доброго дела последовало и искушение [24]. Той же зимой Толик с «друганами» залез в наш дом и упер 40-килограммовый генератор – сдать в цветмет. Воров видели, но опять же – боялись препятствовать, чтобы «не прогневить» Толика с подельниками.

Летом после кражи шли мы с отцом на реку – мимо покосившегося дома Толика. Сам он, пьяный, стоял у калитки, и, увидев отца, радостно закивал:

- Иваныч! Ёк макарёк! Давно не виделись! С зимы... Я тут вмочил в рога, выпил маненько. Помню, Иваныч, из аута ты меня достал. Ты теперь друг мне.

- Тамбовский волк тебе друг, – спокойно ответил отец.

- Не понял, Иваныч, – обиделся Толик. – Чё-чё-чё?

- Брус ты шпановый...

- Я? – взревел Толик.

- Ты, – ответил отец и не спеша пошел дальше.

- За бруса ответишь! – вдруг взвился Толик. – Эй ты, в шляпе!

Отойдя на некоторое расстояние, я поинтересовалась у отца:

- Это про какого бруса ты ему сказал?

- По фене ботаешь? – засмеялся он.

- По фене? – я прыснула в кулачок. – Не, не ботаю. Переведи, что ли, а то мучиться ведь буду.

- «Начинающий вор, подающий надежды» переводится.

- Зачем ты поперек ему, – расстроилась я. – Осенью они весь наш дом разнесут.

- Не разнесут, – уверил отец. – Он меня понял.

В дом наш больше не лазили. Правда, может, потому, что спустя, наверное, месяц Толику с перепоя стало в очередной раз невозможно жить. Он выскочил во двор и заорал:

- Мру... Мру... Люди!

После этого упал, стал задыхаться, дрыгая руками и ногами. Соседка тетя Рита вышла как раз на крыльцо, увидела, что Толик действительно собирается концы отдать, подбежала к нему, а он синими губами шепчет:

- В больницу свезите.

Тетя Рита побежала по дачникам, но все, конечно, отказывались везти. Только отец согласился, хотя ему тетя Рита и мигнула:

- Да пусть подохнет!

В общем, откачали тогда Толика. Недоумевала я, зачем продлил Бог дни его никчемной жизни? Не ради ли того, чтобы отец смог сделать побольше добрых дел, за которые Господь мог помиловать его на Страшном суде...

Толик прожил еще лет пять, и все же настигла его поносная смерть: сгорел в собственном доме. Вслед за ним люто погибли другие наши уркаганы - кто утонул, кто отравился денатуратом, двоих зарезали. Видно, время пришло. Постепенно наше Березово очистилось от всех антисоциальных личностей. Несомненно, помогли тому и «крестные ходы», которые затеяли мы с Ольгой Ивановной. На них, чтобы вымолить дождь или ведро, постепенно собиралось все больше жителей поселка, испрашивая дождя. Когда человек делает навстречу Богу один шаг, Он делает к человеку сто шагов... Милостей у Бога много, Он и освободил нас от бывших уголовников.

Вопреки пророчествам врачей, отец за своим шестидесятилетним юбилеем справил и семидесятилетний. И тогда только стал Господь готовить его к отшествию в мир иной. Как это, спросит неверующий. А вот так, если по-христиански рассуждать...

вернуться

24

«Кто совершит дело, угодное Богу, того непременно постигнет искушение; ибо всякому доброму делу или предшествует или последует искушение, да и то, что делается ради Бога, не может быть твердым, если не будет испытано искушением». Преподобный Авва Дорофей.

Из-за своего терпеливого характера отец пропустил начало новой коварной болезни. И называется-то она как-то не по-русски: облитерирующий эндартериит; при этой болезни в ногах происходит частичное или полное прекращение кровотока из-за закупорки сосудов атеросклеротическими бляшками. Болезнь в основном курильщиков - до инфаркта отец много курил, а после - враз бросил. Сначала он стал прихрамывать. Потом ему стало больно ходить, дальше и в покое начались боли в икроножных мышцах. Отец долго скрывал эти боли от нас, пил сильнодействующие анальгетики, к докторам не обращался. И только когда начал чернеть большой палец стопы, болезнь обнаружилась. Так проявляется гангрена. Врачи, конечно, старались как могли: рассасывали эту гангрену, лекарствами облегчали боли. Два раза отца прямо из дома отвозили на операционный стол - под наркозом делали шунтирование: в обход

закупоренной артерии устанавливали из собственной же вены новый сосуд – шунт, который замещал вышедший из строя.

Но болезнь наступала. И вот ко мне в Москву пришло ужасное известие: дело дошло до того, что отцу предстояло в виду развивающейся гангрены отрезать ногу до колена – и как можно скорей. Направление в областную больницу было выписано, ждали только очереди. Я позвонила родителям, уговаривая отца сходить в церковь – исповедаться, собороваться и причаститься, готова была сама приехать, чтобы привести священника на дом. Но нарвалась только на неопишное раздражение с их стороны.

И мысли я не могла допустить, что отцу отрежут ногу: во-первых, при его здоровье это совершенно гиблая операция, и потом – просто представить не могла своего деятельного и красивого отца без ноги. Нет, это невозможно.

Уповать в этой ситуации можно было только на Бога. Я просила молиться об отце всех своих друзей – верующих и неверующих, умоляла помолиться знакомых священников и монахов, подавала записки о здравии во все встреченные на пути церкви, заказала сорокоусты в доступных мне монастырях. Науме было лишь одно: Господи, не попусти отрезать отцу ногу...

Прошли две недели, три, месяц, еще месяц. В больницу отца не клали и ногу не отрезали... В конце июня я приехала на дачу и провела лето вместе с родителями. Назначенную и почему-то отмененную операцию по семейной традиции мы между собой не обсуждали и жили дальше по-прежнему. Отец только теперь все больше лежал у работающего с утра до ночи телевизора в нашем деревенском доме. На улицу ему было выходить трудно, да и тяжелые думы, как я чувствовала, его одолевали – что впереди? А телевизор работал, что-то бубнил без остановки, так думы меньше тревожили. До самого конца летнего сезона меня не оставляла жуткая мысль, что болезнь вернется и под нож отцу все-таки придется лечь... И как бы еще обе ноги не отрезали...

В последний день августа местный священник отец Онисим пригласил меня съездить на богослужение в один деревенский храм – знаменитый тем, что он никогда не закрывался и служил в нем почитаемый в округе старец. В тот день отмечалась дата: три года со дня его смерти. Многие священники из разных уголков епархии были приглашены на литургию, а службу должен был возглавить сам епархиальный архиерей. Чуть рассвело, и мы с батюшкой и его матушкой отправились на легковушке на службу за сто километров от Березова. Отец Онисим очень хотел познакомить меня с правящим архиереем, и на этот случай захватила я с собой только что изданный, иллюстрированный альбом о греческом Афоне, который не стыдно было и архиерею подарить. Разработали мы планчик: батюшка при удобном случае замолвит за меня словечко, а когда после службы архиерей будет из алтаря выходить – тут я и вручу ему свой альбом. Глядишь, владыка что-нибудь написать попросит.

– Надо всюду сети забрасывать, – наставлял отец Онисим. – Надо, чтобы тебя узнавали. Под лежащий камень вода не течет.

– Да не так все происходит, – только и ответила я, потому что отец Онисим совершенно не представлял нашей «писательской» кухни. – Вы думаете, у архиерея нет своих писателей?

– Действовать надо, а не думать! – благословил отец Онисим. – Давай, как договорились!

Архиерейская служба всегда долгая, но наконец, она закончилась. Архиерей вышел на амвон и сказал проникновенное слово про почившего старца и, благословляя народ, в окружении большого числа приглашенных священников направился к выходу.

Это было мое первое знакомство с носителем столь высокого церковного сана: я не знала, как подойти, что сказать... Из-за волнения я пропустила нужный момент. Архиерей уже поравнялся со мной, вокруг него образовалась толпа, началась обычная суета.... Отец Онисим издали махал мне, мол, что же ты ждешь?

- Владыко, благословите! - отчаянно выкрикнула я.

Архиерей повернулся и поглядел на меня своим пронзительным взглядом. В моих руках был большой альбом.

- Вот... - я протянула ему альбом. - Это вам!

Сотни любопытных глаз устремились на меня. Архиерей протянул ко мне отеческую свою руку и принял книгу. Я чуть не расплакалась: как у Бога все удивительно просто.

- Похвально! Благодарим, - произнес он. - По какой причине такой прекрасный подарок мне?

Это был духовный экзамен, я чувствовала... Как же все объяснить в нескольких фразах? Народ вокруг нас замер.

- Когда мне предложили написать об Афоне, я сначала отказывалась. Если женщин на Афон не пускают, зачем женщине про Афон писать... Есть же мужчины, побывавшие там. Пусть и пишут.

- Действительно, - ободряюще улыбнулся владыка и передал мой альбом иподиакону. - И что же?

- Но издатели мои сказали: мы ведь просим не путевые заметки писать. Не обязательно профессионалу быть везде. Это и невозможно...

- Разумно, - подтвердил владыка.

- Я стала подбирать литературу по Афону, а ее очень мало. Читала и все равно очень сомневалась. И вдруг случайно прочитала вашу статью про Афон, она мне так понравилась! И почему-то мне показалось, что эта статья, как от вас мне благословение... - с замираньем сердца закончила я свой рассказ.

- Вот как! - улыбался владыка. - Господь благословит.

Сказал и со всей свитой направился к выходу. Тут подошел ко мне отец Онисим и спросил:

- Ну что? Как?

- Не знаю... Представляете, владыка взял мою книгу...

- Эка невидаль! Такую и патриарху не стыдно, - расстроился он. - Надо было внушить, что ты можешь для епархии писать. Чего растерялась?

- Да ладно! - улыбнулась я. - Пусть книги сами за себя говорят. Так приятно, что владыка мне столько времени уделил...

- А! - махнул на меня рукой отец Онисим. - С тобой каши не сварить. Ладно, побегу отблагословлюсь от трапезы. Нет времени. Давай к машине, приду и поеду!

Я села на заднее сиденье – на переднем ждала супруга матушка.

Минут через пять мы увидели, что отец Онисим, торопясь обратно к машине, что-то кричит.

- Наталья! Наталья, выходи! Владыка благословил тебя на трапезу, – услышали мы.

- Вы что! – испугалась я. – Умру со страху.

- Отпоем, – ответил довольный отец Онисим. – Так прямо и сказал: очень жду.

- Меня? – не верила я.

- Тебя! Матушку-то вот мою не пригласил. Там, за столом, женщин нет, как на Афоне, – говорил довольный священник. – Давай, на выход без вещей.

И мы с ним направились к деревенской избе, в которой жил приснопамятный местный старец. Из сеней попали в коридор, в конце которого светился вход в комнату, оттуда доносился мерный стук вилок и ножей о тарелки. Заглянув из-за портьеры внутрь комнаты, я увидела, что из нее была вынесена вся мебель и поставлен сборный длинный стол, за которым сидели приглашенные батюшки – наверно, человек тридцать священников – и молча ели. Какая-то во всех чувствовалась скованность. Единственное свободное место было напротив владыки, который сидел при начале длинного стола, во главе сидел благочинный. У меня подкосились ноги.

- Вперед, Бог благословит! – отец Онисим подтолкнул меня внутрь импровизированной трапезной.

- С праздником! – робко поприветствовала я присутствующих.

На лицах священников застыл немой вопрос: кто она? На что архиерей ответил так:

- Прощу любить и жаловать. Писательница из Москвы, Наталья, – и указал мне место прямо напротив себя.

Я села: ни жива ни мертва. Отца Онисима втиснули на лавку среди сидящих на другом конце стола. Священники оживились. Произнесли здравицу за «дорогого владыченьку», который был очень прост в общении, но больше молчал. Мне казалось, что он видит меня насквозь – настоящий рентген. Я понимала, что напротив меня сидит личность историческая, человек, известный своим аскетизмом и молитвенным трудом, его имя вписано в летопись двух известных русских монастырей, как их первого восстановителя после советского запустения. Владыка был прекрасно образован и написал несколько богословских книг. Я чувствовала огромность личности владыки и не смела слова произнести.

- Что же наша гостыя молчит? – ласково спросил владыка. – Расскажите нам что-то интересное про Афон. Отцы не читали столько книг про него. Нам, в провинции, будет очень интересно.

- Ой... – откликнулась я. – Я женщина. Как могу отцам про Афон рассказывать, куда женщин не пускают?

- Про Паисия Святогорца можно рассказать отцам... – посоветовал владыка.

- Благословите! – попросила я.

- Бог благословит.

- Я в него просто влюбилась! - воскликнула я.

Батюшки заулыбались.

- Аксиос! - улыбнулся и владыка и перевел. - Достоин.

- Меня потряс рассказ Паисия, - осторожно начала я, - об одном афонском подвижнике, старце из монастыря Есфигмен. Он был такой простец, который, казалось, не знал элементарных вещей, но при этом получил от Бога дар чудотворения. По своей малограмотности он считал почему-то, что слово «Аналипси», которое по-русски означает «Вознесение» - это имя святой, и молился ей: «святая Аналипси, моли Бога о нас». Как-то он должен был навестить в монастырской богадельне одного больного монаха, а угостить его было нечем. Тогда старец спустился по лестнице, открыл окно, выходящее к морю, протянул вперед руку и воскликнул: «Святая Аналипси, пошли мне рыбку для брата!» И внезапно - из воды выскакивает огромная рыбина и падает ему прямо в руки... Просто чудеса!

- Очень поучительная история, - согласился владыка. - Мы образованные, всё, кажется, знаем про праздник Вознесения... Только не духовным, а мирским своим знанием. Нам, конечно, и в голову не придет молиться: «Святое Вознесение, пошли рыбку»... Но что с того: нам и вот такусенькой, - он сжал свою ладонь, - рыбешки не получить, как старец для друга постарался. А ведь сказано: *«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас»* [25]. В южных странах из малюсенького горчичного зерна вырастает большое растение, вот почему Спаситель использует такой наглядный пример. Я специально просил показать это малое зернышко горчицы. Видел и горчичное дерево. Истинно семя, «которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» [26]. Ничтожное по размерам семя, други мои, обладает огромным потенциалом произрастить из него огромное дерево. И вера подобна такому зерну. Этой веры, может, даже и не видно, однако человек, обладающий ею, способен совершать великие дела. Есть ли в нас эта вера хотя бы с горчичное зерно... вот в чем вопрос. В душе простеца вместо всех этих наших знаний Дух Святой обитал. Такая история, да...

Отцы посерьезнели, кто-то тоже по этому поводу высказался, но общее настроение было праздничное, веселое. Зачем рыбку просить, если перед тобой обильная трапеза... Когда не будет, тогда и попросим - такое примерно было настроение. А мне так хотелось услышать какие-нибудь советы собравшихся священников о том, каким образом хотя бы начать приобретать ту самую евангельскую веру с горчичное зерно, что движет горами! В сердцах присутствующих тема отклика не нашла. Кажется, огорчился этому и маститый владыка.

Трапеза шла свои ходом: прозвучали несколько заздравных тостов, кто знал, рассказали о почившем старце, поговорили о наболевшем и обычно неафишируемом. Диакон из протокольной службы владыки, сидевший справа от меня, со знанием дела предлагал попробовать различные блюда, подливал вино. Я не понимала, для чего попала за этот стол. Была же какая-то причина... Только почувствовав, что трапеза подходит к концу, решила обратиться к архиерею с просьбой.

- Владыка, помолитесь о моем отце... - попросила я.

- Что же с вашим отцом? - спросил он, немного наклонившись к столу, потому что был глуховат, а отцы уже разговорились меж собой, и тишины в комнате не было.

- Он запустил болезнь, началась гангрена и ему весной должны были отрезать ногу.

- Ай-яй, - покачал головой благочинный, сидевший во главе стола.

- И что же, отрезали? - спросил владыка.

- Нет... Понимаете, я стала молиться, много молилась и его даже в больницу не положили, - как бы сама себе удивляясь, сказала я.

Владыка улыбнулся, благосклонно кивнул, тихо сказал:

- Чудо! - и повернувшись к благочинному, переспросил у него. - Как думаешь, отец Валериан, чудо?

- Чудо... - обрадованно подтвердил благочинный. - Что же еще?

- Чудо? Вы считаете, что это чудо? - не верила я. - Все время боюсь повторения болезни.

- А вы не бойтесь, продолжайте молиться, - ласково ответил владыка.

Сами собой потекли из моих глаз слезы. Я наклонилась к тарелке, слезы закапали на салат.

- А Господа отец ваш благодарит за это чудо милости Его? - услышала я голос архиерея.

- Нет, - всхлипнула я, вытерла платком свою мокроту и посмотрела в его добрые-добрые глаза. - Он вообще неверующий.

- Вот в том-то и беда... - вздохнул владыка. - Не оставляйте надежды.

То, что «в том-то и беда», знала и я... Слова архиерея заставили меня переживать весь следующий год. Ежедневной горячей молитвы об отце я не прерывала, веря, что и сам глава одной из древнейших русских епархий помолился о моем отце как о евангельском блудном сыне, отошедшим «на страну далече», то есть от Бога... Сколько же еще должен был он испытать скорбей и болезней в той далекой стране неведения Бога, чтобы, наконец, вернуться в Отчий дом, к Творцу своему! Бог весть...

Я почему-то была уверена, что через год случится что-то непоправимое, если отец не покается и не ответит на Господний зов. Гнала я это предчувствие как только могла, но все равно думалось, что Бог дал отцу последний шанс. Как говорят, при крещении христианину дается год особого Божиего благоволения, даруется «легкое время», чтобы он осознанно, с возрастающей верой начал свое шествие ко Христу, к своему спасению. После неожиданной и столь многозначительной встречи с архиереем, я была уверена, что по его молитве об отце эта самая привлекающая благодать снизойдет на него. И отец найдет теперь в себе хотя бы малую веру - с горчичное зерно, чтобы Господь смог за что-то «зацепиться», приумножить ее и дать ему возможность войти в вечную жизнь спасенным.

В связи со своими ожиданиями часто приходило мне на ум гениальное стихотворение Анны Ахматовой, которое хорошо знать каждому, кто, как мой отец, слишком надеется на себя и свои силы:

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем, —
Начали песни слагать

О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

А еще прониклась я к святым христианским первомученикам, жившим во II веке, Флору и Лавру, стали они мне как родные, влились в мою молитвенную жизнь. Знаменательным показалось мне, что в день их памяти, 31 августа, произошла, многозначительная, как потом выяснилось, моя встреча с владыкой за поминальной трапезой в доме местночтимого старца. Прочитав житие святых братьев Флора и Лавра, надеялась я найти ясную подсказку, как вести себя с отцом, но житие их сохранило немного сведений.

вернуться

25

Мф. 17:20.

вернуться

26

Мф 13:32.

Святые братья Флор и Лавр, с юности уверовавшие во Христа, были каменотесами. Как искусных каменщиков правитель Иллирика направил их к правителю соседней области для строительства нового языческого храма. Братья отдавали полученную плату бедным и проповедовали им Христа. Успеху их проповеди способствовали чудеса, самым известным из которых стало исцеление сына языческого жреца, после чего исцеленный и его отец стали христианами. В новопостроенном храме, в который еще не были внесены идолы, Флор и Лавр вместе с обращенными ими христианами совершили совместную молитву, а после этого уничтожили идолов, предназначенных для перенесения сюда.

Все участники этих событий были схвачены и сожжены, а Флор и Лавр были отправлены обратно в Иллирик. Святые братья исповедали себя христианами перед правителем, который приказал бросить их живыми в колодец и засыпать землей. Спустя много лет мощи святых обрели нетленными, и, как говорит предание, сразу же после этого прекратился падеж лошадей. Так святых Флора и Лавра начали почитать как покровителей лошадей. Считалось даже, что святые мученики были обучены архангелом Михаилом искусству управлять лошадьми. Их и изображают на иконах рядом с архангелом Михаилом. Ниже – два коня: черный и белый под нарядными седлами. Архангел Михаил вручает мученикам поводья этих коней. Еще ниже изображены скачущие на конях пастухи – святые мученики Спевсипп, Елевсипп и Мелевсипп, которые гонят к водопою целый табун разноцветных лошадей. Подобные иконы Флора и Лавра, как правило, имеют название «Чудо о Флоре и Лавре» – в память о том, как святые братья явились на помощь пастуху, потерявшему коней, и помогли найти пропажу.

Сколько я ни искала других сведений о святых Флоре и Лавре, вся информация сводилась примерно к тому же, так что особенных подсказок я не нашла, кроме той, о которой писал и кн. Е. Трубецкой: «Флор и Лавр... властвуя над конями, сами, в свою очередь, имеют своего руководящего Ангела, изображаемого на иконе... Не остается никакого сомнения в том, что они не самостоятельные носители силы небесной, а только милостивые ходатаи в нуждах...»

Святые – наши истинные друзья и своими чистейшими молитвами ко Господу доносят до Него наши просьбы о разрешении духовных и земных проблем. Почему-то в случае с отцом запало мне в душу молиться именно святым Флору и Лавру – может, потому, что они на заре христианства обратили ко Христу многих ближних своих. Так и я стала молиться: «Святые Флор и Лавр, умягчите сердце отца моего, умолите Господа даровать ему веру во Христа Спасителя, в Его великие милости к нам, грешным».

Заканчивался год после встречи с владыкой. Приближалось 31 августа. Я с родителями жила на даче в Березове. К концу лета сломалась наша старушка, 21-я «Волга», и надо было ехать в город покупать запчасти. Именно 31 августа за отцом приехал его внук, мой племянник и крестник Паша, и к вечеру на его машине они уехали. Я еле пережила этот день, молилась мученикам Флору и Лавру непрерывно, со слезами, чтобы ничего с отцом не случилось в этот день. Наконец, из города позвонили, что доехали. Длинное воскресенье закончилось – гора с плеч.

Следующим утром с легким сердцем я пошла в лес – показался долгожданный слой белых. Быстро набрав полную корзину, побежала домой, чтобы освободить корзину и снова – за грибами.

В доме на столе лежала записка матери: «Вчера попали в аварию, у отца инсульт. Пока не приезжай». Три дня провела я в неведении. Дозвониться ни до кого я не могла – мобильники были тогда не у всех, как только без них жили? Как-то ведь жили... спокойней, что ли, были? Не каждую минуту перезванивались и сводили друг друга с ума бесконечными разговорами...

Оказалось, что вчера, 31 августа, вечером племянник мой Паша, начинающий автолюбитель, уже въехав в город, угодил в аварию. Отец от удара получил геморрагический инсульт. Счастье, что это случилось недалеко от больницы, которая как раз специализировалась на инсультах. Через пятнадцать минут он уже был в реанимации, и интенсивная терапия спасла отцу жизнь. Только поэтому нам 31-го ничего не сообщили, а уже в понедельник за матерью на дачу приехала сестра и увезла ее в город. Паша отделался синяком на виске, хотя весь перед машины был всмятку, не подлежащую восстановлению. Эта «смятка» была такова, что чудом обошлось без трупов. Все так и говорили: чудо. Но чтобы побежать в церковь и поставить свечку или молебен благодарственный отслужить – об этом даже не думали. Чудо и чудо! Мало ли! Пронесло – и все тут!

Через неделю поехала к отцу я и, навестив в больнице, нашла его в состоянии лучше, чем можно было предположить. На все вопросы о состоянии здоровья он, как всегда, отвечал: «Отлично!» И на том – слава Богу!

Вечером заглянула я к сестре. Паша был в Москве в командировке и к полуночи должен был с поезда вернуться домой. Про аварию не говорили: что про нее говорить – пронесло ведь! Отметили только, что после случившегося весельчак Паша сделался слегка не в себе, ни с кем не разговаривает. Как крестная мать я догадывалась, почему. Какой-то духовный переворот произошел в душе моего крестника, и говорить об этом в атеистическом семействе действительно было не с кем... Очень болело за него сердце.

- Наверно, переживает, что деда чуть не угробил, – сказала я. – Ведь только-только права получил, какого... вы его в Березов за сто верст отправили!

- Не угробил же! – вспыхнула мать Паши. – Не каркай!

- Слава Богу, что не угробились! – ответила я. – Десять лет назад врачи говорили, что

следующий инфаркт или инсульт для отца смерть. Поосторожней надо бы...

- Ладно! - махнула рукой сестра. - Хватит об этом. Время позднее, иди домой, провожать некому! Завтра всем на работу. Это только ты у нас, когда хочешь, тогда и отдыхаешь. Белая кость.

- Я все-таки подожду... - не обращая внимания на ее иронию, сказала я.

- Зачем?

- Спросить кое о чем надо.

- О чем? - строго спросила сестра.

- Будет ли он венчаться. Если нет, то я возвращаюсь в Москву.

- С чего ты взяла, что он собирается венчаться? - усмехнулась она.

- Мы говорили об этом. Он хотел и обещал...

- Он много всего обещает, так что не надейся! И вообще не дури детям головы и в душу не лезь, без тебя разберемся. Они не хотят венчаться, - строго выговорила мне младшая сестра.

- Ну, вот спрошу и пойду! А вы ложитесь, я на кухне тихонько посижу!

- Не будет он венчаться, не жди! - отмахнулась она и поставила чайник на газ.

Я прекрасно понимала, что сестре хочется насладиться триумфом своего безбожия, услышать из уст сына «нет». Бедный мой крестник, так горячо веровавший в детстве и мало-помалу растерявший эту веру в атеистической семье... Через месяц была назначена Пашина свадьба, невеста мне очень нравилась. И вроде молодая очень хотела именно венчаться, но вопрос повис в воздухе: не видел Паша, будущий глава семьи, в этом особого смысла. Главным для него было отгрохать свадьбу, чтобы «как у людей», человек на двести в престижном ресторане на набережной. Пропить и проесть за вечер столько, сколько иным семьям хватило бы на год жизни - это был «новорусский» шик... Парень он был добрый, как говорил, «для друзей старается», но деньги, замечала, начинали властвовать над ним. От купеческого размаха отговорить Пашу не удалось. Мне было горько за крестника: в этой затее таилась страшная, разъедающая душу тщеславная сила...

Полчаса до прихода племянника были для меня настолько переживательными, что вспомнились муки самых тяжелых экзаменов. Мне было важно узнать, в какую же все-таки сторону склоняется сердце Паши, не совсем ли заглохли в его душе ростки веры... Этот вопрос в отношении всех моих крестников всегда был и будет самым главным. Мученики Флор и Лавр, молитесь Бога о Павле моем!

Наконец щелкнул замок, дверь открылась, и на пороге кухни появился Паша. Первый взгляд, какой-то виноватый и потерянный, он бросил на меня.

- Здравствуй, крестничек! - кивнула я. - Жду тебя с нетерпением. И вот при всех спрашиваю: будешь ли ты венчаться или хочешь, как нехристь, жить гражданским браком?

- Венчаемся! - выдохнул Паша.

У меня аж сердце заныло: Господи, слава Тебе!

- Меня там не будет! - со злобой высказалась сестра.
- Чище воздух! - мило улыбнулась я в ответ и направилась к входной двери. - Ну, я пошла.
- Теть, подожди, я провожу, - сказал Паша и пошел за мной.
- Куда ты! Дай тетке деньги на такси, сам не ходи. - распорядилась сестра.
- Я скоро, - ответил Паша.

Мы вышли в теплую сентябрьскую ночь. Я чувствовала, как хочется Паше выговориться, он был растерян, обычная его самонадеянность притушилась.

- Ну что, друг, душа-то, оказывается, есть? - я первая начала разговор.
- Есть...
- В пятки ушла, да?
- До сих пор там сидит.
- Что хоть произошло? - осторожно спросила я, потому что он никому ничего про аварию не рассказывал.
- Не знаю...

Какое-то время мы шли молча.

- Ну ладно, не хочешь, не рассказывай, - согласилась я.
- Мы должны были убится насмерть... - сглотнул Паша. - Все, кто видел мою бедную машину - так сказали, единогласно, понимаешь? Столкнулись три машины. А мы все живы. Дед, правда, с инсультом... У меня царапина. Почему?
- И почему же? - переадресовала я вопрос к Паше.
- Ты за нас молилась, - сказал он как-то исподлобья, но уверенно.
- Было дело, - согласилась я. - А почему у отца инсульт, а у тебя только царапина?
- На мне был крест, - твердо ответил Паша. - А дед не носит.
- Садись, пять, - чмокнула я его в щеку. - Вот ведь чудо... о Флоре и Лавре. Конь только железный.
- Не понял... - удивился Паша.
- Молодой еще, жизни не знаешь, - не стала я вдаваться в подробности и как бы между прочим поинтересовалась. - Страшно было?

Мы остановились на обочине дороги.

- Сначала ничего не понял... - после паузы ответил Паша. - Но последние дни все время прокручивается... Какой-то ужас. Что делать?

- К психотерапевту! - развела я руками.
- Seriously тебя спрашиваю, - обиделся Паша.
- Если серьезно, тогда срочно на исповедь и на причастие!
- Думаешь, поможет?
- У-ве-ре-на.

В этот момент остановилась машина, водитель открыл дверцу, приглашая садиться. Я намеренно прекратила разговор: пусть Паша сам решает. Чтобы у сестры не было повода сказать: не лезь ребенку в душу. Сама-то она в этом случае ничем не смогла помочь великовозрастному своему дитяти. Ни она, ни психотерапевт, ни друзья и товарищи, ни невеста. Только Бог.

Я снова уехала на дачу. Столько в одно время случилось и намечалось в короткое время событий, и так крепко завязалось все в тугий узел, что делать какие-то прогнозы не представлялось возможным. Если бы Пашу не тряхануло в аварии и он не почувствовал бы дыхания смерти, может быть, и не согласился он начинать свою семейную жизнь с ее освящения в венчании. Да и теперь его желание можно ли назвать решительным? А отец-таки пострадал через год после веского слова архиерея. Но проснется ли в нем вера после чудесного избавления или он снова скажет: «Повезло!» В общем, отпустила я все накаленные семейные проблемы на волю Божию, переживать за них не было больше сил... Договорилась только я с отцом Онисимом, чтобы повенчал мою пару до официальной регистрации брака.

Все-таки не передумали молодые, явились на дачу накануне венчания, утром на машине моих дачных друзей поехали в церковь. Я все ждала, что они переоденутся в свадебные наряды, но ничуть не бывало. Паша под венцом стоял в джинсах и ветровке, а молодая в сером трикотажном платье. Было мне от этого не по себе, а отец Онисим таки высказался:

- О, как! Будто в придорожное кафе заскочили, а не в гости к Самому Богу. Умудри Господь!

Может, и не стоило молодых сильно винить в таком пренебрежении к таинству, потому что никто из Пашиных родственников, кроме меня, на венчании не присутствовал. Слава Богу, что перед венчанием жених с невестой исповедались и причастились. К моей вящей радости Господь судил мне вместе с матушкой отца Онисима пропеть крестнику венчание. Вот уж помолилась я, так помолилась о его семейном счастье, это была моя стихия... Пред Богом стали молодые «два одна плоть» [27], на всю вечность. И хоть был Паша в джинсах, но глубину церковного венчания на мгновение уловил:

- Теть, как в раю было. Так хорошо.
- Слава Богу! Неужели еще какое-то безумное гуляние на свадьбе нужно? Раздали бы лучше эти деньги бедным, вот радость и польза была бы...

Нахмурились молодые, даже слушать не стали. Не имели они христианского воспитания. Повенчались, как «фанатичка»-тетка подсказала: спасибо, что послушали, а дальше - своя воля владыка, не перешибешь. Только и остается молиться и на Бога надеяться, что остановит на краю пропасти.

Через неделю состоялась свадьба - с размахом, «как у людей». Тут и подвенечное платье с фатой, и костюмчик были надеты и по достоинству оценены, артисты выступали, тамада из

кожи вон лез – веселил публику. Одним словом, молодежный капустник. А когда подпили, так и вообще «скакания» и «плясания» начались, которые церковь не приветствует, если не сказать – запрещает: «Не подобает на браки ходящим скакати или плясати, но скромно вечеряти и обедати, как прилично христианам» [28]. Грустно было присутствовать мне на свадьбе, которая в миниатюре копировала образ быстро преходящего мира сего с его толчеей, грохотом, надуманными проблемами и образом жизни от настырного гламура. Найдется ли среди этого бесконечного круговращения место для вечности? Сможет ли Господь, стучащий в сердце, быть услышан? Не подобна ли жизнь без Бога нарисованному солнцу, которое и не светит, и не греет? Были и у меня когда-то, когда я еще не знала Бога, какие-то иллюзии относительно того, что счастье – такая птица, которую можно поймать и посадить в клетку, и будет оно тебя бесконечно убаживать и веселить, когда только пожелаешь. Но с годами приняла и я евангельскую истину, что счастье – это ничто иное, как Царство Божие, поселившееся внутри тебя. Но только оно, это Царство Небесное, «силою беретя, и употребляющие усилие восхищают его» [29]. *Потрудиться надо: терпеть находящие скорби и болезни, молиться, жить по заповедям.*

Больше всех удивил на свадьбе отец: после реанимации он не пролежал в больнице и двух недель, ушел под подписку, чтобы появиться на свадьбе у внука. Он сидел за свадебным столом, улыбался, шутил, как всегда, и мало кто замечал, какую немощь своего изношенного организма он ежеминутно преодолевал. Через пару часов его незаметно увезли домой. Кремень был отец. Если бы он явил веру хотя бы с горчичное зерно – вот был бы христианин... Но не нашлось веры в его душе, и Господь стал смирять и испытывать его уже к смерти. Авария сильно подорвала его здоровье, и последующие несколько лет ему пришлось жить с непрекращающимися болями. Как все атеисты заслугу своего терпения приписывал он только себе, хотя помогали терпеть молитвы верующих родственников и милосердие Владыки мира. И когда по-человечески терпеть стало невозможно, Господь забрал отца. До последнего часа он не хотел смириться пред Богом, не просил у Него милости, так и умер без церковного покаяния. И одно только утешает меня: вдруг в самую последнюю секунду отец сказал: «Господи, прости. Иду к тебе!» и обрел жизнь вечную. Часто молюсь о нем мученикам Флору и Лавру, чтобы умолили Бога простить родителю все его прегрешения вольные и невольные – ведь однажды святые братья спасли его от смерти.

Наизусть помню им тропарь и часто повторяю:

Преудобренную и богومудрую двоицу пресветлую восхвалим, вернии, по достоянию, Флора преблаженнаго и Лавра всечестнаго, иже усердно Троицу несозданную ясно проповедаете всем, темже пострадаете до крове, и венцы пресветлыми увязостесь, молитесь Христу Богу, да спасет души наша.

Имидж ничто, жажда всё!

После свадьбы мой племянник Паша стал как-то все больше от меня отдаляться. Понятно, что началась семейная жизнь, родился ребенок, на работе он быстро поднимался по карьерной лестнице, появились деньги и большая свобода с ними и связанная. Вместе с тем начал он раздуваться от растущего самомнения, мол, вот, какой я умный и успешный без «твоего Бога». Говорил Паша теперь со всеми как-то свысока или с некоей таинственностью посвященного, постоянно куда-то торопился. Однажды после того, как он отменил со мной встречу из-за «срочного заседания», буквально через десять минут выйдя на улицу, я случайно увидела его спокойно прогуливающимся по главной улице с приятелем: они ели мороженое и глазели на витрины. В его теперь нечастых разговорах со мной стали проскакивать фразы совсем уж непочтительные:

вернуться

27

Быт. 2:24.

вернуться

28

53-е правило Лаодикийского Собора.

вернуться

29

Мф.11:12.

- Вот пишешь ты, тетя, двадцать лет свои книги, а так ничего про жизнь не поняла и ничего не добилась: ни славы, ни денег. Зачем других учишь...

В душе Паши происходило именно то, о чем предостерегали святые отцы: «Началом гордыни бывает обычно презрение. Тот, кто презирает и считает за ничто других – одних считает бедными, других людьми низкого происхождения, третьих невеждами, вследствие такого презрения доходит до того, что почитает себя одного мудрым, благоразумным, богатым, благородным и сильным» [30].

Тут, конечно, не последнюю роль сыграла мощная реклама СМИ, в том или ином виде вдалбливающая в сознание: «Имидж ничто, жажда всё!» Жажда денег и развлечений сделалась для многих из Пашиного поколения главной страстью, которая мощно подпитывает тщеславие и гордыню наших умных парней. Имидж хоть и «ничто», но уже сделался понятием, которое для многих заменило живую душу. Паша решил нацепить на себя имидж «делового человека».

- Нашел деньги для поддержания приличного имиджа, – однажды признался он.

- В Куршавель, что ли, едешь? – подколола я.

- Пока нет, но, надеюсь, не за горами... – серьезно ответил он. – Лыжи классные купили.

- «Сделать себе имидж», знаешь, по-простому переводится «вообразить себя». Другими словами, надеть какую-то маску. Например, как ты, делового человека: под ней ты прячешь себя настоящего. Ты стал другим, нехорошим...

- Я надеваю, как ты выражаешься, эту маску, чтобы ко мне соответственно относились. С уважением. А не по-плебейски...

- Ну да, имидж позволяет получить желаемое отношение со стороны нужных людей, – согласилась я. – Обычный обман: ты показываешь себя тем, кем в действительности не являешься. Представляю: встречаются два человека, думая, что они люди, а они просто два

имиджа. И оба друг другу только кажутся. За душой-то у них уже ничего нет. А если оба плохие актеры, тогда тоска зеленая. Мне вот сейчас с тобой так тоскливо. Ты перестал быть самим собой. Понимаешь?

- Это тебе все кажется! - огрызнулся Паша.

- Работа над имиджем заменяет человеку работу над собой. Вместо того чтобы заглянуть в себя, найти то, с чем нельзя мириться, и шаг за шагом изживать это в себе, человек начинает делать вид, что он уже такой, каким бы ему хотелось себя видеть.

- Ну и что здесь плохого, если пытается стать хорошим? Я же не бандитский имидж делаю.

- Что плохого? - усмехнулась я. - Для начала, этот самый имидж в большинстве случаев не создается, а копируется. Существует масса ходячих образов, как правило, из фильмов или книг. В соответствии с духом времени мода на одни образы сменяется модой на другие. Эта мода делает людей похожими друг на друга, а неповторимый образ Божий в человеке заталкивается куда подальше, а потом и совсем утрачивается. Неужели ты не понимаешь этого? Следуя своему имиджу, человек из кожи вон лезет, чтобы казаться окружающим придуманным персонажем. Например, добрым, справедливым, и даже верующим. И так заигрывается, что начинает свято верить: если в глазах окружающих он добр и справедлив, то он действительно добрый и справедливый. Самое ужасное, что человек теряет нравственные ориентиры, перестает понимать, что такое настоящая доброта... Он добренький только там, где это выгодно, а в остальных случаях становится просто монстром.

- Сложно как-то у тебя все! - перебил Паша, демонстративно глядя по сторонам родительской кухни, где мы сидели. - Зачем деду с бабушкой такая большая квартира... Могли бы переехать в нашу.

- Паша, все очень просто, - вернулась я к теме. - Раньше ты прекрасно понимал меня. Мне грустно, что ты сделался сам с усам и Бог тебе только помеха.

- Я же венчался.

- Ну и что ж, что венчался, - воскликнула я. - Вера-то твоя ныне какова? Имиджевая? Типа, ты верующий, и крест вот на шее болтается... Но не удивлюсь, если снимешь. Когда в последний раз в церкви был? Молишься? Исповедуешься, причащаешься? Давай, давай, Куршавель тебя ждет. Про Прохорова слышал? Главный плейбой Куршавеля, но без зазрения совести метил в президенты великой России, имидж такой у него... Че-та там реформировать собирался, без Бога. Как в семнадцатом году. Истории, наверно, не читал. Но крутой. Прекрасный пример молодежи подает. Бери! Но тогда святых выноси!

- Что ты прицепилась к этому имиджу? Имидж ничто, - сказал Паша и вскинул руку, деловито посмотрел на часы. - Все, надо бежать!

- Имидж ничто, - подтвердила я, понимая, что время разговора разменяло последнюю минуту. - Это поведенческая оболочка человека, но она-то и становится определяющей. У имиджа нет совести и отсутствует вера. Как трюк сочинения грешного человека, он схематичен и прост. Но он имеет тенденцию стать навсегда приросшей маской, которая скует твою живую душу так, что она и пикнуть не посмеет. Глубина души неопишима никакими схемами, потому что человек создан по образу и подобию Божию, а ты желаешь быть манекеном. Глупо!

- Я ведь могу и обидеться, - вспылил он.

- Да на здоровье! На обиженных воду возят. Ты, Пашечка, уже начал играть в эту ролевую игру не по детски, и не видишь, в чем подвох. Ты мельчаешь. И врешь так же мелко!

- Когда я тебе врал?

- Например, три дня назад, когда убежал, сказав, что у тебя срочное совещание, - ответила я.

- Отменили, - поднялся он и пошел к двери.

- На твоей совести, - ответила я и пошла за ним. - «Какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит» [31]. Слетит твоя маска, когда Бог прижмет. Был тебе уже от Него звонок. Не забывай об аварии, в которой, как ты сам говорил, выжил благодаря молитвам.

- Я уже слышал, - с наглостью ответил Паша и открыл дверь. - Смотри, какой классный портфель жена мне купила.

- Для Куршавеля? - рассмеялась я от неожиданности.

- Пока, тетя! - усмехнулся глава молодого семейства. - Твои проповеди мне надоели.

- А перекрестить? - спросила я, его крестная.

Обычно Паша всегда соблюдал этот ритуал: «Перекрести, тетя!»

Но в тот раз он раздраженно отмахнулся:

- Потом! Мы же еще увидимся.

Я отправилась на дачу в Березов, и за все лето Паша ни разу туда не приехал. Ему стало неинтересно со мной, потому что Бог уходил из его души. Те наши беседы на религиозные темы, которые раньше могли продолжаться часами, теперь его раздражали. От этого мне было очень беспокойно. И горько, потому что Паша и его сестра Тата, тоже моя крестница, явились в этот мир духовно одаренными детьми...

Они с младенчества сразу полюбили меня. Я еще ничего для них доброго не сделала, а они - за просто так - полюбили свою московскую тетку. Знаю по опыту, что чистые детские души сами влекутся к людям искренне верующим, и если те умеют разговаривать с детьми - сколько можно добрых чувств в детях воспитать, сколько истинных понятий заложить. Когда племянники научились писать, часто присылали мне в Москву незатейливые сочинения о своей детской жизни. В конце письма обязательно была приписка: «Тетя, приезжай побыстрее. Не покупай подарков, если у тебя нет денег. Лучше приезжай».

Лето мы все вместе проводили на даче в Березове. Паша в шесть лет даже хотел жениться на мне, объясняя всем, что тетя - его самый любимый человек. Когда Тата вышла из младенческого возраста, стала ревновать ко мне брата, не позволяла нам долго сидеть или разговаривать наедине. Всегда находила и пристраивалась к нашей компании. Они никуда не отпускали меня, обязательно бежали вслед. Мы так и ходили - на речку ли, по улице, в лес: Паша тянул меня за одну руку, Тата за другую. Вместо сказок я рассказывала им адаптированные к их возрасту жития святых. Очень любили они слушать про льва преподобного Герасима Иорданского, про него они могли слушать хоть каждый день.

Жил святой Герасим в V веке. Родился он в Ликийи, в нынешней Турции, в местности, откуда

был и святитель Николай Чудотворец. Он был из богатой семьи, но оставил семейное богатство и мирские дела и стал монахом. Сначала Герасим жил в пустыне Египта, а потом ушел в Палестину для поклонения святым местам, да так там и остался: жил отшельником в пустыне, недалеко от впадения Иордана в Мертвое море. Здесь же он основал свой монастырь, став его настоятелем. Сам преподобный Герасим стал таким аскетом, что в течение всего Великого поста обходился без пищи, только по воскресным дням принимая причастие.

вернуться

30

Святитель Василий Великий.

вернуться

31

Мф. 16:26.

Однажды недалеко от монастыря Герасим встретил льва с больной лапой, в которую вонзилась заноза. Старец, не страшась дикого зверя, вынул занозу, очистил рану от гноя и перевязал. Одним словом, вылечил. Лев в благодарность остался жить со старцем, питаясь вместе с ним хлебом и овощами. Герасим назвал его Иорданом. У монахов был единственный осел, на котором возили воду, и лев пас его около реки. Животные носили воду из Иордана, помогали в работе и охраняли жилье отшельников. Все это служило райским примером: так звери подчинялись человеку в раю. Однажды лев, наверное, уснул и проходившие с караваном купцы из Аравии увели осла. Старец решил, что лев осла съел. Целый год лев один выполнял все работы и нес тяжкий груз недоверия своего господина. Когда караван возвращался обратно, лев узнал осла и, схватив за узду, привел в обитель. Лев прожил со старцем пять лет. Когда преподобный Герасим скончался, зверь умер от тоски на его могиле.

Этот знаменитый лев спустя пятнадцать веков продолжил свою миссионерскую работу в моем семействе. Маленьким племянникам казалось совершенно невероятным, что страшный и кровожадный пустынный лев не разорвал старца, а служил ему, а потом тосковал о своем умершем хозяине так, что сама жизнь была ему не нужна. Как могла, я объясняла им почему: старец до такой степени очистил свою душу от страстей, что Бог вернул ему понимание сути вещей, как было у безгрешного Адама в раю. Благодатное знание самой сути вещей позволяло первому человеку давать имена животным и понимать их язык. Так и преподобный Герасим мог понимать зверей. Эта богословская тема, как ни странно, не казалась детям сложной. Какие чудесные разговоры мы вели...

Дети в ту пору еще не были крещены. На примере преподобного Герасима мне удалось объяснить, что перед тем, как начать становиться святым, непременно надо принять крещение. Это необходимое условие. И поскольку племянники тоже мечтали встретить где-нибудь льва и сделать его своим другом, то они решили, что им одна дорога – становиться святыми, а для начала креститься. Их чистая душа вполне была согласна с евангельским советом: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» [32]. Они стали просить мать, мою сестру, чтобы она отвела их в церковь и покрестила. Та – ни в какую. Дети просили объяснить, почему мама не хочет их крестить.

- Потому что! - ответила она. - Бога нет!
- А тетя говорит, что есть! - возражал Паша.
- Пусть покажет!
- А вот у святого Герасима был лев... - пыталась объяснить Таня.
- Это все сказки! - отрезала сестра и категорически закрыла тему.

Когда Паше исполнилось одиннадцать, Татке восемь, их, наконец, отпустили одних в Москву. Дети уже написали мне, что в Москве первым делом хотят креститься, потом погулять по Красной площади, сходить в кино и в палеонтологический музей, чтобы увидеть «настоящих динозавров». Радости моей не было конца. Но когда я встретила их на вокзале, первое, что они сказали мне:

- Теть, если ты нас покрестишь, мама сказала, что она больше никогда нас к тебе не пустит.

Я не ожидала, что у сестры духовная болезнь так запущена: торг, понятно, здесь был совершенно неуместен. Печально добрались мы до дома. Я все время молила Бога подсказать, что делать? И поняла...

Вечером уютненько расселись мы на диване, и стала я рассказывать моим горящим детской верой племянникам о том, для чего надо обязательно креститься. Во-первых, Бог даст ангела-хранителя. Во-вторых, крещение - это не обряд, а таинство, при котором человеку дается благодать Святого Духа, и именно эта благодать помогает ему возрастать духовно, укрепляться в любви к Богу и ближним. Принимая святое крещение, человек становится полноправным членом Церкви и может участвовать в других таинствах - причастии, исповеди, венчании. Дети внимательно слушали и соглашались.

- А мама сказала, что это сейчас мода такая! Да? - задал единственный вопрос Паша.
- Нет, - ответила я. - Крещение не дань моде. Крещение - духовное рождение человека для таинственной жизни с Богом.
- Это что же, второе рождение? - удивилась восьмилетняя Тата.
- Именно, - с радостью согласилась я. - Мама вас родила, чтобы вы жили на земле, а когда человек крестится, он рождается для жизни вечной. Чтобы уже никогда не умирать и на Небе быть всегда с Богом. Поняли? - я не могла не рассмеяться, увидев их одухотворенные, серьезные лица. - Хотите жить вечно?
- Да-а-а-а! - хором ответили мои дорогие дети.
- Но нас тогда к тебе больше не пустят, - вздохнул Паша.
- Ну что ж! Надо немного и пострадать. На даче мы же все равно будем встречаться! - улыбнулась я.
- Ур-р-р-р-а!
- А может, нам не говорить маме, что мы покрестились? - спросила Тата.
- Почему не говорить... - ответила я. - Вы же не будете стесняться, что дружите с Богом? Пусть

стесняются те, кто с Ним не дружит.

- Точно! - подтвердил Паша.

Но Тата находилась еще в каких-то сомнениях. И я сказала:

- Таточка... дело в том, что до семи лет детей крестят по воле родителей. Захотели родители - покрестили младенца, не захотели - не покрестили, их воля. Но с семи лет младенец становится отроком, для него даже исповедь становится обязательной. Церковь так постановила, что с семи лет человек должен отвечать за свои поступки; в том числе и за то, хочет ли он сознательно, а не по воле родителей креститься. Верующий ребенок может сам решить, креститься ему или нет. Вы же верующие дети?

- Конечно! - воскликнула Тата. - Значит, я могу креститься без разрешения мамы?

- И ты, и Паша. Это ваш сознательный выбор.

- Ур-а-а-а! - был их общий вопль.

На следующее утро мы пошли в храм, и мои племянники приняли крещение. Наверное, это был один из самых счастливых дней в моей жизни: умирать буду - вспомню его.

После крещения мы поехали на Красную площадь. Восторгам детей не было конца: они видели то, про что только читали: лобное место, храм Василия Блаженного, памятник Минину и Пожарскому. Просторное здание ГУМа и мороженое в стаканчиках тоже поразили воображение провинциальных детей. Рассказ про Василия Блаженного заставил забыть даже про мороженое. Его жизнь изобиловала чудесами почти сказочными: зимой и летом ходил он босой и почти нагой по улицам Москвы. Странны были порой его поступки: то опрокинет лоток с калачами, то прольет кувшин с квасом, а потом обнаруживалось, что калачи были плохо испечены, квас негодный. Люди любили его и признавали в нем человека Божия. Он помогал бедным, всегда обличал неправду, предупреждал тех, кому грозила опасность... Не раз грозный царь Иван выслушивал укоры блаженного Василия, но не решался наказать юродивого. Похоронили Василия блаженного недалеко от Кремля. Гроб несли царь и бояре.

- Какая ты, тетя, счастливая... - вздохнул Паша. - Захотела и приехала на Красную площадь, не то что мы... Теперь нас сюда и не пустят...

- А в Кремль вы хотите попасть? - отвлекла я детей от грустных мыслей.

Кто же не хочет попасть в Кремль! И пошли мы, взявшись за руки, сквозь Александровский сад к Кутафьей башне, за которой издалека виднелась самая высокая башня - Троицкая. Каково же было наше разочарование, когда, дойдя до Кутафьей, мы увидели милиционеров, пропускавших на территорию Кремля строго по каким-то билетам. Но никто не мог объяснить, где эти билеты брать. Тата чуть не плакала, Паша по-мужски ее успокаивал, мол, все равно уже устали, ноги болят...

Мы остановились недалеко от железных заграждений.

- А вот что вам скажу! - весело воскликнула я. - Мы обязательно войдем как-нибудь. Даже знаю как...

- На ковре-самолете, что ли? - усмехнулся Паша.

- Нет, на крыльях молитвы! - ответила я. - Не верите?

- А что, у молитвы есть крылья? - засмеялась Тата.

- Вот проверим сейчас, - загадочно произнесла я. - Действуем так. Вы ведь сегодня крестились? Значит, грехи вам все простились, вы сегодня просто святые дети, пока не успели сильно нагрешить. А святых Бог слушает самых первых. И потом, у вас же теперь есть ангелы-хранители. Они тоже молятся о вас. Еще кто у вас в друзьях? Герасим Иорданский, Василий Блаженный, Илья Муромец, Сергей Радонежский! Вот и молитесь им всем, чтобы помогли пройти в Кремль.

вернуться

32

Мф. 5:48.

- Точно! - воскликнул Паша.

- Прямо здесь? - уточнила Тата.

- Прямо здесь и сейчас, - подтвердила я.

Дети сосредоточились: Тата зашевелила губами, Паша прикрыл глаза - не иначе огненный столб молитвы вознесся на небо.

Я не знала, что должно было произойти, и молилась только о том, чтобы вера детей не была посрамлена. Чудо должно было произойти - ради чистой веры этих детей.

Минут через пять из Кремля по Троицкому мосту к Кутафьей башне вышел хорошо одетый мужчина средних лет и из-за железных заграждений крикнул:

- Кому билеты? Есть лишние... - и потряс зеленоватыми бумажками над головой.

Паша подлетел к мужчине первым и выхватил их из его рук. Билетов было только два. Стоявшие около заграждений такие же, как мы, необилеченные туристы вдруг очнулись и кинулись к мужчине. Я успела подойти к благодетелю и спросить, сколько мы ему должны. Он улыбнулся, весело отмахнулся и пошел назад, к воротам Троицкой башни Кремля. Слезы брызнули из моих глаз: это было чудо!

- Тетечка, не плачь... - стала трясти меня за руку Тата.

- Не плачь, я переживу, - сказал Паша и совершил первый после крещения подвиг настоящей любви. - А вы идите! Я вас здесь, у милиционеров подожду...

Но тут один из них, видевший всю сцену, поманил нас пальцем и пропустил на два билета всех троих.

Я успокоилась только у Дворца Съездов. Вытерла слезы и стала рассказывать... Дети мои ходили по Кремлю, не зная усталости, заглядывали в разные укромные уголки, о чем-то возбужденно переговаривались меж собой. Красота кремлевских храмов удивила их: останавливались около каждого как вкопанные и долго стояли с задранными вверх головами,

рассматривая какие-то детали. Они требовали новых и новых рассказов про колокольню Ивана Великого, про Царь-колокол и Царь-пушку, про царей... и последнюю революцию – «Великую Октябрьскую социалистическую». Я все время поправляла: не «революция», как их учили в школе, а «государственный переворот».

- Жалко только, что внутрь церкви не попали... - вздохнул Паша. - Почему в церковь надо по билетам ходить?

- Ну, это теперь музеи, - ответила я и полезла в карман за носовым платком.

Вместе с платком захватила я и наши билеты. Они выскочили из рук и упали на брусчатку. Паша поднял, повертел в руках и вдруг крикнул:

- Нашел! Здесь же написано, что билет «дает право входа» во все кремлевские соборы!

- Вот это да! - обрадовалась я. - Не забудьте перед входом перекреститься.

Накладывали на себя крестное знамение мои дети истово, так, как подобает, и с удовольствием. А меня вдруг посетила печальная мысль, надолго ли сохранится в них эта усердность, настоящесть, ревность в их атеистической семье? Господи, спаси и сохрани.

Сначала мы зашли в Архангельский собор, приложились к мощам святого отрока царевича Димитрия Угличского, последнего из рода Рюриковичей. О невинно убиенном младшем сыне Ивана Грозного мои дети тоже знали и были в восторге от того, что «попали в настоящую историю».

- Его хоть и убил Иван Грозный, но ведь он жив у Бога! - не по-детски богословствовал Паша. - Ведь жив?

- Конечно, жив! - без сомнения подтвердила Тата. - Вот дотронься до его гроба и считай, что до Неба дотронулся, где он теперь живет. Да, тетя?

Я не верила своим ушам: откуда у них это духовное знание?

- Про Небо думаете правильно, - серьезно ответила я. - Только царевича Димитрия убил не Иван Грозный, некоторые считают, что произошло это по наказу Бориса Годунова.

- Да... Тяжела ты шапка Мономаха, - сочувственно вздохнул Паша.

Великую благодать получили мои крестники сегодня, и душа стала способной Божии глаголы слышать. И опять промелькнула испуганная мысль: надолго ли? Господи, спаси и сохрани от всякого зла!

Когда мы вышли из Архангельского собора, Паша через площадь побежал к Благовещенскому. За ним, прихрамывая, но стараясь не отстать, Тата, я заковыляла на своих уставших ногах. Тата догнала Пашу и стала показывать на купола:

- Подожди, надо посчитать... Какой красивый храмчик, как терем!

Мы остановились и дети стали считать, но не смогли: снизу не все купола были видны. Я умилялась и радовалась, что мои племянники чувствовали себя здесь, в сердце русской святыни - в Кремле среди церквей, словно в родной стихии... Восемьсот лет назад Москва зародилась на месте Кремля и выросла вокруг него, как выросла вокруг Москвы Россия.

И вот, наконец, мы вошли внутрь невеликого пространства Благовещенского собора. Я думала, что детям здесь не понравится, потому что он казался без освещения мрачноватым, что не оценят они древней русской старины. Но, наблюдая за ними, видела, что они с интересом рассматривали и иконостас, и росписи, покрывавшие все стены, поразил их каменный пол затейливого рисунка, будто составленный из кусочков полудрагоценной яшмы... В росписях храма нашли мы «портреты» московских князей, царей и византийских императоров, а в настенной росписи на паперти – изображения древнегреческих языческих мудрецов, живших до Рождества Христова: Аристотеля, Плутарха, Платона, Сократа со свитками в руках, на которых были написаны философские изречения, близкие к истинам христианского учения.

В общем, дети еще были полны сил, а я совершенно сдулась за пятичасовую прогулку. Пришлось даже поторапливать моих паломничков к выходу. И опять они пристали ко мне с расспросами. Успела еще по дороге к выходу рассказать о том, что Благовещенский собор был домовою церковью московских правителей. Здесь они крестились, исповедовались и причащались. Белоснежный храм с девятью куполами был расписан Феофаном Греком, преподобным Андреем Рублевым и Прохором с Городца. С именами знаменитых наших древних иконописцев крестники мои столкнулись впервые и потребовали показать им дома альбомы икон. Когда мы сели в такси, Паша вдруг сказал:

- Теть! Ну я не понимаю... Если они Бога не любили, зачем они такую красоту уничтожали?

- Кто? - не поняла я.

- Ну эти... большевики.

- Дурак ты, Пашка! - воскликнула Тата. - Бога не любили, вот Его дома и уничтожали. Правильно, теть?

- Какие вы у меня умненькие, - я сгребла их обоих в охапку на заднем сиденье. - Только не обзывайся, Тата...

Эту поездку в Москву мои крестники с радостью вспоминали на протяжении последующих десяти лет, она была им словно путеводная звезда юности.

Их мать, моя сестра, выполнила обещание и больше не отпускала их ко мне в Москву. Наши встречи и душевные беседы продолжались летом на родительской даче в Березове. Более всего из-за них я напрягалась из последних душевных сил, стараясь писать свои книги так, чтобы к лету быть свободной для общения с ними. Но и награда за эти усилия стоила того. Подростающие Паша и Тата вполне трезво глядели на жизнь и старались в свою меру жить по заповедям Божиим. Они радовали меня своими успехами в учебе, добрым отношением к людям, любовью к чтению, проявляющимися творческими способностями. Они никогда не бездельничали. Паша сам научился играть на гитаре, Тата была заводилой на КВНах. Когда они не понимали, как правильно поступить, спрашивали не у матери, у меня...

Сестра ревновала, что дети так привязаны ко мне, и мало-помалу, но последовательно стала вбивать клин в нашу дружбу. То на дачу их не отпустит, то ненужное дело придумает, чтобы я «не забивала им головы своим Богом», то поганое слово про веру скажет. Более всего навредила она нашим добросердечным отношениям тем, что старалась сама и приучала сына и дочку жить так, будто меня не существует. Не радоваться моим писательским успехам, не доверять моим словам. Не рваться к общению со мной - «неизвестно вообще, что она там за птица в этой Москве, фанатичка какая-то...»

Вода камень точит. Сначала мои племянники стали редко появляться на нашей даче в

Березове. Понятно: молодо-зелено, появились всякие разные интересы, но именно в юности необходимо предостеречь от необдуманных поступков. Я старалась почаще приезжать в город, где жили мои родители и племянники. Искала с ними встречи, расспрашивала о делах. Татка, окончив школу, возмечтала после своих КВНов о себе, что она – артистка, и решила поступать на актерский. Но я-то видела артистов и знала изнутри их жизнь. Чтобы стать хорошим и известным артистом, а не прозябать в провинциальном театре под властью какого-нибудь не очень умного режиссера, надо иметь талантище и волю. Этого у Татки не было. Сколько сил стоило мне отговорить ее от безумной мечты... Все наше семейство шипело, зачем «перечеркиваю будущее» девочки, я же, не обращая внимания на возводимые напраслины, на даче, забыв о своих любимых грибах и ягодах, ходила в лес, чтобы молиться: читала акафисты, стояла на коленях перед какой-нибудь елкой и упрашивала Владыку мира управлять жизненный путь моей крестницы... И Он управил: накануне экзаменов в театральный Тата объявила, что ей больше не хочется быть артисткой. Документы успели перебросить в педагогический, и она с легкостью одолела вступительные экзамены: у Таты действительно был талант общения с детьми.

Паша, окончив математическую школу – ту же, что и я, поступил на престижный радиофак университета, где культивировалась некая избранность поступивших туда. Преподавали на радиофаке и известные ученые. Некоторые студенты, глядя на них, но не принимая в расчет тернистости пути к вершинам науки, с первых курсов видели себя уже чуть не Эйнштейнами. На радиофаке, конечно, изучались серьезные предметы... Но и для любого факультета важны способности, которые даются исключительно от Бога, Подателя всех благ. И жизненная задача человека состоит в том, чтобы приумножить свои таланты, а не гордиться, что ты умнее других. Вот этой важной вещи никто студентам как раз и не преподавал.

На моих глазах несомненная духовная одаренность моих крестников выветривалась из их душ, они черствели и как-то мельчали в своих поступках и эгоистических предпочтениях. Сам Христос сказал: «Кто не собирает со Мною, тот расточает» [33]. Господь судил мне не однажды побывать во Святой Земле, много раз молилась я о вразумлении крестников на Гробе Господнем в Храме Воскресения в Иерусалиме. Пришлось паломничать и в тот монастырь у берега Иордана, который основал преподобный Герасим. Когда я рассказывала маленьким племянникам о лье старца Герасима, то и не подозревала, что он существует доньше вот уже полтора тысячелетия. Так хотелось рассказать им, повзрослевшим, сколько интересного узнала я на земле, по которой ходил и преподобный Герасим, и его лев, и бедный осел. Но теперь племянникам это было совсем не интересно, мои давние рассказы казались им, наверное, детскими сказками...

К удовольствию своей матери Тата и Паша больше не стремились в церковь как раньше. Да что там не стремились – почти забыли о ней, как о милом детском увлечении. Родные крестники больше не слушали моих советов, если я старалась вразумить, узнав, что где-то они поступили или хотят поступить не по-христиански. Мои советы их раздражали теперь. Наконец, Тата сказала прямо в лицо:

– Теть, не лезь в мою жизнь. Сама знаю, как надо...

– Помоги Бог, – только и могла ответить я с большой грустью.

После этого и начались в нашем семействе разного рода несчастья. Бог посылал жесткие предупреждения, чтобы мои крестные дети опомнились, не до конца забыли своего Творца. По этой, видимо, причине случилась 31 августа авария, в которой чудом не погибли Паша и отец. Но если и внимали этим Божиим вразумлениям участники событий, то ненадолго и несерьезно...

Тата вышла замуж, но венчаться с мужем отказалась, да, собственно, и не имело смысла: мужа она себе выбрала неверующего. Своих первенцев молодые пары крестили, но меня племянники даже не уведомили об этом важном событии, узнала об этом от других. Проглотив обиду, я все время пыталась найти оправдание неродственному ко мне отношению, радовалась, что крестники все-таки завели нормальные семьи, воспитывают детишек. Надежда, что не так все плохо с их душами, не оставляла меня...

Пока не случилось событие, что называется, из ряда вон, произошедшее после смерти отца. Авария сделала отца полулежачим инвалидом, сократив его годы жизни. В наш березовский дом на все лето теперь приезжала только я, остальные члены семьи – очень редко и наездами. Дом уже не имел того ухоженного и солидного вида, какой был при отце: скважина забилась, нечем было поливать цветы и кой-какой теплившийся еще огород, территория зарастала деревьями, некогда знаменитая на всю деревню теплица совсем обветшала, обвалились крыша и стены кирпичного гаража, через который входили внутрь дома. По мере сил занималась ремонтом и благоустройством теперь одна я. Но я любила дом, в котором провела много летних отпусков, и надеялась, что когда чуть подрастут четверо младенцев Таты и Паши, наша семья снова соберется в огромном доме, стоящем на тридцати сотках. Каждому будет, чем заняться...

Мечтала я мечтала, но однажды приехала на дачу сестра с новым мужем и тон их разговора мне сразу очень не понравился. Я рассказала, что, несмотря на отсутствие воды и жаркое лето, сделала пару новых грядок сортовой клубники – детей ведь прибавляется.

- А тебе кто-то разрешил здесь грядки разбивать? – нагло, в упор спросил мужчина, которого я видела в жизни второй раз.

- А ты, собственно, кто? – парировала я.

- Он, собственно, мой муж, – в тон ему ответила сестра.

- Совет да любовь! – пожелала я. – Но пока штампа в паспорте не видела и на свадьбе не гуляла...

- Без штампа обойдемся. И вообще с тобой жить невозможно.

- Со мной? – обалдела я.

- Да, с тобой! Твои проповеди всех достали, ты все время какие-то скандалы затеваешь! – металлическим голосом сказала сестра.

- Я – скандалы?

- Ты вообще-то не замечаешь, каким тоном ты со всеми разговариваешь? – стала выговаривать она мне, как напавшей школьнице. – Мы приезжаем отдохнуть, а тебе все время то это не так, то другое...

- Ты, случаем, не заболела? – попыталась я прекратить поток ее сознания. – А гараж когда чинить будем? Некрасиво со стороны выглядит, да и ворами ничего не стоит досочки перепилить...

- Значит, так, – наконец открылась вся тайна. – Эта дача теперь принадлежит Паше. И ты приехала сюда последний раз. Ясно?

- Это что, теперь так шутят?

- Слушай внимательно, - грубо сказал муж. - Хозяин этой дачи Паша, и он не хочет, чтобы ты приезжала сюда, когда его семья будет здесь отдыхать.

- Вообще-то это моя вместе с младшей сестрой наследная дача. При чем здесь Паша?

- При том, что бабушка дала на нее дарственную Паше, - разъяснила сестра. - Дед всегда говорил, что дача достанется Паше, как главе нашей семьи.

- Вранье... - сказала я бессильным голосом. - Мать еще вроде не умерла, чтобы искать нового главу и делить наследство... И отец никогда при мне такого не говорил.

- А при мне сказал, - с торжеством глядя мне в глаза, ответила сестра и достала из сумки гербовую бумагу, где черным по белому было прописано, что Паша, мой племянник и крестник, теперь действительно хозяин березовской общей дачи.

Мне сделалось так плохо, что казалось умру. Но я еще спросила:

- А почему вы меня-то не предупредили, что такое задумали?

- С чего ты взяла, что мы должны тебе что-то говорить? - сказал сожитель сестры.

- Действительно, никто не предупреждает, что хочет всадить нож в спину, - еле выговорила я и выбежала из кухни, на которой мы сидели.

Чтобы успокоиться, я сделала несколько кругов вокруг поселка. Потом забежала порыдать к мудрой Ольге Ивановне. Я даже молиться не могла.

- Бога не боятся, что с них взять, - грустно сказала она, услышав о неслыханном и покачала головой. - И крестник твой хорош гусь оказался. Не ожидала от него, нет... Ай-яй! Сколько ж ты в него добра вложила... Не привилось, что ли? Все ведь в поселке помнят, что твой Пашечка бегал за тобой как ниточка за иголочкой...

- Я просто... просто даже не знаю, что сказать, - опять заплакала я. - Не могу без Березова, без вас...

- Мать-то твоя на такое решилась, зачем? Чтобы сестер навек поссорить. Ай-яй! - все время приговаривала Ольга Ивановна, от растерянности.

- Видимо, у нее такой склероз, что любую бумагу подпишет. Я же не могу с ней жить. Из Москвы не наездишься. Вот они власть и взяли.

- Ай-яй... - Ольга Ивановна поначалу не знала, как меня и утешить, но потом заявила. - Это против Бога они затеяли. Не боятся Бога ни чуть-чуть, ай-яй... Давай-ка мы с тобой кагорчика тяпнем, ты совсем что-то бескровная на лицо стала. Только я порадовалась, что ты вроде запохожилась на человека после своей Москвы. А тут... ай-яй. Не надо так переживать, Наташечка, душа моя, - она быстро встала и достала из-за занавески красивую бутылку. - Мне как раз зять привез. Просила, чтобы получше купил... На Казанскую хотели ж собраться, а тут, вишь, внеочередной Первомай с демонстрацией. Слышишь: демон... Ай-яй!

Так и просидели до ночи в ее уютной избенке. Забросила Ольга Ивановна на этот случай все свои хозяйственные дела. Мы все говорили, говорили, про то, про это - в основном про Бога и его Промысел в жизни человека, если коротко... Ольга Ивановна следила, чтобы на столе не переводилась нехитрая закуска и под нее опять рассказывала свои бесчисленные истории про

жителей Березова. В перерывах я отвечала на ее «богословские вопросы». Как же с ней было хорошо!

вернуться

33

Мф. 12:30.

- Нет, вот скажи еще, ты правда веришь, что рай есть?
- Да как же ему не быть? Конечно, есть, - как всегда убежденно на эту тему ответила я.
- Какая же у тебя вера! - воскликнула она с похвалой. - Ни секунды не сомневаешься?
- Ни пол секунды!
- Ну ты-то в рай попадешь, - определила Ольга Ивановна. - Попадешь...
- Да и вы попадете, ОльгИванн... За доброту вашу.
- Не... - замотала она головой. - Я великая грешница.
- А я что - нет? И все же надеюсь исправиться, с Божией помощью, - вздохнула я. - Вот опять Бог испытывает.
- Ты столько всего знаешь. А мы что? Темные.
- Вы лично, ОльгИванн, светлые, как раз для рая...
- Ой, как хочется-то туда... - сказала Ольга Ивановна так, как другие хотят, например, купить остров или дворец. - Знаешь, если с тобою в рай, я согласна!

Как же так - чужие люди роднее своих! А ведь и об этом Христос сказал: «кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать» [34]. Этой мыслью проникнуто все новозаветное учение: духовное родство выше кровного.

- Паша свое духовное родство со мной продал за чечевичную похлебку, - сказала я вслух. - И что теперь мне делать?
- Что-что... Давай по последней рюмочке. Дай Бог ему разума, а про здоровье его теперь сказать ничего не могу!

Уговорили мы красивую бутылку, немного отлегло. Но в свой дом идти не хотелось. Я почувствовала, что намерения у моих близких родственников серьезные. Началась необъявленная война.

- Это тебе за твои книжки, - заключила Ольга Ивановна. - Думаешь, приятно дьяволам, что читают эти книжки люди и про Бога узнают? Мне б вот было б неприятно... если б я дьяволом была!

И мы с ней согласно захохотали.

- «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» [35], – процитировала я Евангелие.

- Ну, вот видишь, Господь такое и предрек, – сказала Ольга Ивановна.

- Ведь они мне родственники, самые близкие родственники...

- Ну что ж, что родственники. «Враги человеку домашние его» [36].

- Ну как же враги! Почему? – снова потекли мои слезы.

- Почему-почему? А потому что в Бога не верят, а в своих дьяволов, – жестко ответила Ольга Ивановна. – Эти дьяволы их и научают, чтоб на верующего человека насакивали.

- Да... читаем вот мы Евангелие, вроде все понятно. А как в жизни применить, поди разбери.

- Успокойся и живи как прежде. Вот когда Паша тебе сам скажет: уходи...

- Если он взял не принадлежащее ему, считай, уже высказался. Сестра всего лишь озвучила общий настрой.

- Да... – вздохнула Ольга Ивановна. – Вроде образованные, а где ж их хваленый ум? Слышали, наверно, что на чужом несчастье своего счастья не построишь... Ай-яй. Он же тебе крестник. Даже в голову не могу вложить, как решился против крестной матери пойти. А что если Бог против него двинется? Ты сильно-то не переживай, помни, что сказал тебе старец.

- Про что? – тяжело вздохнула я. – Он много чего говорил.

- Ну что все святые, о которых ты писала, – твои друзья. Говорил?

- Было дело, – вздохнула я, не понимая, к чему Ольга Ивановна клонит.

- Так вот: друзья в обиду не дают. И я тебе повторяю: приходи ко мне жить, если уж неможу совсем, как-нибудь уместимся. А чего? Три комнаты в доме.

Это истина: настоящие друзья в беде помогут. Но святые не сразу бросились мне на помощь. Они – небожители и лучше знают, что человеку полезней. По пословице, обещанного я три года ждала. А за это время на практике изучала, каково это, когда «поносят вас и гонят и всячески неправедно злословят» за Христа, да еще родственники. Не день и не два, годы... И только когда ты совсем отчаиваешься, наступает вдруг обещанное Богом «блаженство».

Родственники перестали мной интересоваться, даже о моем дне рождения забыли. В Москву доходили слухи, что в областном городе, где все они жили, среди друзей сестры распространяется новое известие, что «я окончательно стала себе на уме и совершенно невыносима в обиходе, что у меня головокружение от литуспеха, что считаю себя гением, никого поэтому не замечаю и ни с кем не считаюсь; жить со мной стало совершенно невозможно». Слухи я не опровергала – что толку, а вот следствие их я предугадывала: оправдать в глазах общественности рейдерский захват дачи. Если бы мне сказали еще год назад, что такое возможно в моем семействе сочла бы за бред. Но, к сожалению, был прав Достоевский: «...если Бога нет, то все позволено»... Непрестанно молясь о вразумлении родственников, просила я о том молиться и старца: ждала, что, если не сестра, то Паша с Татой опомнятся... Но ничуть не бывало, ситуация только накалялась.

Я все-таки приезжала на любимую березовскую дачу. Три лета там никто не жил, потому что дети племянников, мои двоюродные внуки, были еще маленькими. Дом разваливался дальше. Однажды приехал Паша, чтобы подчинить крышу: даже не поздоровавшись со мной, он вел себя так, будто меня в доме не было. Приезжала и Тата с ребенком и мужем, и они тоже вели себя со мной так, будто я загостившаяся дальняя родственница. Сердце мое разрывалось на части, я не понимала, чем заслужила такое обращение. Два-три раза за лето посещали Березово сестра с сожителем-мужем. Смысл наших «бесед» сводился единственно к устрашению: никто меня на даче терпеть не намерен. Несомненно, злобу сестры подпитывал бес. Не сестра, бес гнал меня из Березова, и она не понимала, что является злым орудием в его руках. Гнал, потому что было это единственное место, где мне удавалось восстанавливать силы, чтобы продолжать писать про новых святых, потому что летом пела я в церковном хоре у отца Онисима, потому что многие из наших березовских развернулись к Богу, стали посещать церковь, в чем была и моя посильная заслуга. Жизнь и карьера моя в Москве наладились. Только березовской дачей и оставалось лукавому шантажировать меня. Любила я летнее Березово, как никакое другое место, и не оставляла надежды, что все равно с Божией помощью родственники образумятся. И в этой надежде я тоже прошла несколько степеней: я и терпела, и молилась, и надолго переставала за них молиться, писала какие-то им письма, ненавидела их и жалела, и жаждала, чтобы Бог посильнее наказал их. Понять это было можно: после второго лета я уехала в Москву в предынфарктном состоянии. Так познавала я свою душу.

Березовские жители сочувствовали мне и очень не хотели, чтобы я уезжала насовсем. Ольга Ивановна сочувствовала, как всегда, больше всех. Но переходить к ней совсем на летнее жительство – это все-таки был не выход: во-первых, родня к ней приезжала, во-вторых, у нас это было не принято, а главное – я все-таки пыталась отстоять какую-то правду. И я скучала без родных... но им было без меня нескучно. Березовские возмущались произволом и советовали купить себе отдельный дом, потому что жить мне спокойно родственники все равно не дадут. К тому все шло, я и сама это понимала... и не принимала. Да и денег на другой дом не было, и в Березове никто не продавал, а в другом месте я не хотела – душа моя прикипела к нему.

Старец из Псково-Печерского монастыря знал о моем горе, ничего не объяснял, три года только покачивал головой, молился.

- Выдерживает вас Господь... Как хорошее вино, – наконец однажды сказал он.

- Как же трудно этому вину доходить до кондиции! – воскликнула я со слезой.

- «И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше» [37], – еще прибавил батюшка. – Вот какой у старого вина вкус будет...

Я все-таки до последнего надеялась на какое-то примирение... но Господь судил иначе.

Крепкая Ольга Ивановна, перешагнув восьмидесятилетний рубеж, за одно лето сдала и на Крестовоздвижение после двадцатидневной комы скончалась. Это была грусть так грусть...

вернуться

34

Мф. 12:50.

вернуться

35

Мф. 5:11-12.

вернуться

36

Мф. 10:36.

вернуться

37

Лк. 5:39.

Следующей весной позвонила мне ее дочь и сказала, что добротный дом Ольги Ивановны с большим участком они продают и первой сообщают об этом мне, как «своему человеку». К этому времени как раз скопилась и нужная сумма. Умилилась я тому, что и за гробом моя старушка-подружка продолжает меня любить: на Небесах не забыла и разрешала мою наболевшую проблему.

Остались мои родственники со своим имиджем, а я – с жаждой, со всегдашней жаждой Господа своего, Который сказал: «Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом.

Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» [38].

Господи, возьми меня в дар

Мне посчастливилось беседовать с матушкой игуменьей Георгией (Шукиной) в Иерусалиме в течение нескольких часов. Вероятно, многие хотели бы оказаться на моем месте. Потому что каждый раз, когда где-нибудь в России или за границей встречаешься с людьми, побывавшими во Святой земле, обязательно всплывает вопрос: «Видели матушку Георгию?» Не надо объяснять, что это – о Горненской игуменьи. И эта встреча с ней является своего рода визитной карточкой «посвященных» – с радостью затеваются рассказы о том, какая она милая, добрая, хлебосольная, смиренная, веселая, грустная, духовная, таинственная, любимица Патриарха Алексия, и прочая, прочая...

Мне удалось расспросить о ней некоторых насельниц Горнего и иерусалимских прихожан русского монастыря. Матушка Флавиана, которая знает игуменью Георгию еще по Пюхтице, рассказывала про свою настоятельницу с радостной улыбкой, с любовью, признательностью и даже гордостью – так говорят добрые дети о любимой матери; она, пожалуй, кратко подытожила то, о чем сказали все те, с кем мне пришлось беседовать при подготовке материалов о горненской игуменьи.

– В матушке Георгии поражает ее послушание, – подчеркнула м. Флавиана, – настоящее

монашеское, искреннее послушание. Потому что все монашество заключается в послушании – воле Божией, священноначалию, и любому человеку, простому и высокопоставленному. Она живет ради этого и слушается мгновенно, как надлежит монаху. Вот это меня поражает, это пример для всех. Матушка Георгия много лет подвизалась в Пюхтице и была помощницей у игуменьи Варвары. Бывало, игуменья посылала матушку Георгию по важным делам к высокопоставленным людям. И стеснительная матушка Георгия не рассуждала: могу – не могу, знаю – не знаю, она просто ехала, без возмущения, без отказов. И спокойно делала то, что нужно. И все получалось. Такие, как матушка Георгия, – редкие люди, редкие своей чистотой. Чистота у нее во всем, даже в походке, потому что она человек не испорченный ничем. Она жила с юности с Богом в Церкви и благодатное иго послушания Христовым заповедям сделалось ее радостью без примеси. Это духом чувствуешь. Перед этим человеком невольно весь собираешься и уже лишнего себе не позволишь. Матушка и в сестрах это ценила, и ценит. Именно чистоту, потому что была воспитана в ней. У нее ровное отношение ко всем – тоже от чистоты. Матушка говорила, что раньше монашечки были какие-то «мягонькие», ласковые. И правда, когда мы пришли в Пюхтицу, все эти старые монашечки обращались к нам: «Девочка, доченька, Леночка, Танечка...», и все так вот, окружали человека любовью, хранили его во всем. В них была вот эта мягкость, настоящая человечность – от чистоты.

Обдумывая, как написать о Горненской игуменнии, я поняла – не надо описывать ее жизнь, надо просто дать слово ей самой. И это тихое, кроткое слово для любящих ее станет личной беседой каждого с дорогой матушкой Георгией...

Ленинградская блокада

Родилась я в Ленинграде, в 1931 году. При крещении назвали меня Валентиной, что значит «сильная». И эта сила пригодилась с самых молодых лет. До войны прошло мое детство, которое почти не помню. Но страшное голодное время блокады врезалось в память очень хорошо. Варили в пищу все, что было сделано из кожи – подметки, пояса, сумки. Голод заставлял людей делать страшные вещи. Однажды пришла мамина подружка. На комод лежали наши продуктовые карточки, и она их взяла; осталась одна детская карточка: 125 граммов хлеба в сутки на всю семью. После этого папа скончался от голода. Он умирал, а мама настолько была слабая, что не могла даже встать к нему. Потом десять дней он лежал в прихожей, в пустой квартире. Соседи тоже все умерли, некому было вынести его.

Мы жили на первом этаже. Окна были занавешены одеялами и ковриками, потому что стекла в квартире разбились от постоянных сотрясений. Когда еще папа был жив, однажды была страшная бомбежка и в наш дом попали бомбы, солдатики их с крыши вниз сбрасывали. Мы сидели за столом, вдруг на глазах у всех рвется одеяло на окне, и к нам под стол влетает снаряд. Слава Богу, ничего не загорелось. Всем было приказано держать в квартире бачок или ведро с песком. Папа сразу схватил снаряд большими щипцами и – в ведро.

Когда мама слегла, и папа умер, Господь еще давал мне силы ходить за хлебом и продуктами по карточкам. Помню, как однажды пошла за хлебом в магазин. Мне взвесили, но я не успела взять с весов: мой хлеб выхватил какой-то мужчина. К нему подбежали другие и стали друг у друга выхватывать кусочки – завязалась настоящая война. Я пошла домой без хлеба, горько плача. А в подвальном помещении нашего дома стояли военные, которые знали, что я в магазин хожу. Увидел один, что я в слезах, поманил рукой, расспросил, что случилось. Я рассказала, как выхватили мой хлебушек, иду домой, где ни крошки нет. И этот военный, Царство ему Небесное, дал мне кусочек хлеба. Счастье еще было, что за водой я ходила к соседям, другим приходилось ходить на Неву.

Когда мама послала меня к своей сестре Матрене сказать, что папа умер, я почти целый день

шла, хотя она жила недалеко от нас, 3-4 остановки. Тетя Мотя, которая потом меня и воспитывала, одинокая была, детей не имела. Супруг ее, раб Божий Сергей, мой крестный, был моряком и погиб. Она проработала в больнице Эрисмана почти 30 лет. В блокаду ей, одинокой, как оказалось, выжить было легче. В больнице кто-то умирал, кусочек хлеба оставался... И вот когда я уже почти дошла до больницы, увидела: одна машина идет, другая, третья. Я - в стороночку, потом, как и машины, тоже за угол завернула и увидела площадь, какие-то скирды на ней сложены. Я думала, что это дрова. А оказалось - покойнички. С машин их сгружали и вот так укладывали друг на друга, на морозе долго лежали. Хоронить возможности никакой не было тогда. Когда я тете Моте про папу сказала, к нам тоже машина приехала, люди в белых халатах зашли в квартиру и на носилках вынесли всех наших покойничков. Господь помог пережить все это. А люди от голода и несчастий рассудка лишались. Вот такое было. Ни воды, ни света, ни дров, ничего. Мертвый был город.

Эвакуация

Когда пробили Дорогу жизни, по Ладожскому озеру стали вывозить блокадников - сначала на машинах, потом в поезд сажали. Я обморозилась, без сознания уже в поезде была. По пути следования все знали, что везут блокадников. Люди приходили, приносили какую-то еду, потому что очень жалели нас. И смертность еще возросла, потому что до крайней степени истощенные блокадники стали кушать, а им было нельзя столько. И вот где поезд останавливался, приходили врачи, санитары, и сразу покойников выносили. Когда доехали до Орехово-Зуево, меня и младшую сестричку Ниночку положили на одни носилки, и сдали в морг. Двух дорогих своих покойниц мама сдала, думая, что мы умерли. Ниночка действительно где-то в Орехово-Зуево в братских могилах похоронена. А со мной чудо произошло. Я или задышала, или зашевелилась, не знаю. А в морге огромное количество покойников лежало: ленинградцев - очень слабых - вывозили тысячами. Кто-то увидел, что девочка очнулась. В общем, пришла я в себя уже в больнице. Ходить не могла. Помню, что мне дали коляску, я ездила в колясочке. Из-за обморожения хотели на обеих ножках ампутировать пальчики. Но на левой как-то зажило, а на правой у меня с тех пор нет пальцев. Пролежала я 3 месяца - очень слабенькая была.

вернуться

38

Мф. 6, 31-33.

И вот однажды утром пришел главврач нашего отделения и говорит, что завтра выписывают все наше отделение - в Краснодарский край повезут, там тепло и еда есть. Мне было десять лет. Я заплакала: где мама, я к маме хочу. Про маму никто не знал, жива ли она и где живет... И вот дальше произошло удивительное чудо - почему я вижу над собой руку Божию с самых с отроческих лет. Вечером того дня вдруг пришла медсестра и принесла от мамы письмо на адрес главврача той больницы, она спрашивала, живы ли такие-то девочки, ее дочки, или нет. Обратный адрес: Краснодарский край, Кавказская. Их туда увезли, блокадников. Но адрес был неточный, непонятно, станица или станция, видимо, мама писала еще из больницы. Главврач прочел: Краснодарский край, а дальше куда? Все обрадовались, что все же мать жива и можно куда-то отправить. Утром нас, сорок человек, собрали, попрощались, посадили в вагон, меня поручили проводнице, которая, читая адрес на конверте, не могла понять, где меня высаживать. Повезли в Краснодар. На вокзале в детскую комнату сдали, ножку перевязали, накормили, уложили. Там тоже не понимали, куда мне дальше ехать; на второй день отправили

в Тихорецк. В Тихорецке та же история: не знали, куда девочку девать. Что-то узнавали, куда-то звонили. Потом опять на поезд посадили, проводнице поручили. Уже все знали, что эта маленькая худенькая блокадница, маму разыскивает. Кто-то фрукты приносил, там в это время уже фрукты созревали. И вот подошла одна женщина, которая, прочитав адрес, сказала, что именно туда едет, к родной сестре в отпуск. Проводница обрадовалась, попросила довести меня. Вышли мы из вагона – жара, май, а я в валенках, во всем зимнем. Пешочком прошлись, потом подвода какая-то нас подвезла. И пришли мы в эту Кавказскую станицу, в дом сестры моей доброй провожатой. Меня там раздели, покормили и уложили на полу, я сразу уснула... Сквозь сон слышу какой-то шум, что такое? Открываю глаза – передо мной мама. И столько было слез радости, все соседи собрались, плакали и радовались. Оказывается, что когда блокадников привезли на Кубань, в эту станицу, всех размещали по хаткам, у кого было хоть какое местечко. Мама попала к одной старушке, которая рядом жила с той женщиной, к которой ехала сестра... Какой во всем этом Промысл Божий.

Вскоре снова беда – пришли немцы, попали в оккупацию. Немцы очень старались привлечь к себе население оккупированных территорий, даже храм в станице открыли. В школу, я в третьем классе училась, помню, приходил священник, читал молитву. Немцы предлагали ехать в Германию работать и многих вывозили – сначала добровольцев, потом невольников. Уже когда наши наступали, они стали хаты поджигать, расстреливать, виселицы устроили. А мы – мама, я, двоюродная сестра Лидочка и хозяйка – спаслись, потому что десять дней просидели в погребе у той бабушки, у которой жили. Погреб был на огороде, далеко от дома, поэтому нас и не поймали. Когда наши партизаны станицу окружили – с той стороны, где немцы не ожидали, мы тогда и вышли. От немцев спаслись, но началась эпидемия сыпного тифа. Мама заболела и скончалась, ее похоронили на кладбище, за станицей. Так я осталась круглой сиротой.

Детдом

Сначала нас с Лидочкой отправили в Ивановскую область, там эвакуированная мамина сестра и подруга жили. Долго там не задержались. В начале 1944-го мы приехали на Валдай, где в деревне Ивантеевке жили бабушка и другая мамина сестра и брат, эвакуированные из Ленинграда. Шла война, ни магазинов, ни школы не было, много домов сгоревших. И тетушка Дуня, мамина сестра, тоже сказала, что не может нас двоих взять к себе, и отдала нас в Валдайский детдом. Там, слава Богу, пробыли недолго. Когда расспросили меня про оставшихся родных, я сказала, что у меня две тети, мамы сестры, живут в Ленинграде. Тогда выписали нам какие-то справки, что едем в свой город к родственникам, и отправили в Ленинград – без сопровождающих. А на станции Бологое нас с Лидочкой высадили. Начальник сказал, что завтра же отправит нас обратно, возмущаясь, что несовершеннолетним девочкам не дали сопровождающего. Мы сели на лавке и стали плакать. Тут подошла одна женщина, расспросила хорошенько, и я повторила ей, что вот мы едем к тетушке в Ленинград одни, без взрослых, нас сейчас высадили, и опять в детдом завтра отправят. И снова – какой Промысл Божий: оказалось, что сердобольная женщина тоже на улице Куйбышева живет, как моя тетя Мотя. Она в Ленинград поехала, а мы снова на Валдай, в детдом. Женщина нашла мою дорогую тетю Матрену – тетю Мотю – и рассказала про нас. Конечно, тетя Мотя переживала, сообщила о себе в детдом, тогда нам дали сопровождающего, и мы до нее все-таки доехали и стали у нее жить. Как же пострадали мы с Лидочкой. С детства Господь дал столько испытать, пережить... Но шла война, у всех было полно бед и нам это казалось нормальным... Другого детства мы не знали.

«Господи, возьми меня в дар...»

Нас, двух иждивенок, да еще в войну, надо было кормить, содержать. В столовой недалеко от Финляндского вокзала в Ленинграде у тети Моти знакомый директор был. Упросила она его

взять меня на работу - все же немножко сытней моя жизнь будет.

Мне тогда 15 лет исполнилось, несовершеннолетняя, но меня оформили. То посуду помыть, то почистить что-то скажут, принести-унести. Я шустренькая была, и работала. А от Финляндского вокзала Преображенский собор недалеко - тоже промыслительно в такое место работать устроилась. Стала я туда после работы заходить помолиться - на акафист или какую-нибудь другую службу. Только в храме находила себе утешение и поддержку, и росло во мне желание Богу служить.

А в столовой случилось испытание: меня на раздачу вдруг поставили. Директор поручил мне ему домой еду возить, я как раз мимо его дома шла с работы. А чтобы еда эта оставалась, велел мне на раздаче по 20-30 граммов не довешивать. Это был удар. Я уже понимала, что это недовес, грешно, что я обманываю кого-то. И хотя делала так - как за послушание, мне это было очень тяжело, но надо было, иначе уволил бы. Вскоре, к счастью, я ушла из столовой. Меня устроили знакомые моей тетушки в Центральный исторический архив. Тем временем мое желание уйти в монастырь становилось все больше и больше. Это был 1947-1948 год, мне 16-17 лет.

Ни бабушек, ни дедушек своих я не помню, только то, что у мамы было 7 сестер, и все были очень верующие. Они ходили в храм, и я с ними тоже. В большие праздники причащались. В эти тяжелые советские времена надо было делать так, чтобы на работе не узнали, упаси Бог! Но все равно душа в храм тянулась для утешения и радости. У тети Моти были и подружки верующие. Иногда в какой-нибудь праздник после литургии они к ней приходили, потому что у тети было несколько книг, даже старые издания Иоанна Златоуста. Хранились Библия, Евангелие. Конечно, все это она прятала. Иконка, помню, висела. Взрослые скажут: «Валя, почитай». Почитаем про сегодняшний праздник, или память святого, который празднуется, потом скромненько чайку попьем с хлебушком и икоркой - кабачковой.

Очень я любила - и это сильно действовало на душу - проповеди священников в храме. Тогда, после войны в Ленинграде были батюшки одаренные духовно и словом Божиим. Говорили они проповеди такие глубокие по смыслу, что стояла в церкви и не знала, где я, на каком свете. Говорят, например, про какого-нибудь святого. Вот ушел из мира, подвизался. И думаешь, Господи, какие были хорошие люди, Господу угодили, и теперь они в Царстве Небесном. А как же попасть, как заработать это, чтобы тоже там быть с Боженькой, и чтобы душа не погибла и вечно не мучиться?..

Любила я ходить в Ленинградскую духовную семинарию: ее в 1947 году открыли после войны. Там очень хороший отец Александр был. И вот я пришла на Рождественскую службу, после которой отец Александр сказал очень проникновенное слово. «Дорогие братья, сестры, какой сегодня великий, радостный праздник. Спасительный. Сам Господь, Боженька, сошел на землю. Бог - и сделался Человеком - родился в Вифлееме, куда Матерь Божия шла на перепись. Ему там и места не нашлось, родился Младенец Христос в ясельках. Овечки в пещере согревали его своим дыханием. А волхвы принесли дары: смирну, ладан, золото. А что мы принесем?» А я думаю, Боженька, Господи, что я Тебе принесу? Я такая грешница, у меня ничего нет доброго. Я хочу Тебя любить, и Тебе хочу себя посвятить. Возьми меня. И вот у меня после таких проповедей появилось окончательное желание уйти в монастырь, куда - я уже слышала - уходили подвижники. Думаю, Господи, возьми меня в дар, я себя Тебе отдаю, возьми меня в дар, Боженька. Все время куда ни приду, к Казанской Божией Матери или к святителю Николаю, я всех батюшек просила: «Помолитесь, помолитесь, я так хочу в монастырь». А они мне говорили, что должна быть воля Божия, надо знать ее и благословение на монашество получить. Но не знала я от кого это благословение можно получить.

А тетушка моя и слушать не хотела. Хоть и глубоко верующая, но говорила: «Я тебя взяла из детдома не для того, чтобы в монастырь отпустить. Меня похоронишь, потом куда хочешь иди – хочешь замуж, хочешь в монастырь, это уже да будет воля Божия».

«С Богом гряди!»

Ходила я в Никольский храм, в котором находился чудотворный образ святителя, я там всегда акафисты помогала петь – вроде у меня голосенок прорезался и слух. Батюшки меня уже знали, и матушки-алтарницы тоже знали, что у меня желание в монастырь уйти. И я всех просила помолиться, чтобы как-то смягчилось сердце моей тетушки. Однажды матушка-алтарница сказала мне, что надо бы у владыки взять благословение. Лениградским владыкой тогда был будущий патриарх Алексий I (Симанский). Она меня к владыке и привела, потому что он тогда в Никольском соборе жил. Владыка Алексий расспросил меня и дал свое благословение на монастырскую жизнь. Я и его попросила помолиться, чтобы Господь смягчил моей тете Мотеньке сердце, потому что она никак не хотела отпускать. «Да будет воля Божия», – сказал владыка и благословил меня съездить к старцу высокой духовной жизни, который в Вырицах живет. Ничего я про него не знала, стала спрашивать, где эти Вырицы находятся. И осенью 1948-го я поехала к преподобному Серафиму Вырицкому [39]. Он уже был старенький, в 1949-м скончался.

День выдался хороший. Я приехала в Вырицу, нашла его дом, около которого человек 20 сидели – женщины, старушки. Они что-то писали, не могу понять, что. Расспросила их, говорят, что не принимает старец, приходит его келейница, матушка Серафима, забирает наши записочки, он там читает и потом отвечает. Присела я на пенечек, и тут матушка Серафима вышла из домика, где батюшка жил. Ко мне подходит: «Девочка, а ты что?» Я говорю: «Хотела тоже к батюшке. У меня очень серьезный такой вопрос, разговор. Хочу знать волю Божию». – «Не знаю, как батюшка, сможет или нет, все пишут записочки», – ответила келейница и пошла в домик. Вскоре опять пришла, меня за руку взяла и говорит, что батюшка меня примет. Тогда все поднялись, чуть не плачут – некоторые со вчерашнего дня ждали: как бы к батюшке тоже пройти? Но она сказала, что батюшка не может, он слабенький очень.

Когда келейница привела меня к старцу Серафиму, он лежал на кровати, голова чуть приподнята, слабенький. Как вошла, я сразу перекрестилась, на коленки встала около его кровати. И расплакалась, не могу ничего говорить. Он меня благословил, гладит по головке: «Ну, что ты, что ты, а как тебя звать?» Я сказала. «А зачем ты пришла, что ты хочешь?» Я и боюсь про монастырь сказать. Господи, кто я такая? Какие в монастырях подвижники жили, слышала же в проповедях, и читала, как подвизались, как Господу они угодили. А я думаю, кто я такая? Он меня стал спрашивать, с кем я живу, где, сколько мне лет. Все это ему говорю. Потом опять замолчала. «Ну, что еще скажешь?» – спросил он. «Я, батюшка... как я хочу в монастырь. Помолитесь, батюшка, с которой тетушкой я живу, она никак не благословляет меня». Он меня крестит по головке, благословляет и говорит: «С Богом гряди. Господь тебя избрал, воля Божия есть. Так Господу угодно, и Матери Божией. С Богом гряди. Вот, посмотри, оглянись», – и ручкой показывает на другую стену. Я поворачиваюсь, вижу небольшую фотографию, какая-то горка, собор. Он и говорит: «Вот твой монастырь». Это была Пюхтица, прозорливо предрек мне святой старчик. Я ему еще про свою двоюродную сестру сказала, Ниночку, сироту, что она тоже очень хочет в монастырь. «Бог благословит, – сказал батюшка Серафим. – И Ниночка, и ты, с Богом грядите. А тетушка твоя пусть ко мне приедет, я с ней поговорю». В великой радости вернулась я домой, а тетушка Мотя – ни в какую: «Ни к какому батюшке я не поеду, и тебя не пушу».

Через некоторое время пришла я на акафист, опять и пою, и плачу. Матушка-алтарница после акафиста ко мне подходит и говорит, что приехала из Пюхтиц, из монастыря, матушка

игуменя Рафаила и остановилась у них на ночку. «Вот, – говорит, – и ты тоже приходи на чаек, сделай земной поклон и попроси смиренно, чтобы она тебя взяла в монастырь». Так я и сделала. Матушка Рафаила расспросила, где, как, с кем я живу. Я ей сказала, что у меня сильное желание идти в монастырь вместе с сестричкой двоюродной Ниной. А Нина сначала не очень верующая была. И вот трагически погибла ее мама, тетя Дуня, Нина стала духовные книжки читать, к вере пришла, и наша тетя Мотя тоже ее к себе взяла, вместе у нее воспитывались. Матушка Рафаила сказала: «Приезжайте. Сестер сейчас мало, работы много. Сестры и косят, и дрова пилят, и сами сеют, и со скотным двором управляют, коровушки есть. Сами хлеб пекут. Надо помогать обители, а самое главное, надо подвизаться. Все здесь временно, все здесь пройдет...»

Я уже понимала, что здесь, на земле, все временно – после проповедей наших духовных батюшек. Конечно, эти проповеди слышали много людей. Но почему-то меня это сильно задело. Видимо, действительно было призвание. Господь так вел, призывая к монашеской жизни. Я жила одним желанием отдать себя Богу в услужение, хотя вокруг была совершенно другая жизнь, советская. Но она меня как бы и не касалась, на уме было только одно – в храм. Какой сегодня праздник? Где будет всенощная, кто на литургии служит... Меня тянуло в храм, очень тянуло.

Про то, что творилось в стране – про лагеря, где людей массами уничтожали именно за веру, были разговоры. К моей тете Моте приходили ее подружки. Одна сидит, плачет, другая плачет, потому что кого-то взяли, кого-то на Соловки отправили или даже расстреляли. Но это уходило на второй план сознания, с 15 лет я стремилась в монастырь, и все.

После приглашения матушки Рафаилы я написала заявление в архиве, чтобы мне дали расчет с выездом из Ленинграда. А тетя Мотя моя пошла и сказала там, чтобы меня не увольняли, потому что я в монастырь хочу уйти. Собрались в архиве все сотрудники, меня вызвали и начали стыдить, что это я задумала? Я слушала, слушала, а потом напустила на себя чуть ли не юродство, мол, не понимаю, о чем вы говорите, я никогда не слышала о монастыре, что это: институт, больница или что-то еще, сколько там надо учиться, какая профессия будет. Убедила их как-то, что недоразумение произошло, и я уезжаю совсем по другой причине. Тогда директор приказал привести тетю Мотю, чтобы она расписалась, что я не в монастырь еду. Тетя Мотя – ни в какую, не хотела ставить эту подпись. И вот опять явная воля Божия была: согласилась старшая мамина сестра, тетя Ира, которая была не против моего желания. «Вот нас семеро, сказала она, – и ни одна не пошли Богу служить. А вы хоть с Ниночкой пойдете за нас Богу молиться в монастырь». И на мое счастье, директор на три дня уехал куда-то в командировку. И мы с тетей Ирой завтра же пошли в архив, и она расписалась за тетю Мотю. Меня отпустили. Потом, когда я уже была в монастыре, конечно, все узналось, но было уже поздно.

В то время, когда тетя Мотя еще сильно противилась моему желанию, я второй раз к отцу Серафиму поехала. Меня матушка Серафима снова пропустила к преподобному старцу. Он опять меня благословил: «С Богом гряди!» и снова просил передать тетушке Матрене, чтобы к нему приехала. Она все-таки поехала и от старца вернулась совершенно другая – плакала все время. По его святым молитвам тетушка изменила решение и благословила нас на монастырскую жизнь. Когда мы с Ниной уже были в монастыре, тетя Мотя приезжала в Пюхтицу и немножко там пожила. Ей очень все понравилось. Вернувшись в Ленинград, она в скором времени скончалась. Лидочка, другая моя сестра, ее там похоронила.

Еще до прославления преподобного Серафима Вырицкого люди мне его фотографии дарили. И я к нему часто обращалась: «Батюшка, помолись за меня», и чувствовала его молитвенную поддержку.

«Есть в далекой земле небольшой монастырь, посвященный Владычице Деве...»

Патриарх Пимен

вернуться

39

Преподобный Серафим (в миру Василий Николаевич Муравьев, 1866–1949) родился в благочестивой крестьянской семье. С десяти лет, по смерти отца, Василию пришлось стать кормильцем семьи. В Петербурге, начав с посыльного, через десять лет молодой человек уже открыл собственное дело, женился, стал одним из крупнейших торговцев мехом, при этом постоянно и много благотворил.

После революции закрыл свою контору, щедро одарил всех своих служащих, основные капиталы пожертвовал в несколько монастырей. В 1920 г. блестяще образованный купец 2-й гильдии стал пономарем – низшим служителем при церкви в Александро-Невской лавре и вместе с женой принял постриг. Его проповеди были просты и доступны, и много людей в страшные послереволюционные дни устремились к нему за утешением. Спустя несколько лет он принял схиму с именем Серафим и был назначен духовником одного из самых известных монастырей России. В конце 1920-х гг. заметили, что своей молитвой он исцеляет больных.

Здоровье самого отца Серафима резко ухудшилось, и врачи посоветовали ему переехать в курортный поселок Вырицу, где он принимал посетителей еще почти двадцать лет – в страшные безбожные годы советской власти, Великой Отечественной войны и послевоенной разрухи.

Последние годы жизни отец Серафим был прикован к постели и принимал людей лежа.

В 1949 году я приехала в Пюхтицу [40], и игуменья мать Рафаила назначила меня своей келейницей. В годы первого моего жительства в монастыре Бог сподобил близко видеть будущего патриарха Пимена. Тогда он был архимандритом, наместником Псково-Печерского монастыря и нашим благочинным. Он часто приезжал в Пюхтицу – это было недалеко, совершал постриги. Все сестры с большой любовью вспоминали его, потому что он проявлял особую любовь и заботу о Пюхтицком монастыре. Отец Пимен запомнился как необыкновенно талантливый человек – очень духовный, и регентом был, и певчим хорошим, прекрасные проповеди говорил, стихи даже писал. А нас, сестер, приглашал в Печоры – обязательно посылал свою машину. Говорил: «Приглашаю посетить нашу святую обитель, чтобы сестры несколько деньков пожили, посетили все святые места, поклонились в пещерах преподобным и чтобы службу попели у нас». И такие мы были счастливые, довольные и благодарные ему. Мы брали чудотворную Пюхтицкую «У источника» икону и ехали с певчими. Певчих было совсем мало, я тоже пела на клиросе, потом меня управлять хором благословили, дали мне череды. В Псково-Печерском монастыре, конечно, исповедовались, причащались. Какие там старчики были – преподобный Симеон (Желнин), молодой Иоанн (Крестьянкин), другие, со всеми познакомились.

Жизнь сестер в Пюхтице не была легкой. Трудников тогда не было вообще, сестер мало, рук рабочих не хватало, приходилось работать везде. У нас был скотный двор, лошадки, коровки, огороды, вручную пилили, кололи, косили. В хлебной стояла огромная квашня, втроем месили. Также и в просфорной. Руки, как от мороза краснели – так много приходилось раскатывать тесто.

Матушка Рафаила благословила мне петь на клиросе и управлять воскресной службой,

чередуюсь с тогдашним регентом старенькой матушкой Ангелиной. Дело было зимой. Вскоре заболела одна сестра, которая готовила. Вот матушка благословила меня готовить, пока сестра поправится. А варили в большом котле, который дровами топился. И варить надо, и матушка Ангелина на клиросе ждет. Смотрю, у меня котел не кипит. Я к экономке: «Мать Анна, благословите несколько полешек взять, расшевелить, чтобы у меня котел закипел. Мать Ангелина просит, чтобы на клирос хоть к Херувимской подойти, у нее сил нет». А топили очень экономно, на тряпке приносили иголки с елки и совочком подбрасывали, дров-то мало было на заготовке. И вот подброшу я несколько поленьев, гляжу: в котле пошли пузырьки. Ага, котел закипел. Тогда фартук снимаю и пока сестры еще не пришли, иду попеть на клирос. Потом снова к котлу. Вот так было тяжело.

Помимо всех других послушаний, надо было запастись дров в хлебную, в просфорную, в храм, в игуменский, в богадельню, в священнический дом. Сестры и на себе дрова таскали. Из леса идем, и каждая по силе несет шабашку – как мы называли дровишки. Если меня благословляли сегодня на лошадке работать и возить дрова из леса, то я свою шабашку клала на козлы. До обеда два рейса в лес, после обеда два раза в лес ездили и вывозили дровишки.

Да еще от уполномоченного было распоряжение – сдать государству норму – столько-то кубометров дров ежегодно. И вот исполню я с утра свои келейные обязанности, а матушка Рафаила говорит: «Валя, иди помоги, рук не хватает у сестер, а скоро снег начнет таять, и Великий пост грядет, надо побыстрее норму эту сдать». И бежала я в лес – в скромной своей одежке. Сосны валили сами, потом все сучки обрубали, распиливали, клали на телегу и в монастырь вывозили. А если толстенная сосна попадалась, с одной стороны сестры стояли с колыями, с другой – сани, наклоняем, чтобы можно было подпиленное дерево повалить на сани. Тяжесть невероятная. И вывозили эти кубометры только по снегу, пока зима была.

Однажды пришла из леса, вижу, что у игуменского стоит легковая машина. Гостей вроде не ждали. Я черным ходом пробежала, а матушка игуменья говорит: «Валя, быстренько переодевайся. Приехал отец наместник из Печер, надо сейчас обед подавать. Помогай мать Ефреме на стол накрывать». Мать Ефрема была старшей келейницей, тоже в игуменском жила. Я быстро переоделась, вся раскрасневшаяся с мороза подхожу к отцу Пимену под благословение, а он говорит: «Что это сестричка Валентина такая красненькая?» А матушка игуменья отвечает: «Отец архимандрит, помолитесь. Валя – моя келейница, и в игуменском послушание ответственное: надо и снег расчистить, и воды, дров принести, лампы заправить керосином, печки истопить. Да она еще и поет, и хором управляет. А я ее сегодня в лес послала, потому что уполномоченный приказал столько-то кубов напилить и сдать государству. Вот мне приходится даже свою келейницу посылать в лес». Отец Пимен очень удивился, услышав про норму кубов для государства. Пообедали, и он сказал, что отъедет, но вернется ночевать. Игуменья сказал: «Матушка, Матерь Божия не оставит обитель. Завтра, Бог даст, молебен отслушим».

Он действительно вернулся: оказалось, что он ездил в Таллин – тогда еще Ревель называли, встретился с уполномоченным, рассказал, какие сестры несут труды, и стал его просить, чтобы сняли эту норму... Тут нашу благочинную позвали, сказали, чтобы она утром никаких послушаний не назначала, всем – на литургию. И вот когда уже молебен пропели Матери Божией, отец Пимен, который имел необыкновенный дар слова, сказал: «Сестры, хочу вас порадовать, милость Божия да будет с вами! Царица Небесная Сама здесь Хозяйка. Благодарите Царицу Небесную, уполномоченный снял с вас нормы по дровам». Сестры кто на колени встал, кто плачет, кто прямо дар речи потерял. «Спаси вас Господи!» – наперебой говорят. А он: «Сестры, благодарите не меня, Царицу Небесную благодарите». – «Батюшка, да это по вашему ходатайству. Спаси вас, Господи, за вашу заботу, за то, что вы так понимаете наш тяжелый труд, и как отец заботитесь о нас, похлопотали перед уполномоченным». Он

опять: «Благодарите Царицу Небесную». Вот такое было чудо.

Как-то отец Пимен снова приехал в Пюхтицу. И на общей трапезе вдруг начал читать свои прекрасные стихи. Особенно запомнилось: «Есть в далекой земле небольшой монастырь, посвященный Владычице Деве...» – про Пюхтицу. И так это длинное стихотворение на сердце легло, что откуда-то и напев появился. Когда Эстонским владыкой стал уже наш Алексей (будущий Патриарх Алексей II) и в Пюхтицу приезжали зарубежные группы, тогда на общей трапезе или празднике меня игуменья благословляла петь: «Есть в далекой земле». Я регентовала, и певчие всегда пели эти стихи. А у иностранцев – в группах и верующие были, и неверующие – слезы выступали на глазах, такой трогательный был напев.

Вильнюс. Монастырь святой Марии Магдалины

Три года я уже жила в Пюхтицком монастыре. И вот как-то приехала к нам девушка, тоже Валентина, из Луги. Рассказала она про себя, что в монастырь хочет уйти. Перед Пюхтицей Валя в Вильнюсе была, у нее там жила родная сестра, Люба. Зашла она в Вильнюсе в мужской Духов монастырь, приложилась к нетленным мощам виленских мучеников. Потом узнала, что в местечке Новый свет существует женский монастырь в честь Марии Магдалины, и пошла туда, стала проситься, чтобы взяли. И матушка игуменья Нина так обрадовалась, сказала ей: «Валя, приходи». Потому что было ей уже 80 с лишним лет, а приходилось самой и на клиросе петь, и отчеты сдавать, и за ящиком стоять. Сестер было мало, помощников нет, а Валя счетоводом на почте работала и пела на клиросе. Валя пришла домой, и радостная Любе рассказала, что матушка игуменья ее берет в монастырь, а вечером в Лугу уехала к родителям. И вот Люба, которая не хотела, чтобы сестра ушла в монастырь, через некоторое время послала в Лугу письмо и написала от себя, что матушка Нина якобы Валю не берет, не нужны ей такие. Валя и поверила, сильно переживала. Но и это было промыслительно. Валя поскорбела, а потом узнала, что есть Пюхтица, приехала к нам и осталась – матушка Рафаила ее приняла.

Прошло года три, и в 1955 году нас игуменья благословила поехать в отпуск в Вильнюс. Зашли мы к матушке Нине, которой уже 86 лет было, а она так удивилась: «Валя, я тебя жду, жду. Услышала от прихожан, что ты в Пюхтице... Что случилось, почему ты не пришла ко мне?» Валя сама не понимает, в чем дело. Тут-то и выяснилось про Любино письмо... Валя спрашивает: «Матушка, а сейчас вы бы меня взяли в монастырь к себе?» Она отвечает: «Взяла бы». Мы с Валею так сдружились, просто духом соединились, вместе пели на клиросе и на послушаниях вместе. Я первое сопрано пела, а она второе, нашу череду очень любили. Стала я плакать: «Матушка, а меня возьмете?», а уже была в иночестве. Тогда в Таллине был владыка Роман, он мне при постриге дал имя Георгия, в честь Георгия Победоносца. Матушка Нина говорит: «Сестра Георгия, скажут, что игуменья Нина переманивает сестер. Надо знать волю Божию. Я взяла бы, конечно, у меня певчих нет». Когда мы вернулись в Пюхтицу, Валя стала собираться. А я пошла к матушке-игуменье, уже Ангелина была, Рафаила скончалась. И она меня отпустила: «Ну, поезжай».

вернуться

40

Находящийся в Эстонии Пюхтицкий Успенский женский монастырь (открыт в 1892 г.) в советское время был единственным действующим женским монастырем на всей территории СССР. «Пюхтица» в переводе с эстонского языка означает «святое место». В устройении обители сыграл большую роль святой праведный Иоанн Кронштадтский, который регулярно помогал деньгами, присылал новых насельниц, окормлял сестер. Во время его приездов,

особенно в торжества Успения Богородицы, в Пюхтице собира лось до десяти тысяч богомольцев. Монастырь стоит на Богородичной горке - в память о бывшем здесь в XVI веке явлении Пресвятой Богородицы пастухам-эстам. В дубовой роще на горе они увидели «Дивную Госпожу в лазурном одеянии, освещенную сиянием, она ходила меж дубов, будто ища что-то...» Осмотрев с односельчанами рощу, в расщелине дуба пастухи нашли икону Успения Пресвятой Богородицы. Верующие соорудили здесь часовню, а потом церковь, где в течение трех веков пребывала явленная чудотворная икона Успения Пресвятой Богородицы, которая издавна собирала со всей округи тысячи паломников. Ныне икона находится в Успенском соборе, построенном в 1910 г. Древний тысячелетний дуб сохранился (его высота - 26,5 м, обхват ствола - свыше 4 м).

Но тут вся Пюхтица всколыхнулась: «Валентина пускай едет, а тебя не пустим. Куда ты, Георгия, на кого нас бросаешь, клирос как же без тебя». Сестры очень любили, когда я пела и управляла хором. Валя собралась в Вильнюс и приехала туда на Варварин день - удивительно, потому что мать Нину впоследствии постригли в схиму с именем Варвара. А я в Пюхтице осталась - переживаю, скорблю. Стала опять собираться, а вся Пюхтица снова: мы тебя не отпустим, и не собирайся. И тогда наш духовник благословил решить дело жребием.

Вечером после службы, когда все ушли, он открыл киот нашей чудотворной иконы Успения Божией Матери, написал две записки: на одной - есть благословение ехать, на второй - нет благословения, скрутил и положили под икону. Я просила Матерь Божию, чтобы устроила не по моей воле, но по воле Божией и как Ей угодно. Утром, после литургии, когда все ушли, духовник открыл икону, покрутил эти записочки и дает мне: «Открывай». Разворачиваю: есть благословение ехать.

Так я приехала в Вильнюс и стала подвизаться в монастыре в честь Марии Магдалины - тоже промыслительно. Надо было с игуменьей Ниной пожить вместе, монашеского опыта набраться. Матушка Нина в молодости была духовной дочерью старца Амвросия, преподобного Оптинского. Их имение находилось недалеко от Оптиной пустыни. Родной брат ее был епископом, одна сестра монахиней. Родная ее племянница, мать Ангелина, с 8 лет жила в Вильнюсе у нее в монастыре и после смерти матушки Нины стала в нем игуменьей. Матушка Нина (в схиме Варвара) скончалась, имея совершенно ясный ум - никакого склероза, в возрасте 96,5 года, и из них полвека была игуменьей. Двенадцать лет Бог сподобил провести рядом с нею в вильнюсском монастыре. Валя, эта знаменитая в будущем Пюхтицкая игуменья Варвара (Трофимова, † 2011), помогала в бухгалтерии и тоже вместе со мной пела на клиросе. Ее в Вильнюсе и постригли.

В хрущевские времена монастыри стали закрывать, закрыли и наш, а сестер перевели в мужской Духов монастырь. Братия перешла в один корпус. Нам, шести сестрам во главе с матушкой Ниной, отдали покои наместника, отец Сергей тогда был. Он перешел в покои митрополичьи, наверх, а нам освободил свои покои. Я и там хором управляла. Мы чередовались с братией: они сегодня поют, мы завтра поем, а в праздники и воскресные дни наш сестринский хор пел даже вместе с архиерейским хором. Мы не унывали. В пещерном храме лежали мощи мучеников Виленских, которые в течение 550 лет остаются совершенно нетленными, подобно как у святителя Спиридона или преподобного Александра Свирского. В субботу была наша черед петь в пещерном храме, так замечательно, это было главным послушанием. Я тапочки для вильнюсских мучеников шила и вышивала. Их на мощах освящали, и отец наместник раздавал в благословение.

В начале 68-го года приехал в Вильнюс Таллинский владыка Алексей (Ридигер), зашел в Духов монастырь Виленским мученикам поклониться. Мы так удивились, что владыка из Эстонии

вдруг приехал в Литву. В этот приезд он и узнал у братии, что женский монастырь закрыли, и сестры в отдельных покоях в Духовом живут: игуменья Нина, ее племянница, которая с восьми лет при ней, келейница и пюхтицкие две, мать Варвара и Георгия. Вот тогда он и пришел в наш игуменский корпус, пообщался с матушкой Ниной, потом пожелал с нами побеседовать. Стали расспрашивать его про Пюхтицу. Слава Богу, сказал, сестры живут, трудятся, матушка, конечно, там уже такая слабенькая, старенькая, в аварию попала, гости приезжают. Расспросил, какие мы несем послушания и вечером в Таллин уехал. Через три дня матушке Нине из епархии позвонили и телеграмму прислали, чтобы мать Варвара срочно ехала в Москву. Удивились: никаких намеков ни на что не было. И матушка Нина заволновалась, и в епархии. Поехала мать Варвара в Москву и мне оттуда звонит, говорит, что ее хотят или в Иерусалим, или в Пюхтицу направить. Матушке Нине ничего пока не говорили. Мать Варвара, вернувшись из Москвы, мне сказала: «Не знаю, что делать: наш владыка Алексей в Пюхтицу зовет». Перед всеми этими событиями матушка Нина все время видела кресты – то наяву, то во сне. Она уже не вставала, в звоночек звонила. И когда мать Варвара пришла к игуменьи и сказала, что ее в Иерусалим хотели назначить, матушка вдруг снова: «Опять крест видела, опять крест какой, – и ручкой в воздухе показывает. – Этот крест я не переживу...»

Потом мать Варвару снова вызвали в Москву, от Иерусалима она отказалась. А за несколько дней до Крещения Эстонский владыка Алексей сказал ей, что в самый праздник в Таллине будет ее посвящение в сан игуменьи, а на второй день – Предтечи Господня – едем в Пюхтицу, и меня забирают. Вечером мать Варвара вернулась из Москвы. Пришлось все матушке Нине рассказать, ей сразу сделалось плохо. Весь Духов, все сестры – в слезы до истерики, братия очень переживали, даже скорбели. На Крещение в Таллине, в Александро-Невском соборе состоялось ее посвящение в игуменьи. А на второй день, на Предтечу, поехали в Пюхтицу. Там уже Владыка вручал матери Варваре посох, и 42 года она была там бессменной игуменьей. Сестры в Пюхтице были все очень довольны, что мы опять вернулись, помнили нас, хотя нас не было 12 лет. А у меня 12 лет день в день получились. Через месяц матушка Нина скончалась. Вот про какой крест она говорила. Матушка Варвара ездила ее хоронить.

Пюхтицкую игуменью Ангелину отправили на покой, она в аварию попала, недомогала. А надо было Пюхтицу спасти от закрытия. Еще в 1961 году, в самый день хиротонии Алексия (Ридигера) во епископа Таллинского и Эстонского власти заявили, что подлежит закрытию Пюхтицкий монастырь и еще 36 приходов в Эстонии. С большим трудом он уговорил власти отсрочить это безбожное решение и вскоре привез в Пюхтицкий монастырь первую зарубежную делегацию. Это событие сыграло свою положительную роль – был большой резонанс в прессе, монастырь оставили, но вопрос окончательно не был снят. И вот поехали группы в Пюхтицу – из Финляндии, из Германии, из Швейцарии. Эти группы надо было и принимать на должном уровне, и монастырь показать с самой лучшей стороны. Действительно, богослужение всем нравилось, и молитвенный настрой насельниц, и ухоженное хозяйство. Как это важно было в то время. Благодаря этим делегациям Пюхтица и сохранилась.

Старец с острова Залит

Промыслительным мое жительство в Вильнюсе было еще и потому, что именно там я встретила с отцом Николаем Гурьяновым [41], который с тех самых пор помогает мне своими молитвами, хотя уже и отошел в жизнь Вечную... Когда в 55-м году мы приехали в Вильнюс, он еще жил там. У него был приход при храме в честь святителя Николая. И когда праздновали память святителя или другие праздники, он приходил к матушке Нине, игуменье, просил: «Матушка, благословите мне Георгиюшку службу пропеть». Матушка меня отпускала к нему в приход. Необыкновенный батюшка был, духовный, но тогда мы еще не совсем понимали это. Матушка Нина всегда с ним советовалась. Отец Николай очень уважал и почитал ее, часто приходил в наш женский монастырь в честь святой Марии Магдалины. Несмотря на его

тогдашнюю молодость, у него был дар рассуждения, и Господь ему многое открывал. Он и матушку Нину духовно окормлял, и сестер, которых было всего около десяти. Придет к нам, сестры соберутся, и такая беседа потечет, важная для каждой... Потом вдруг подойдет к какой-нибудь сестре и пальчиком постучит. «Ты, – говорит, – что задумала? Нет, нет, нет, нет благословения». Никто ничего и не знает, что там она задумала, а ему открывалось.

Любил батюшка на фисгармонии петь и играть. Иногда матушке Нине скажет: «Матушка игуменя, благослови нас, меня и Георгиюшку (почему-то всегда так ласкательно меня называл), псалмочки на нотки положить, написать. Чтобы это было и для других в назидание духовное. Господу так угодно». Вот он сидит, играет какую-нибудь псалмочку на свою мелодию. Я потом говорю: «Батюшка, а если на полтона повыше?» Сяду, сама начинаю играть. «Ой, как хорошо звучит, прекрасно. Давай, Георгиюшка, пиши, пиши в этой тональности». Все эти ноты у меня в Пюхтице остались.

вернуться

41

Протоиерей Николай Гурьянов (1909–2002), родился в благочестивой купеческой семье, с детства прислуживал в храме, ездил с богомольцами по святым местам. В 1929 г. был исключен из Ленинградского педагогического института за выступление против закрытия одной из церквей, провел 7 лет в тюрьмах, лагерях и ссылках. После освобождения проживал в Ленинградской области, в 1942 г. стал священником и служил в разных приходах Виленско-Литовской епархии. В 1958 г. переведен в Псковскую епархию и назначен настоятелем Никольского храма на острове Талабск (Залит) на Псковском озере, где прошли 44 года его пастырского служения. С 1970-х годов к Залитскому подвижнику за советом и молитвенной помощью стали ездить не только со всех концов России, но и со всех концов земного шара. Исключительный дар прозорливости, обитавший в нем, и необыкновенная назидательность его лаконичных слов, доходивших до самых затаенных глубин души, приводили человека к покаянию и изменению всей жизни. Он старался каждому приходящему к нему сказать ободряющее слово, укреплял и наставлял в вере, призывал с любовью относиться ко всему, что окружает людей. Патриарх Алексий II назвал отца Николая одним из столпов русского старчества. Остров Талабск (Залит) с могилой старца по-прежнему привлекает многочисленных паломников.

Отец Николай присутствовал на постриге Вали – матушки Варвары. Потом, когда через трое суток новопостриженных сестер из храма вывели в кельи, он опять пришел в монастырь. Когда в келью к ней зашел, матерью Варварой ее называть не стал, а вдруг вот так: «Матушка-строительница». Спрашивает ее, читала ли она книгу игуменьи Таисии Леушинской? [42] «Батюшка, читала», – отвечает. «Так вот, матушка-строительница, пусть будет твоя настольная книга, читай, читай, матушка-строительница». Однажды приехал, когда уже монастырь закрыли, а мы жили в Духовом, и говорит: «Ой, матушку Варвару-то как сватать будут, как будут сватать!» А матушка Нина сидит, крестится: «Батюшка, да что вы такое говорите. Только постригли, а вы говорите – сватать». – «Ой, матушка, как сватать-то будут ее...» И сосватали-таки вскоре: приехал в Вильнюс владыка Алексий (Ридигер) и забрал матушку Варвару в Пюхтицу. Ей вручил игуменский жезл, а меня в мантию постриг – с оставлением имени в честь Георгия Победоносца и казначеей назначил.

Мы вернулись в Пюхтицу в 1968 году, отец Николай уже на остров Залит переехал, где теперь косточки его лежат. Многое пришлось восстанавливать, и он часто приезжал к нам в Пюхтицу,

сестры знали его необыкновенную любовь ко всем. Он помогал нам советами и молитвой. А если не мог приехать, когда нужно было что-то серьезное решать, матушка Варвара посылала меня к отцу Николаю на остров спросить, есть ли воля Божия. И если он скажет, что нет благословения, мы не делаем. Скажет – делайте, то уже знаем, что воля Божья исполнится. Так с 55-го года мы и жили под его благим руководством.

«Безропотно несите послушание – три шага до Царства Небесного»

В Пюхтице я застала еще старых монахинь – тех, которые первыми пришли на Святую гору по благословению отца Иоанна Кронштадтского. Меня поселили в келье вместе с матушкой Аркадией, духовной дочерью отца Иоанна Кронштадтского, она потом у нас благочинной была. Родом мать Аркадия была из Кронштадта. Дом ее родителей стоял недалеко от дома батюшки Иоанна, так что даже этот святой старец к ним домой приходил, а они – к нему. И по его благословению она совсем молоденькой девушкой пришла в Пюхтицу. Была еще мать Ираида, старшая просфорница, она в 14 лет пришла в монастырь и рассказывала, как сама Матерь Божия ее избрала и прислала в монастырь. «Когда еще не было монастыря, на Успение собирались на Святую гору паломники, – слушали мы ее рассказ. – Туда, где было явление Матери Божией, это эстонские пастухи три раза видели. Приближается Матерь Божия невидимо. Вдруг видят – перед ними появилась какая-то необыкновенной красоты Женщина сияющая. Хотят посмотреть на Нее, приближаются, а Она – снова становится невидима. Когда в третий раз им явилась Матерь Божия, мимо шли русские крестьяне. Пастухи позвали их и привели на место явления, а там лежит икона. Они лютеране были, иконам-то не поклоняются. Крестьяне посмотрели – оказалась икона Успения Божией Матери. Взяли эту икону, потом передали в Ревель, владыке, и построили на месте явления Матери Божией часовенку. Много лет икона находилась в этой часовенке, которая до сего дня стоит у древнего засохшего дуба. Это и есть чудотворный образ Успения Божией Матери. Дорогой батюшка, отец Иоанн Кронштадтский, благословил в честь Успения Божией Матери монастырь построить на Святой горке. Однажды с родителями я приехала на всюнощную под Успение, лет 13–14 мне было. Вечером всюнощная, после всюнощной была общая исповедь. Владыка из Ревеля приезжал, и утром собирался служить литургию прямо на горе, там, где единственная часовенка стояла. И вот после исповеди меня уложили спать на телеге, на сене. И вижу такой сон. Вдруг передо мной такая красивая Жена встает, глаза у Нее необыкновенные. Подходит Она ко мне и так ласково-ласково на меня смотрит, говорит: «Дочь Ирина, ты хочешь быть Моей служанкой и жить в Моем доме?» В миру я Ириной называлась, говорю: «Хочу». Она еще ближе ко мне подошла, ручку мне на голову положила. Я такое блаженство почувствовала, не могу передать. И вдруг Она стала невидима. Это Матерь Божия была»...

Когда я сама услышала от матушки Ираиды эти слова «хочешь быть Моей служанкой и жить в Моем доме?» меня охватило такое радостное чувство! Думаю, Матерь Божия, неужели, и я тоже служанка, и мы живем в Твоем доме? Вот каких сестер в Пюхтице я застала. Старенькие говорили, что когда батюшка Иоанн ходил по кладбищу, – там уже были первые монахини похоронены – то снимал свою шляпу, и то в одну сторону поклонится, то другой могилке поклонится. Говорил матушкам: «Здесь много мощей у вас». Если бы я знала, что мне придется восстанавливать Иоанновский монастырь, сколько бы я могла расспросить у этих уже отошедших в Вечность подвижниц. Святой Иоанн Кронштадтский сестрам всегда говорил: «Сестры! Безропотно, только безропотно несите послушание. Три шага до Царства Небесного. Только безропотно». А ведь все делали вручную. Когда строили собор, даже свой кирпич выделывали руками.

От первых сестер сохранились и пюхтицкие напевы. Они какие-то особые, очень молитвенные. Даже здесь, в Горнем, иногда поем какой-нибудь небольшой концерт. Я говорю сестрам, пойте Пюхтицкое, потому что они очень молитвенные.

Когда я была регентом в Пюхтице, тогда практически не было ни богослужебных книжек, ни нот. Заучивали с голоса, а когда некоторые сестры стали поступать и с музыкальным образованием – тогда уже стали делать спевки, новое разучивали. Все было хорошо в Пюхтице, только климат не по мне... Там я постоянно простужалась. То у меня рожистое воспаление, то ангина. Владыка Алексей приедет, надо петь, а у меня или горло простужено, или температура. В Горнем все простуды кончились, мой климат здесь. Видно, Боженька так милостиво устроил.

В Пюхтице мне пришлось быть прямой помощницей матушки игуменьи Варвары. Мы жили в одном игуменском. Казначая – это очень ответственное послушание: каждая копейка, каждая свечечка была на учете. Денег практически не было, как-то надо исхитриться с нашим натуральным хозяйством, чтобы на восстановление выкроить. И все-таки сделали электричество, подвели воду и отопление, здания стали строить. Паломнички понемножку поехали – тогда еще граница не закрывалась. Сейчас закрыта, но все равно сейчас очень много едут. Пюхтицу любят.

Патриарх Алексей II

Патриарх Алексей с самого детства вместе с родителями не раз приезжал помолиться в Пюхтицкий и Псково-Печерский монастыри, которые в то время выполняли особую духовную миссию объединяющих центров русской эмиграции. Я помню Святейшего с тех пор, когда он был студентом семинарии. По средам я ходила туда на акафист перед чудотворной иконой Знамения Божией Матери. Алеша Ридигер всегда стоял на правом клиросе – высокий, стройный, худенький – и читал. И учился немножко петь, хотя у него еще тогда слуха не было...

Когда я уже поступила в Пюхтицу, он приезжал к нам, бывало, на несколько дней с родителями – священник Михаил и матушка Елена, они были очень духовными людьми. В 1949 году Алеша Ридигер окончил семинарию. И первый приход дали ему в Йыхве, это 22 километра от Пюхтиц. Станция – как раз посередине пути между Ленинградом и Таллином. В Йыхве был храм в честь Богоявления Господня. В то время у нас мельницы в Пюхтице не было. Зерно соберем, надо ехать в Йыхве на мельницу, чтобы урожай смолоть. Положим мешки на две-три телеги и ночью выезжали, до станции уже под утро добирались. Зайдем на мельнице очередь, а пока ждем – идем в храме помолиться, где служит Алеша Ридигер, отец Алексей. К нему с окрестных хуторов и сел приходили, всем он так нравился, спешили к нему люди. Служил он и на русском, и на эстонском. Потом он стал окормлять Никольский приход в Яамах и проездом туда обязательно заезжал в Пюхтицу. Затем перевели его в Тарту, потом патриарх Алексей I вызвал для беседы, хотел узнать, что это за священник такой Алексей Ридигер. И после встречи патриарх сразу назначил его в Патриархию в Москву. Но Пюхтицы он никогда не забывал, был нам как отец родной и наши отношения всегда оставались очень душевными и близкими.

вернуться

42

Игуменья Таисия Леушинская (Солопова, 1842–1915) была удивительной подвижницей своего времени. Ее духовным отцом был святой праведный Иоанн Кронштадтский. Будучи учредительницей и настоятельницей одного из самых больших женских монастырей России – Леушинского, игуменья Таисия, кроме того, основала или возродила еще 10 монастырей и скитов: самый известный из которых – древний Ферапонтов с фресками Дионисия. Несмотря на

бремя хозяйственных забот, игуменья Таисия написала несколько духовных книг: «Письма к новоначальной инокине», «Духовные стихотворения», исследование об Иоанне Богослове. Записанные ею «Беседы с о. Иоанном Кронштадтским», а также переписка с ним стали драгоценным памятником их духовной дружбы. Прочитав «Келейные записки» матушки Таисии, о. Иоанн написал на них: «Дивно, прекрасно, божественно! Печатайте в общее назидание».

Во время его архиерейства ни гостиницы, ни архиерейского дома еще не было. Только Успенский собор, а вокруг него домики, где сестры жили. На первом этаже 4 кельи, лесенка на второй этаж, там еще две кельи. И чердачки. Моя келья на первом этаже была, в игуменском. Владыка Алексей тогда останавливался в моей келье, а я переходила наверх. Такой он всегда был смиренный. Когда его стараниями к нам стали приезжать зарубежные группы, владыка Алексей старался их сопровождать. Матушка Варвара скажет: «Мать Георгия, побудь рядом с владыкой». Я хором управляла, а он из алтаря выйдет, позовет меня, на часы посмотрит: «Мать Георгия, пожалуйста, в темпе. В темпе». Потому что группе надо было обязательно увидеть образцовое наше хозяйство и скотный двор, потом сходить на источник, съездить за грибами или на Чудское озеро за снетками. И вот возьму я хлебушка, на скотный придем, обойдем всех - лошадок, коров, курочек и везде владыка кормил животинку, очень любил братьев наших меньших, и они его любили.

Однажды мы обедали с владыкой Алексием. И тут позвонила со скотного старшая монахиня мать Иосафа, просит: «Мать Георгия, благословитесь у матушки, чтобы лошадам сено привезти». А у нас, наконец, один рабочий появился. Передаю просьбу мать Иосафы игуменья Варваре. Владыка слушал-слушал наши переговоры, потом и говорит: «Матушки, до чего мы дожили? Лошадкам привезти сено. Когда это было? Лошадки возили всегда. А теперь - лошадам на машине сено привезти!» А теперь уже и лошадок повывели, переложили весь труд на машины...

Владыка часто сам садился за руль своего ЗИМа и ехал к нам из Таллина. Если вечером ему надо было в Москву, он садился на поезд, машину оставлял у нас, в Пюхтице. И вот с его помощью игуменья Варвара начала возводить в Пюхтице монастырскую ограду, строить котельную, проводить отопление и в Успенский собор, и в кельи. Много было дел...

На Карповке

Летом 1988 года мы с матушкой Варварой были в Москве на торжествах по случаю празднования Тысячелетия крещения Руси. И однажды владыка Алексей пригласил нас на деловой обед, на котором спросил, хотим ли мы иметь Пюхтицкое подворье? Где, как - удивились мы? В Таллине Пюхтицкое подворье в хрущевские времена взорвали. Если бы его хиротония во епископа состоялась хотя бы на полгода раньше, думаю, он сумел бы отстоять таллинское подворье - такое было красивое здание, как все жалели... В Ленинграде тоже было Пюхтицкое подворье - в Гавани. Но там тогда располагался универмаг. Кто же отдаст универмаг? И вдруг владыка Алексей достает ключи, кладет на стол и говорит: «Матушки, вот Пюхтицкое подворье. На Карповке, монастырь отца Иоанна Кронштадтского». Мы еще больше удивились. В те времена об отце Иоанне страшно было и говорить. Боялись мимо монастыря ходить, тайком кто-то перекрестится у наружного окошка, где крест выдолблен, - и то был подвиг. А тут огромное здание монастыря в подворье отдают! «Матушки, постарайтесь, 1 ноября память преподобного Иоанна Рыльского, пожалуйста, восстановите его храм. Матушки, постарайтесь». Батюшка Иоанн Кронштадтский был назван в честь преподобного Иоанна Рыльского. Все на Синоде уже было решено, и государство на передачу согласилось - стараниями будущего Святейшего, такая сила была у него.

Господи, помилуй! Вечером в Москве давали праздничный концерт. «Владыка, простите, - сказали мы. - Ни на какой концерт не поедem, благословите нам сегодня же и уехать». - «Матушки, смотрите сами. Только я вас очень прошу, постарайтесь к 1 ноября». Мы позвонили в Пюхтицу, чтобы они как-то решили, с кем и как начинать дело, и тем же вечером выехали в Питер. Утром приехали - и сразу на Карповку. Не знали, с какой стороны подойти, в какие двери. Наконец нашли ту, к которой подошел ключ, и вошли.

Надо было видеть, что там творилось. Там жили бомжи. Грязища, вонь, туалеты переливаются, голуби с одного окна на другое летают, бутылки и окурки кругом. Храм долго не могли найти, а когда нашли - просто оцепенели. На месте храма Божиего страшный вонючий сарай. Позвонили в семинарию отцу Владимиру Сорокину, тогдашнему ректору. «Батюшка, помогите», - чуть не плачу в трубку. «Мать, откуда, что, чего?» - «С Пюхтицкого подворья». - «Какого подворья?» - «От отца Иоанна Кронштадтского». - «Как, от отца?..»

Тогда многие даже не верили мне, что Иоанновский монастырь передали в Пюхтицкое подворье, таким нереальным казалось событие. Говорили об этом и с восторгом, и с ужасом. Отец Владимир на своей машине на следующее же утро прислал 10 семинаристов с пилами и топорами. Внутри все было перегорожено досками. Семинаристы стали разбирать эти перегородки - одна, другая, десятая... Мусор на машинах вывозили. Потом за пол взялись. Поначалу было непонятно, что за доски лежат - пол или не пол, что с досками делать: покрасить или помыть? Когда одну доску оторвали, другую, оказалось, что под ними грунт насыпан. Хорошо, что я сама питерская, и родственники мои все там. Стала всем звонить: «Берите ведра, лопаты, тряпки, приходите помогать». Доски ребята все отбили, стали землю выносить - некоторые бабульки даже в своих фартуках таскали, тонны убрали. Пол на полметра опустился. Чудо, что благодаря этой насыпи сохранилась красивая старинная мозаика первоначального пола, не надо было никакими коврами покрывать. Отец Никон написал иконы. Приехал отец Владимир, наш пюхтицкий дьякон и столяр, и сколотил из досок иконостас. Знакомая директор цветочного магазина столько гирлянд привезла, украсили храм. Храм Иоанна Рыльского восстановили за две недели, и в ноябре состоялось освящение храма - такое торжество было! Люди глазам не верили, что все оказалось возможным с Божией помощью по молитвам святого батюшки. Через несколько дней после освящения приехал владыка Алексей, ему все понравилось, очень был доволен.

А потом начали восстанавливать усыпальницу, где дорогой батюшка лежит. Тоже мерзость запустения была. 380 одних противогазов вынесли, сломанные скамейки, будки, туалеты текут, грязища, вонь невозможная. В этом месте была школа ДОСААФ, которая учения проводила. Немного разгребли завалы. И где снаружи, на улице, на стенке был выдолблен крест, внутри в этом месте постелили коврик, поставили лампаду, цветы, батюшкину фотографию - тогда отец Иоанн еще не был прославлен. Все думали, что если снаружи крест, около которого люди в самые тяжелые годы поклонялись святому батюшке, значит, и в усыпальнице где-то рядом батюшка мощами лежит. Но нет! Когда все вынесли - парты, будки, доски сняли, - увидели забетонированное место. Так обнаружили место истинного захоронения. Все сбежались, и сестры, и трудники, радовались, что это место обнаружили.

Святейший всегда очень интересовался ходом работ, почти каждый день звонил. И вот я ему позвонила, чтобы сказать, что обрели место захоронения дорогого батюшки. Он через несколько дней приехал в Санкт-Петербург, спустился в усыпальницу и очень удивился, что могила не там, где с улицы крестик... На этом месте теперь и стоит новая рака, которую после революции снесли, а святое место бетоном покрыли, чтобы и память выветрить о праведном Кронштадтском батюшке. По этому поводу даже собиралась специальная комиссия, хотели вскрыть могилу и надругаться над святыми мощами. Об этой комиссии рассказала нам Полина Васильевна Малиновская, которая жила как раз напротив Иоанновского монастыря на

Карповке. Лет за пять до передачи она приехала в Пюхтицу, уже очень старенькая. Мы с матушкой Варварой ее приняли. Она беспокоилась, что скоро умрет, а у нее на душе важная подробность. Просила не предавать ее, вот как люди боялись даже упоминать имя батюшки Иоанна. Оказалось, что ее очень близкий знакомый участвовал в той комиссии. И вот когда они спустились в усыпальницу и начали вскрывать могилу, один из кощунников упал замертво, а другой рассудка лишился. Тогда все забетонировали, закрыли и ушли. Я потом Святейшему это рассказывала.

Очень помогла нам одна финская группа. Когда эти туристы в усыпальницу спустились и узнали, что ее восстанавливаем, они деньги дали. Все, наконец, отремонтировали, подсветку сделали. В скором времени состоялось прославление дорогого батюшки Иоанна. Очень торжественно было. На другой стороне речки Карповки, которая перед монастырем протекает, тысячи и тысячи людей собрались, одних только архиереев было двадцать. И уже не боялись советской власти, Перестройка началась.

Однажды святой батюшка явно помог... Монастырь трехэтажный: в самом низу усыпальница, на втором этаже – церковь во имя преподобного Иоанна Рыльского, на третьем – собор Двенадцати апостолов. После прославления стали восстанавливать собор, точно так же много чего вынесли – машины какие-то, бесконечный мусор. Крыша текла. Дошло дело до куполов – стали их медью перекрывать. Медью перекрыли, кресты заказала. Уже один, второй, позолотили, третий, четвертый крест, поднимать их стали. А рабочие говорят, что пора бы и рассчитаться с ними. Я прошу их, умоляю подождать, нет сейчас такой суммы, дам им немного денег, а они у меня опять просят. Стала ходить в усыпальницу, и батюшку просить: пошли денег, помоги мне. И приехал вдруг один мужчина из Ростова-на-Дону, дал мне конвертик, а там оказалась именно такая сумма, которую я была должна рабочим. Вот какое было чудо.

Наконец добрались до покоев, где жил святой старец. Не стерлось из памяти народной то, что было связано с его жизнью в монастыре, все точно знали, где эти покои находились... Святейший позвонил на Карповку и попросил, чтобы побыстрее сделать покои отца Иоанна Кронштадтского, потому что он хочет в Питере, не в епархии останавливаться, а в Иоанновском монастыре. И мы старались как можно быстрее отремонтировать батюшкины покои. Я к батюшке Иоанну всегда обращалась, и до канонизации. И вот опять чудеса милости Божией пошли: батюшкины вещи стали возвращаться. Вдруг привезли батюшкин большой письменный стол, который сейчас стоит в его покоях. Потом митру привезли, епитрахиль, шубку. Что-то на Карповке осталось, а некоторые вещи я матушке Варваре отдала. Теперь в Пюхтицах в большом зале отремонтированного корпуса батюшкины вещи лежат...

Святейший так радовался, что монастырь так быстро возрождается, прошло всего около двух лет с начала восстановления. И вот однажды вечером он позвонил и спрашивает у меня, как идут дела. Я отвечаю: «Ваше святейшество, батюшкины покои почти готовы, паркет положили, лаком покрыли. Карнизы повесили, шторы. Вас теперь будем уже встречать в батюшкиных покоях». – «Спаси, Господи, мать Георгия, вас за те труды, которые вы здесь понесли, – сказал он. – А теперь вам надо потрудиться в Иерусалиме, в Горненском монастыре...» У меня и трубка чуть из рук не упала...

Протоиерей Николай Гурьянов: «Какая ты счастливица!»

Еще при патриархе Пимене к нам в Пюхтицу приезжал тогдашний митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер), и однажды он сказал, что есть благословение из числа пюхтицких сестер собирать пополнение для Горненского монастыря на Святой земле. В Пюхтицком монастыре, который никогда не закрывался, было тогда около 100 сестер, поэтому можно было выбрать кандидаток в Иерусалим. Это было в начале 80-х годов. Надо было

собрать группу и подготовить ее к жительству на Святой земле. Такую группу собрали, и в специальном «иерусалимском корпусе» открыли мастерские. И вот приехал в Пюхтицу отец Николай Гурьянов с острова Залит. Матушка настоятельница благословила мне показать ему иерусалимский корпус. Я шла впереди. Открываю одну келью, другую – золотошвейную, рукодельную, иконописную. Кто-то из сестер говорит: «Батюшка, мы так счастливы, что нас направляют в Иерусалим. Но как же мы там жить будем – там ведь игуменьи нет». А он у меня за спиной на меня показывает и отвечает: «Что ты говоришь, там пюхтицкая игуменья». А я этого не вижу и не слышу, так что он даже прибавил: «Пюхтицкая игуменья Георгиюшка». Мне только потом сказали сестры про эти слова. В 1983 году мы послали первые десять наших сестер в Иерусалим.

Потом, когда уже восстанавливали Иоанновский монастырь на Карповке, я ездила к отцу Николаю и все просила его помолиться – так много было работы. Однажды приехала, как всегда, побеседовали, чайку у него в хатке попили. Потом он меня берет за руку и говорит: «Георгиюшка, пойдем в храм, помолимся Матери Божией». Мы пришли в храм и приложились к большой иконе Смоленской Божией Матери. Он меня опять за руку берет и в алтарь ведет вдруг. Думаю, зачем в алтарь? Господи, помилуй. Я так удивилась. И с таким трепетом вхожу. Он вошел, перед престолом поклон сделал, я здесь у двери стою, тоже земной поклон, он второй – я тоже, и третий. А на третий мне не встать. Не могу понять почему. А это он положил мне на спину крест – большой, металлический, тяжелый. И мне не встать. Потом он поднял крест, и меня поднимает. «Георгиюшка, – говорит – это твой крест, это твой крест игуменский, иерусалимский. Неси, неси, Господь поможет». Я очень удивилась, что за крест такой мне?

И уже после прославления батюшки Иоанна Кронштадтского, когда Святейший назначил в Иоанновский монастырь и священников, и постоянная служба была, вдруг мне отец Николай присылает с одной прихожанкой конвертик, на котором написано – «игуменья Георгии». Господи! Думаю, ну, батенька, юродствует. Я на Карповке игуменьей не была, монастырь тогда восстанавливался как подворье Пюхтицкого, я была старшей сестрой. Вскрываю конвертик, а там ни записки, ни письма, только 3 тысячи денег – огромная сумма. А через месяц Святейший позвонил и сказал, что надо потрудиться в Горненском монастыре. Конечно, монах не имеет права отказываться от послушания, на которое его призывают, но я очень смущалась и даже возражала: «Ваше святейшество, простите ради Бога, я не смогу. Вы знаете мой слабый характер». И Святейший говорит: «Мать Георгия, у меня на сегодня одна ваша кандидатура. Сколько сможете. Сколько сможете». Тут я вспомнила про батюшкин конверт – там деньги на дорогу были, и поняла, какой крест он мне на спину возложил.

Отец Николай мне все время пророчил Иерусалим. Иногда при мне неожиданно начинал петь: «Иерусалим, Иерусалим...» И вот Святейший позвонил, сказал, что 24 марта будет мое посвящение во игуменьи в Елоховском соборе – тогда еще не было храма Христа Спасителя. Мне надо было срочно сдать все дела на Карповке, передать документы. Матушка Варвара, когда Святейший ей сказал про мое назначение, слегла – сердце схватило, давление, сахар поднялись. Когда я к ней с Карповки приехала, она лежит, плачет: «Ты меня бросаешь, ты меня оставляешь. С кем я буду, как?» А я только и могу сказать: «Матушка, я же не сама напросилась...» Вечером вдруг Святейший позвонил опять матушке Варваре с поручением съездить в Печерский монастырь к отцу наместнику. Я слышала, как она отказалась по нездоровью и попросила благословить меня вместо нее съездить.

И вот на своей машине с одной сестрой мы приехали в Печоры, встретились с отцом наместником Павлом (Пономаревым). Потом он пригласил на трапезу к себе. Побеседовали – и было о чем: отец наместник не так давно возвратился из Иерусалима, где в течение двух лет являлся начальником Русской Духовной Миссии. Я сижу плачу: «Батюшка, помолитесь». – «Помоги, Господи, мать Георгия, за святое послушание. Если Святейший посылает, значит,

надо». Я говорю, как бы хотелось попрощаться с отцом Николаем, может быть, больше никогда не увидимся...

Это было чудо, что мы тогда к батюшке попали, потому что озеро было покрыто расколотыми льдинами: на лодке не доплывешь. И вот отец наместник, который никогда у отца Николая не был, тоже захотел к нему съездить. Он каким-то образом нашел вертолет, на котором мы и попали на остров Залит. А батюшка нас уже встречал – бежит навстречу и все приговаривает: «Георгиюшка, Георгиюшка, какая ты счастливица». А я плачу, ничего сказать не могу, только повторяю: «Батюшка, батюшка, помолитесь». А он опять: «Георгиюшка, да какая ты счастливица, куда едешь – ведь ко Гробу Господню. Да там же и твой Георгий». «Батюшка, я так боюсь, это же за границей. Когда я Иоанновский монастырь восстановила, это – в Питере, здесь, дома. А там, с кем, чего, как? Батюшка, и здоровья, и ума, боюсь, не хватит». – «Да всего тебе хватит! Не бойся, все у тебя будет хорошо». – «Святейший обещал, что я недолго там буду, три года, пять». – «А я хочу, чтобы ты там всегда была, чтобы ты там и померла». Думаю: «Утешил, батюшка...» Но все равно осталось в памяти только одно: «Какая ты счастливица!» Потом мне удалось только еще раз с ним встретиться. Батюшка очень помогал своими молитвами: так все и устраивалось в Горненской обители и сейчас устраивается. А ведь эти три-пять лет и впрямь растянулись. Уже больше двадцати лет прошло с того времени...

Фронт работ

Слава Богу, в Иерусалиме горненские сестры [43] встретили меня хорошо. Еще в 50-х годах из Покровского монастыря приехали сюда несколько сестер, некоторые из них остались, умерли здесь, кое-кто уехал. А потом уже следующая партия в 1982 году с разных епархий, в 1983 году приехали 10 сестер из Пюхтиц, через четыре года еще десять. К моему приезду в Горнем оставалось 35 сестер. Они уже устали жить без всякого руководства. Предыдущую игуменью Тавифу приняли в штывы, когда она приехала. В Горненском монастыре тогда сестры арабки жили, эти сестры ее плохо приняли: «О, советскую игуменью прислали. Зачем нам советская игуменья?..» Времена-то советские были. И на мать Тавифу так подействовало подобное к ней отношение, что она не смогла здесь жить. Мы с матушкой Варварой тогда были еще в Вильнюсе. И ее прислали сначала в Вильнюс, мы ее там встречали, расспрашивали про Горний. А потом ее благословили вернуться в Ригу, где вскоре мать Тавифа скончалась, я на похороны приезжала. Потом мать Феодора приехала в Горний, была здесь игуменьей около двух лет. Но по состоянию здоровья тоже не смогла жить в Иерусалиме, здесь тяжелый климат. После нее пять с половиной лет никого не было.

И вот за послушание Патриарху в 1991 году в полную неизвестность приехала я. Святейший тогда говорил: «Мать Георгия, надо восстанавливать Горний, поднимать, ремонтировать. Потом и паломники поедут». А я переживаю: «Ваше Святейшество, с кем, как начинать ремонт?» Он мне всегда Пюхтину и Карповку припоминал – как семинаристы к нам ездили. Через несколько месяцев после моего прибытия на Святую землю Святейший прислал двадцать семинаристов с тем, чтобы я дала им «фронт работ». А я не знала, с чего начать восстановление. К собору даже тропинки никакой не осталось, по монастырю не пройти, вся территория была заросшая. Недостроенный собор без крыши стоял почти 90 лет, внутри даже огромные деревья выросли. Жил здесь Яков Викентьевич, Царство ему Небесное, на нашем кладбище похоронен, помог, дал копеечку, купили топоры, пиломатериалы, и вот ребята к собору расчистили дорогу, потом внутри стали вырубать деревья. Они, правда, мало побыли – очень долго документы оформляли. А как оформили, вскоре и учебный год начался, им надо учиться. Мне только пять семинаристов оставили.

В Пюхтице было натуральное хозяйство, а здесь – ничего. Жить тоже негде было. Ни света, ни городской воды. Раньше здесь жили около 200 сестер, каждая в своем домике. Везде печки

были, сами топили, сами себе готовили. Ни гостиницы, ни паломников в Горнем никогда не было. Вода накапливалась за дождливый сезон в цистернах. В игуменском, в трапезной, у храма – большие цистерны, у каждого почти домика была цистерна с чистой водой. Но и цистерны эти пришлось ремонтировать, местных нанимала.

Однажды даже вот что было. Дожди шли обильные, а ко мне одна сестра приходит, другая, говорят, что воды в цистернах почему-то нет. Как нет? Может, вы трубу с крыши забыли в цистерну направить? Нет, все как надо. А прежде, чем начинались дожди, всегда вычищали крыши, желоба. Первый дождичек пройдет – промоет, только потом направляли трубу в цистерну, чтобы вода чистая копилась. И вот нет воды! Я сама пошла, посмотрела, потом позвала Дауда, он араб, который уже 30 лет нам всегда помогает. Дауд приехал, открыл цистерну, спустился вниз по лесенке. Воды было чуть на доньшке. Оказывается, кипарисовые корни пробились наружу, и воду-то и пили. Святейший мне звонил очень часто, интересовался, как идут работы. Однажды я ему и говорю: «Спаси, Господи, Ваше Святейшество, за вашу заботу, за любовь, за помощь, за все. Я вам хочу пожаловаться». – «Матушка, – ответил он, – вы никогда ни на кого не жаловались». – «Простите, Ваше Святейшество, у нас кипарисы выпивают воду, я на них жалуюсь». – «Что, что, кто, кто?» – «Кипарисы, – повторяю, – выпивают воду». Он опять не может понять, как будто я неправильно называю какую-то фамилию. Потом ему объяснила, рассказала, что в нескольких цистернах кипарисовые корни проросли и воду выпивают. Святейший так удивлялся, потом даже смеялся, говорил: «Матушка, прямо как анекдот. Я не мог понять, что такое, никогда вы ни на кого не жаловались, а вдруг на каких-то кипарисов жалуетесь». Дауд тогда арабов своих набрал и они корни внутри цистерн вырубали, а потом щели все замазали, заделали, почистили.

И вот уже когда начались ремонтные работы, я сказала отцу начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Никите (Латушко), что нет воды и тогда подвели к монастырю городской водопровод. Среди семинаристов оказался связист. Он провел в игуменскую городской телефон, который до того отсутствовал. Даже и телефон было непросто провести: везде камень, скалы, траншею не выроешь. Где-то времянку сделали, где-то на деревьях кабель привязали. Паломничество из России (тогда – СССР) начало развиваться с 1960 года, небольшие группы из духовенства приезжали обычно к празднику Святой Пасхи, Святой Троицы и Рождества Христова. В Горний тогда заезжали редко. В начале девяностых паломники появились и у нас, мне нужно было часто звонить в Миссию, без телефона стало уже невозможно жить.

Паломников надо было устраивать на ночлег. На месте нынешней гостиницы «Хадасса», которая сейчас располагается у входа в монастырь, богадельня находилась, из нее решили сделать гостиницу. Внутри этого здания мусор был навален почти до потолка. Еще до семинаристов приехали три брата чуваша, которые до того в Пюхтице долго работали. Они узнали, что меня направили сюда и вдруг приехали в Иерусалим. Ремонт начали эти три братика, выносили мусор в ведрах. Когда семинаристы уже стали крышу чистить, вдруг вертолет прилетел посмотреть, что такое в русском монастыре затевается. И смотреть приходили не раз. Я говорила, что нового ничего не строится, ремонтируем свое старое здание. А внутри надо было и воду, и электричество, и туалет, и душ сделать.

Однажды мне звонят: «Встречайте высоких гостей». Иду к воротам... это сейчас ворота, а тогда просто была калиточка. Не понимаю, кто бы это мог быть, из Миссии не звонили... А приехал с моей родины, из Санкт-Петербурга, Анатолий Собчак с сопровождением; поздоровались, он так обрадовался мне, немного прошелся, природой любитесь. «Матушка, какой вид, какой воздух, какая красота у вас, – стал восхищаться. – Я бы с удовольствием у вас жительствова». А он в Тель-Авиве остановился. Лето: у нас 30, а там, в Тель-Авиве под 40, плюс средиземноморская влажность. Я говорю: «Анатолий Александрович, с любовью приняла бы,

но у меня еще ни гостиницы, ничего нет. А уж таких высоких гостей мне и вовсе негде принимать, а восстанавливать некому». И договорились мы с ним, что через две недели я в Питер приеду – как раз отпуск мой намечался – и пойду к Сергею Николаевичу Никешину, 20-й трест, на такой-то улице. Он даст рабочих, оплатит дорогу, зарплата им пойдет – пусть гостиницу отстроят. Я когда прилетела в Россию, встретила со Святейшим тоже, он обрадовался, что кто-то будет помогать. И вот мне сразу прислали 10 рабочих. Раскладушки им купили, они и жили там, где ремонтировали. Потом уже и другие приезжали.

У сестер ни одного жилища нормального не было – пол ходуном, окна не закрываются. Крыши текут. Казанский храм тоже начали ремонтировать. Иконы в нем сохранялись, но церковь стояла не расписанная. Расписали ее, крышу новой черепицей покрыли. Раньше общей трапезной не было. Кушали сестры только по кельям. На месте новой трапезной стояло какое-то здание, тоже новой черепицей крышу покрыли, стены немного расписали, окна поменяли. А пол был такой, что в трапезу не войти. Отец Никита, начальник Миссии, однажды сюда пришел, как раз когда семинаристы приехали. Я говорю ему, надо решить, какие работы делать, пока здесь ребята. Может, пол бы они подняли – эти старые доски. Он отвечает, матушка, да зачем? А потом в другой раз он приехал, споткнулся и упал. Тогда только он дал благословение. И вот когда ребята стали поднимать эти доски, оттуда какой-то живности ни пошло. Сколько десятилетий пол не менялся. А потом уже положили плитку. И сестры смогли вместе собраться на трапезу повеселели.

вернуться

43

Горненский женский монастырь находится в живописном уголке на юге современного Иерусалима – Эйн-Кареме. Сюда, в «Нагорную страну, в град Иудов», вскоре после Благовещения пришла из Назарета Пресвятая Дева Мария, поделиться радостью со своей родственницей, праведной Елисаветой, матерью св. Иоанна Предтечи о будущем рождении от Нее Спасителя (Лк. 1: 39–45). В центре селения Эйн-Карем Пресвятая Богородица брала воду из источника, который источает воду и по сей день. Своим возникновением на месте рождения Иоанна, Крестителя Господня, монастырь обязан палестинскому труженику-одиночке начальнику Русской Духовной Миссии архимандриту Антонину (Капустину), который называет это место «Горний или Горнее». В 1871 г. он купил здесь два дома и обширную плантацию оливковых деревьев, а затем, расширив участок покупкой смежных земель, построил приют для русских паломников. Впоследствии здесь стали селиться русские инокини, и приют стал монастырем. После революционных событий монастырь постепенно пришел в запустение.

Сейчас уже и не упомнишь всего. Нынешние паломники, когда видят благоустроенную территорию, с трудом верят, что стояли здесь полуразрушенные домики посреди бурьяна. Трудись и молись за святое послушание – и Господь поможет. Так в любом деле. И как ни настороженно смотрели на наши первые шевеления власти, все же в 2004 году мы получили соответствующее разрешение иерусалимской мэрии на строительные работы в Горненском монастыре и приступили к восстановлению храма Всех Святых, в земле Российской просиявших, строительство которого было прервано революцией. Работа закипела. И через три года, 28 октября 2007 года, состоялось малое освящение нашего соборного храма Всех Святых, в земле Российской просиявших, который совершил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, нынешний Патриарх. Впервые почти за столетие Русская церковь осватила возведенный на Святой земле новый храм, который начали строить до революции на деньги императорской семьи и пожертвования простых россиян, а закончили в XXI веке.

Святыми молитвами царственных страстотерпцев Господь и возвращает нам наши святыни...

Благодатный огонь

Вспоминаю тот удивительный день 27 марта 1992 года, когда мы прилетели в Иерусалим на отдельном самолете – несколько архиереев во главе со Святейшим, хор из духовенства. Это было накануне Вербного воскресенья, и я впервые попала на крестный ход с пальмами из Виффагии, от места, где Господь сел на молодого осленка и спустился в Иерусалим. Вспоминала отца Николая: «Какая ты счастливица!» На Страстной неделе, во вторник, мы проводили Святейшего на родину, а я осталась с печалью, как справлюсь со многими новыми трудностями? Но впереди было светлое Воскресение! И тогда впервые в Великую Субботу я сподобилась увидеть схождение Благодатного огня. Отшагали мы с сестрами восемь километров от Горнего до Яффских ворот – автобусы еще до нас не доходили. Прошлись по извилистым улочкам Старого города до храма Гроба Господня. Внутри него тогда было спокойно, тихо – ни туристов, ни паломников, только местные были, арабки да гречанки. Вместе с ними мы встали у самой Кувуклии. И когда из Кувуклии спокойно вышел тогдашний Блаженнейший Патриарх Диодор, мы прямо от его свечи свои свечи зажигали. Стояли с зажженными свечами. «Какая ты счастливица!» – все время вспоминала я слова отца Николая. Теперь к Кувуклии и не подойти, жуткая давка, шум.

Отцу Пантелеймону, который и сейчас дежурит у Гроба день и ночь, кто-то сказал, что приехала новая игуменья из Горненского монастыря. Он уже меня видел, потому что в Вербное воскресенье Святейший служил на Гробе, а потом Иерусалимский Патриарх принимал нас. И вот отец Пантелеймон увидел меня: «Матуска!» Он еще совсем не умел говорить по-русски. «Матуска, матуска, гроб, гроб!» – говорит и меня подталкивает внутрь Кувуклии, на Гроб. Я с таким страхом вошла – Господи! Патриарх только что вышел – и вижу, Боже мой, вся плита влажная, аромат, запах благоуханный. Отец Пантелеймон показывает на ватку – вытирай, мол, ваткой. Он сам потом влагу ваткой собрал и подал мне в благословение.

Влажная плита Гроба – так сходит благодать. И лампадки все сами зажигаются. Я посмотрела, лампадки все горят, там их несколько, а одна почему-то не горела. И отец Пантелеймон опускает эту лампадку и мне показывает, чтобы я зажгла ее. Это такое было чудо, это такое чудо было! Плита влажной всегда становится после схождения Благодатного огня, только теперь никто этого не видит. А я, счастливица, видела своими глазами и столько сил мне это придало... Отец Пантелеймон доньше эту влагу собирает и потом ватки вместе с восковой печатью кустодией раздает в благословение, и мне тоже дает. Кустодия – это кусок чистого воска, которым запечатывается Гроб перед тем, как Патриарх входит в Кувуклию. С него снимают облачение у Гроба, там, где стоят армяне и греки. Все смотрят, чтобы у него с собой ничего не было такого, чем можно зажечь потушенные в Кувуклии свечи. Потом снимают эту кустодию, и Патриарх входит внутрь и молится до схождения Огня. Бог сподобил меня уже более двадцати раз видеть схождение Благодатного огня, я ли не счастливица?

В течение всего года с сестрами мы часто ходили на Гроб Господень на воскресную ночную службу, на заказные литургии или на праздник какой-то. Пока молодые были – ножками бегали, потом уж машину нам дали...

К святому Георгию в первый раз тоже чудесно попала. Однажды я была в Рамле у знакомых евреев. Я им говорю: «Слушайте, здесь где-то рядом с Рамле находится Лидда: там великомученик Георгий Победоносец пострадал и был погребен, церковь его должна быть. Святой Георгий – для всех великий святой. Пошли искать!» И мы пошли, и вскоре нашли храм Георгия. Евреи мои очень удивились, как это: первый раз приехала и сразу нашла, а они 20 лет в Израиле жили и ничего не знали. Сначала нам не открывали церковную дверь, но мы снова

через час пришли, и я все-таки достучалась, нам открыли. И потом, когда мы вернулись в Рамле, уже в квартире знакомый окно открыл и говорит: «Смотри, вот видишь там огонек? Там Георгий, оказывается, всего лишь в километре от нас. Спасибо тебе». Потом я уже сама стала ездить к святому Георгию, как батюшка Николай говорил: «Да там же и твой Георгий»... – мой святой, к которому я часто обращаюсь в молитве.

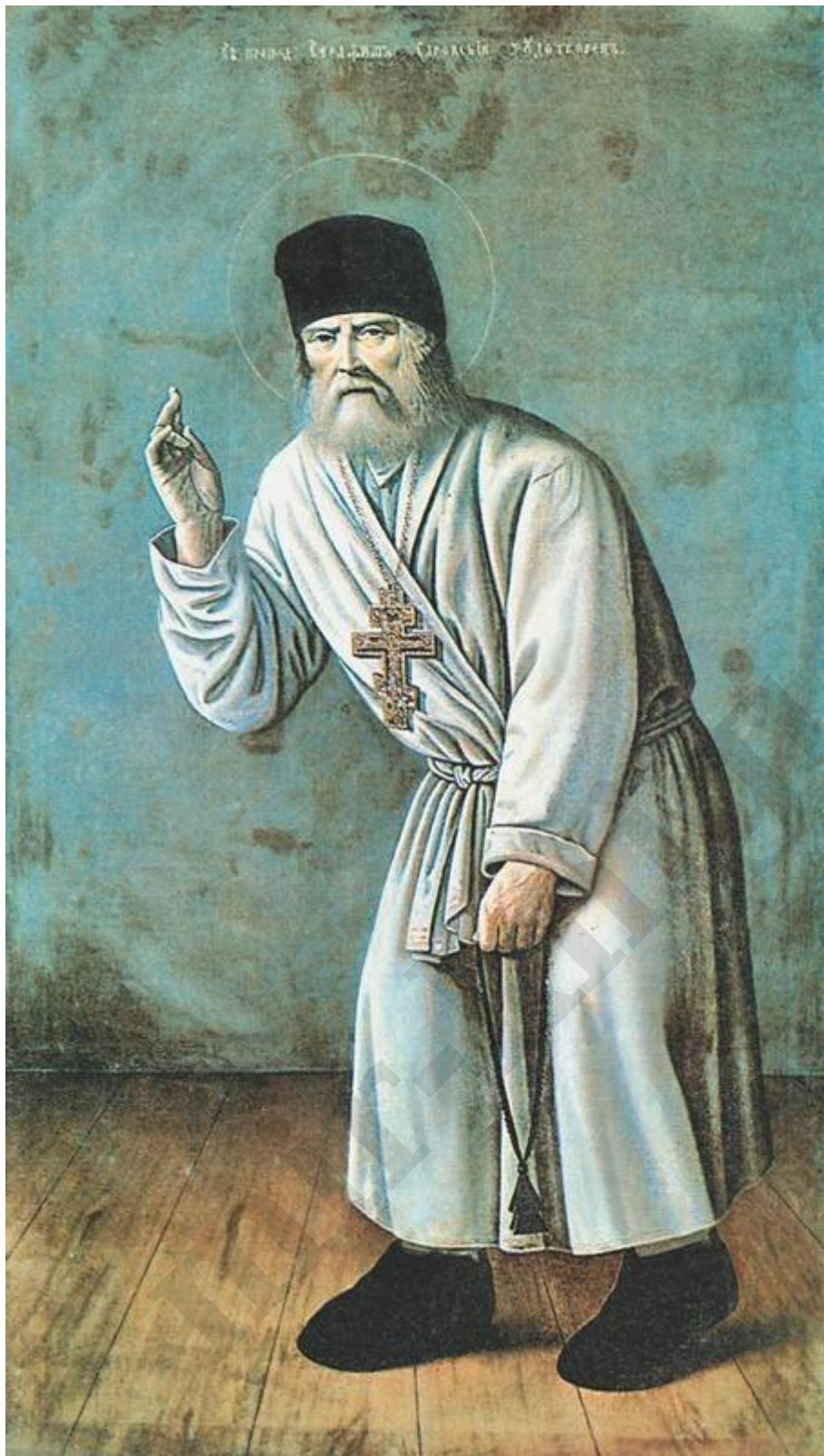
За двадцать лет я прикипела к этой земле совершенно. Господь сподобил меня, грешную и недостойную, такой милости, что я уже четверть своей долгой жизни пребываю здесь, на Святой земле, где Господь родился, жил, пострадал и воскрес, да еще быть игуменьей в монастыре Царицы Небесной.

Я молюсь, чтобы этот уголок Святой земли – Горний монастырь, основанный на месте Рождества Пророка и Предтечи Господня Иоанна, разрастался как духовное русское пространство, пока будем оставаться верны Господу Святая земля подкрепляет и освящает пребывающего здесь с молитвой.

Очень важно, что расширяется русское паломничество, и наше главное послушание здесь послушание Марфы – сестры трудятся, чтобы каждый паломник имел хорошие условия для жизни на Святой земле и не думал, где ему жить и что ему есть. Тогда у человека остается много сил для поклонения святыням. Этот данный Богом талант – побывать и освятиться на Святой земле он, вернувшись на родину, непременно преумножит во много крат – в ту меру, какой наделил его Господь. Когда паломник своими глазами сподобился видеть места евангельских событий, он уже и Евангелие по-другому читает, воспринимая слова глубже и постепенно меняет свою жизнь на более духовную. Бывает, у человека настоящий переворот в душе происходит, и он возвращается уже другим – с более серьезным отношением к жизни. Я так радуюсь, когда слышу о подобных вещах. И знаю, свет воспоминания о пребывании на Святой земле остается на всю жизнь...

Иллюстрации

Преподобный Серафим Саровский

Икона Божией Матери «Умиление», принадлежавшая прп. Серафиму

Крест-вериги преподобного Серафима

Преподобный Серафим кормит медведя

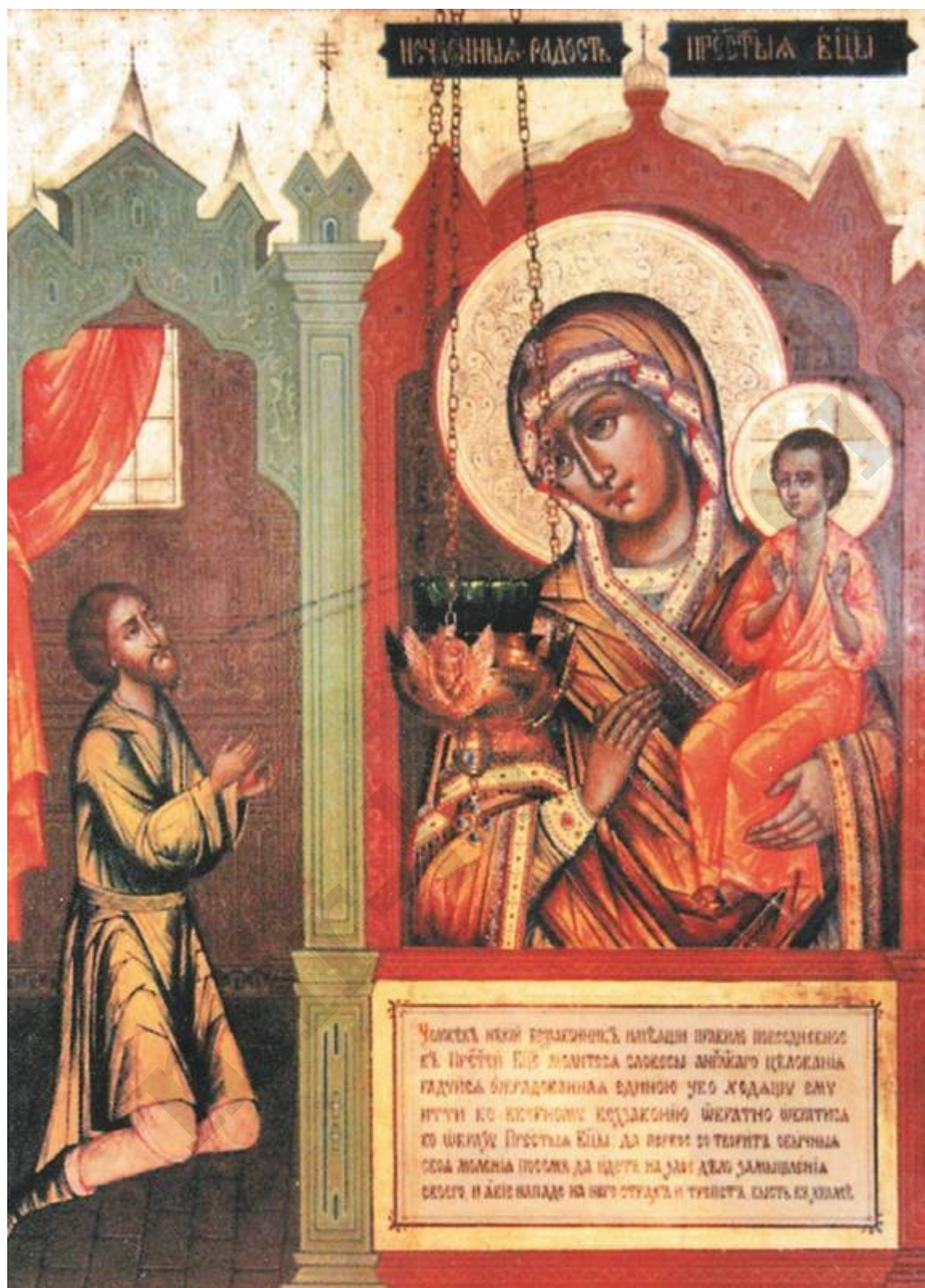

Крестный ход по месту, где проходила святая Канавка

Серафимо-Дивеевский монастырь

Икона Божией Матери «Нечаянная радость»

Святитель Филарет, митрополит Московский

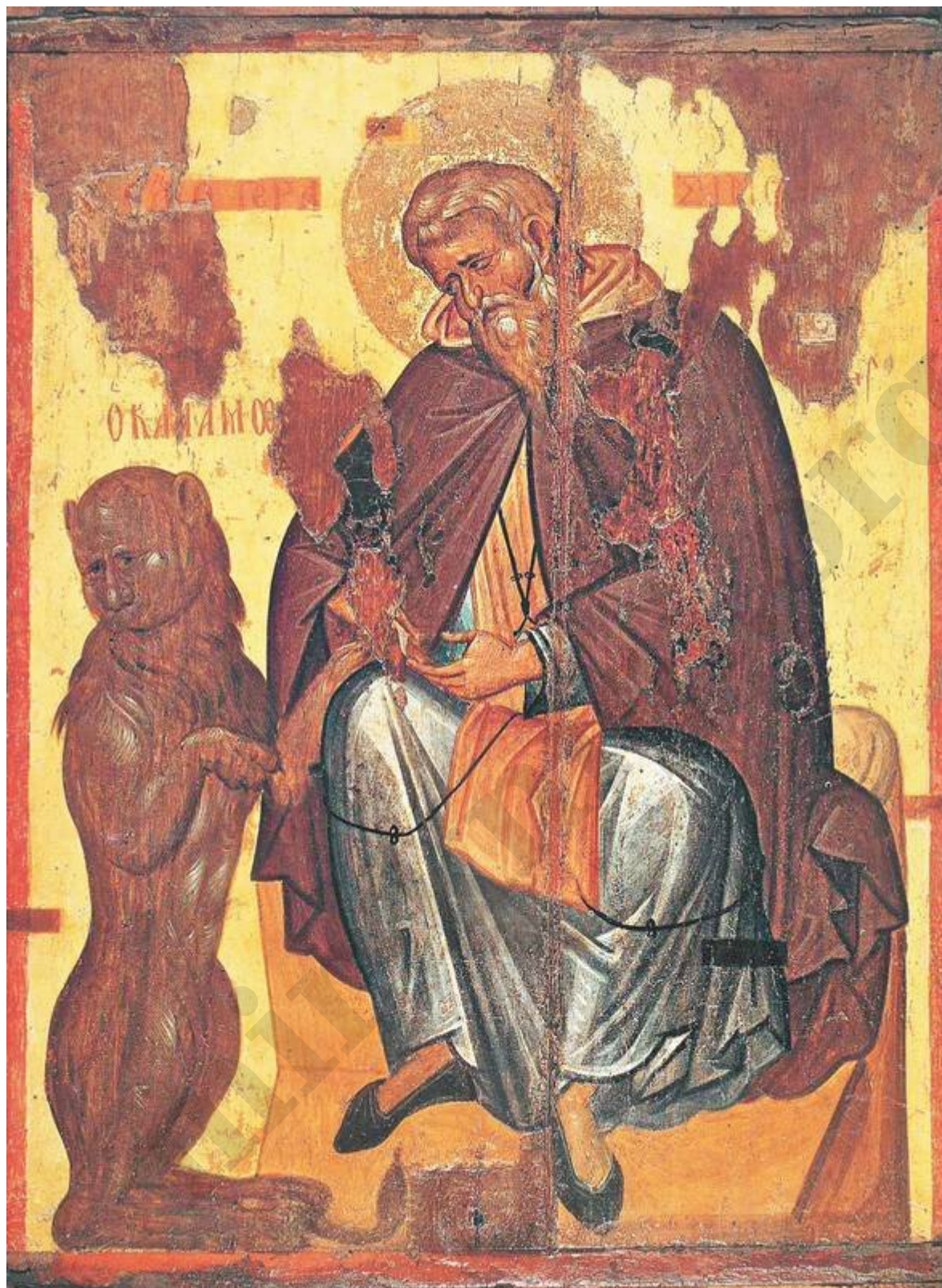
Митрополичьи палаты Троицкого подворья Сергиевой лавры

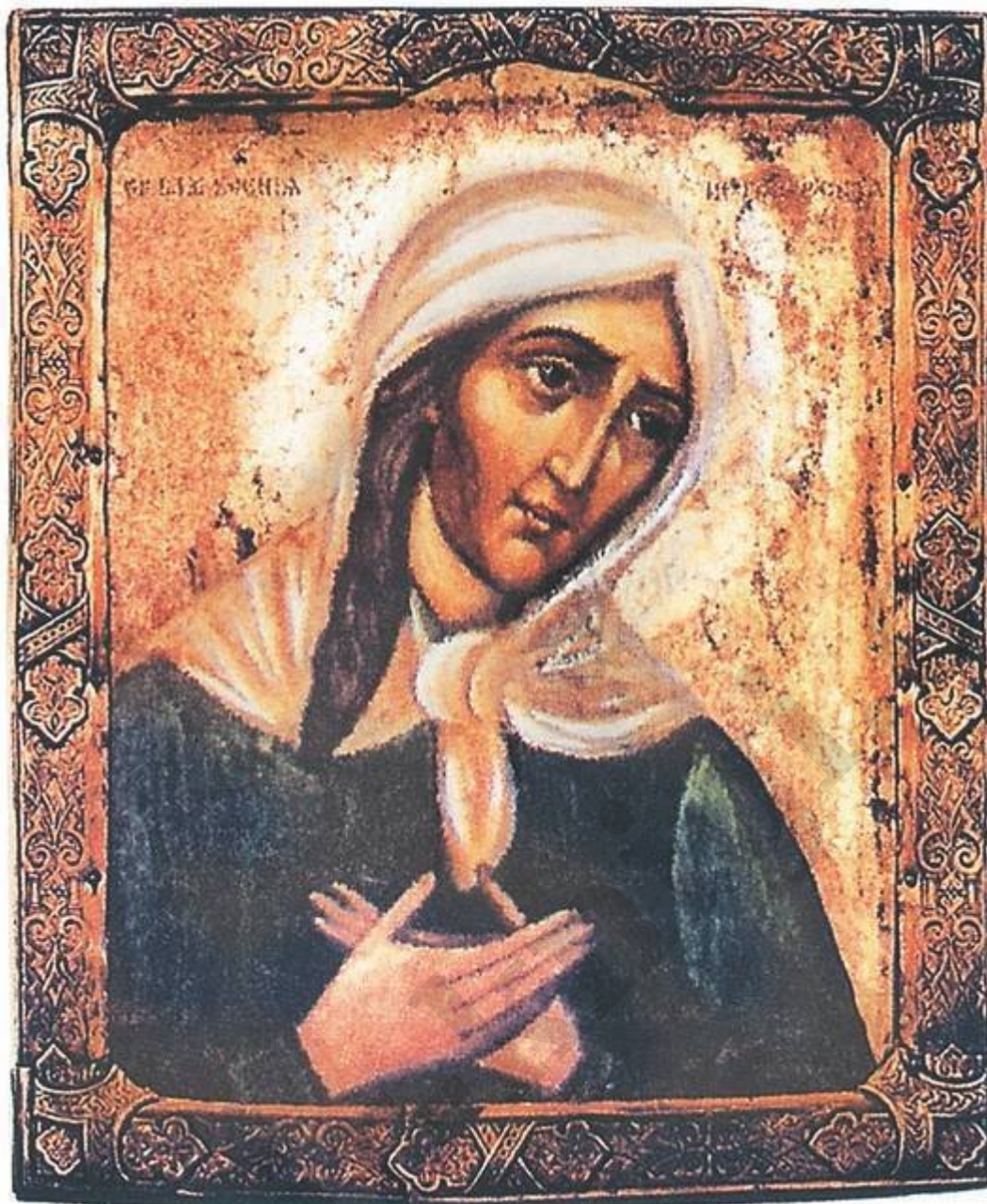
С крестниками

Отец на даче

Преподобный Герасим Иорданский со львом

Икона блж. Ксении Петербургской «с косою»

Часовня блаженной Ксении на Смоленском кладбище

Гробница блж. Ксении Петербургской в часовне

С розой от блаженной Ксении

Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Фото

Блаженная Ксения Петербургская

В евангельском «граде Иудовом» родился Иоанн Креститель. Ныне здесь, на окраине Иерусалима, располагается русский Горненский монастырь

Валентина Шукина, 16 лет. 1948 г.

Монахиня Георгия (Щукина), 1960 г.

На Карповке, перед могилой св. прав. Иоанна Кронштадтского. 1989 г.

Мон. Георгия в мемориальном кабинете св. прав. Иоанна Кронштадтского в монастыре на

Матушка Георгия и протоиерей Николай Гурьянов. Остров Залит

Фото на память с Патриархом Алексием II

С иконой Благовещения в Горненском монастыре

Горненская игуменья Георгия (Шукина)